

Дата выхода: 30.05.2019 г.

Студенческий электронный журнал «СтРИЖ»

№ 3(26) 2019

**Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»**

ISSN: 2587-7658

Редакционная коллегия:
Бородина Т.С. – главный редактор
Караваева А.С. – редактор
Спиридонова О.И. – дизайнер

strizh@vspu.ru
8 (8442) 60-28-88

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы отечественной истории

АВДЕЕВА П.А. Теории происхождения Донского казачества в отечественной историографии	4
АЗАРОВ Г.Н. К вопросу об импорте у сарматов Волго-Донского региона (по материалам погребений Волгоградской области)	8
БАГАЕВА З.Г. Кинематограф в культурной жизни Сталинграда в 1930-е гг.	14
БАГЛАЙ С.В., ТОМОВ А.С. Из опыта мониторинга молодежного экстремизма в Волгоградской области	19
БАХМУТОВА С.Р. Изменение социально-правового статуса женщины в Российской империи XVIII в.	24
БЕЖЕНЦЕВА А.Р., ОРЕШКИНА Т.Н. Восстановление культурных учреждений Сталинграда и области в послевоенный период (на примере домов культуры)	28
БИРЮКОВА О.О. Дворец профсоюзов послевоенного Сталинграда как памятник сталинского ампира	32
БИТЮШКОВА А.А. Сарматские украшения из курганного могильника «Вербовский I»	35
БОЛГАНОВА Т.А. Иван Петрович Иночкин – выдающийся изобретатель и рационализатор Сталинграда (Волгограда)	42
БУДНИКОВ С.Н. Наказной атаман в системе управления Войском Донским в XVIII–XIX вв.	46
ВЛАСОВА М.А. Отражение истории Сталинградской битвы на страницах периодической печати Волгоградской области середины 1960-х гг.	51
ИВАНОВ А.В. Российско-Китайские отношения на Дальнем Востоке в 1850–1860 гг.	54
КАРТАШОВ И.А. Характеристика деятельности Волгоградской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького за 1979 г. (по материалам годового отчета)	58
КАРЯКИНА А.Е. Развитие экспериментальной археологии в России (к постановке проблемы)	62
КИЙКОВА А.Е. Сельское население в социальной политике СССР во второй половине 1950-х гг.	65
КОРОТКОВА Т.А. Помощь городов и областей республик СССР восстанавливаемому Сталинграду и области в 1943 г.	68

КУЛАЧКИНА Е.В. История изучения памятника археологии среднепалеолитической стоянки Сухая Мечётка	72
ЛОЗИН Д.И. Инженерно-техническая интеллигенция Сталинграда в восстановительный период	79
МАЛАХОВА Ю.М. Состояние материально-технической базы школ Царицынской (Сталинградской) губернии в первые годы советской власти	84
МОРОЗОВА В.С. Особенности персональной истории как направления исторической науки	88
НЕКЛЮДОВ Н.В. Атаманская деятельность Алексея Максимовича Каледина (18 июня 1917 – 29 января 1918 гг.)	91
НОСКОВ С.И. «... Пониже города Саратова и повыше города Царицына...»: к истории города Камышина	95
ПЕРЕСЫПКИНА Е.И. Отражение русско-английских дипломатических отношений в отечественной и зарубежной историографии	98
ПИСЬМАРОВА А.В. Формирование научно-методологической базы изучения бус Золотой Орды	102
САХАРОВА В.Е. Исторический портрет Ивана III: отражение в отечественной историографии	105
СЕРЁЖНИКОВ А.А. Воспоминания С.З. Ерман как источник к исторической биографии Я.З. Ермана	109
СЕРЁЖНИКОВ А.А. Установление и развитие российско-испанских отношений	112
СТАРКОВА И.Ю. Идеология и литература в СССР 1920–1930-е гг.	116
ТРЕТЬЯК Д.В. Взаимодействие уровней власти в вопросах социального обеспечения отставных нижних чинов и членов их семей в России второй половины XIX в. (по материалам Саратовской губернии)	120
ФОКИН А.Ю. Попытки решения крестьянского вопроса в первой половине XIX в. (на примере Саратовской губернии)	124
ЦЫБКО Н.С. Проблемы семинаристского образования начала XX в. на примере Саратовской семинарии	128
ШКУРОВА Л.А. Талонная система распределения товаров во время перестройки (на примере Волгограда)	133

Актуальные проблемы отечественной истории

УДК 908

П.А. АВДЕЕВА

(polinaavdeeva20@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Рассматриваются различные версии происхождения казачества. Проводится анализ и сравнение гипотез. Предлагается классификация теорий происхождений Донского казачества в отечественной историографии.

Ключевые слова: казаки, Донское казачество, отечественная историография, русское крестьянство, сословие, теория происхождения казачества.

Удивительный народ – казаки, на протяжении многих веков они защищали границы нашего государства, отдавая жизнь «За Царя и Отечество». Об их жизни, быте и нраве написано большое количество художественных произведений, научной, исторической литературы. Тем не менее вопрос о происхождении казачества в целом, и именно Донского, остаётся уже долгое время дискуссионным. Актуальность этой темы непосредственно связана с ростом казачьего самосознания, с попытками возродить былое казачество, ликвидированное в годы Гражданской войны [7, 9, 11]. В нашей работе мы попытались классифицировать различные точки зрения на этот вопрос. Всего мы выделяем две группы теорий происхождения Донского казачества.

К первой группе мы относим теории, утверждающие о русском, крестьянском происхождении казаков. Ярким представителем этой группы является теория Сергея Михайловича Соловьева. В своем труде «История России с древнейших времен» он утверждал, казаки в XIV–XV вв. представляли собой людей свободных, работавших, преимущественно, по найму и независимо от вероисповедания и языка, передвигавшихся по территории Российского государства. По версии историка именно из числа этих вольных людей князья, бояре и богатые купцы снаряжали экспедиции в удаленные, малозаселенные районы Руси. Целью данных экспедиций были разведывание новых путей торговли, рыбной ловли и охотничьего промысла. Так же С.М. Соловьев утверждал, что слово «атаман» произошло от слова «ватамман», которым называли людей, возглавлявших такие экспедиции [15]. Можно сказать, что данная теория имеет право на существование. Иначе как мы можем объяснить тот факт, что казаки на Дону говорили на русском языке, были искусными охотниками, прекрасно передвигались по рекам и морям.

Идею С.М. Соловьева о крестьянском происхождении казачества продолжал Войсковой наказной атаман Войска Донского генерал-лейтенант Александр Васильевич Самсонов. Свои предположения он изложил в масштабном труде «Иллюстрированная история Донского казачества». Так он пишет, что казаки произошли от русских крестьян, бежавших на Дон после отмены Юрьева дня и закрепощения крестьянства. Там в Диком поле, вечно воюющие с татарами, они смешались с остатками хазар, печенегов и половцев и с ними положили начало Донскому казачеству [6, с. 10]. Во времена Ивана Грозного люди уходили на Дон от жестокой власти царя. Позднее, в XVII в. ряды донских казаков пополнили люди, несогласные с церковной реформой Никона. Их называли старообрядцами. После проведения анализа данного труда, можно сказать, что теория эта, на мой взгляд, близка к истине. В отличие от других теорий, утверждающих о происхождении казаков от русских крестьян, данная гипотеза

* Работа выполнена под руководством Ленивихиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

не отрицает, а даже подтверждает тот факт, что эти самые русские крестьяне смешивались с коренными жителями степи. По мнению А.В. Самсонова, это подтверждает и тюркское происхождение слова «казак». Однако позже эти остатки ордынцев степных народов просто исчезли под натиском притока русского народа. Тому в подтверждение, как считал историк, русскоязычность казаков и православная вера, так много значащая для казака с давних времен.

В советское время эта теория была господствующей. Историки советского периода временем возникновения казачества считали XVI в. и утверждали, что под именем «казаки» можно подразумевать беглых крестьян, люмпенов, разбойников из Московского государства, Бежавших на Дон от гнета «эксплуататоров» (А.И. Агафонов, А.И. Козлов, С.А. Плетнева, А.П. Пронштейн). Данная теория подкрепляется, как правило, примерами из народного творчества казаков (поговорки: «С Дону выдачи нет», «Царствуй, царь-государь, в Стольной Москве, а мы, казаки, – на Тихом Дону»), а также некоторыми документами, в которых казаки позиционируются как «всяких земель беглые люди» [1]. Мы считаем, что эта точка зрения несколько непоследовательна, т. к. казаки во всех известных источниках предстают перед нами как храбрые, вольнолюбивые, ловкие воины. Здесь возникает вопрос, могли ли некогда закрепощенные, не знавшие свободы крестьяне моментально превратиться в «вольного степного рыцаря»? Однако мы можем сказать, что именно такие беглые крестьяне пополняли ряды Донского казачества впоследствии.

Ко второй группе следует отнести теории, которые утверждают об формировании казаков как отдельной народности. Евграф Савельев в своем труде первой половины XX в. «Древняя история казачества» писал, что «народы, призванные выполнять великие исторические задачи, не могли образоваться как-то само собой, народы и государства не падают с неба, а подготовляются к выступлению на историческое поприще многими веками, и что никогда в истории не было и не могло быть примера, чтобы из беглых, а такими в московской Руси XVI в. могли быть только преступники или бездомный, гуляющий люд, поневоле покидавший свою родину, мог образоваться народ, целая демократическая республика, с своеобразными нравами и обычаями...» [14, с. 15]. И так, Евграф Савельев утверждал, что казачество, как лихие конники, с копьями и саблями – на суше и отважные мореходцы – на море, представляя передовой оплот великого славяно-русского племени, было известно, под тем или другим именем в глубокой древности, за много веков до Рождества Христова; что оно обитало почти в тех же местах, которые занимает и ныне: что оно в XII в. до Р. Х. на 30 кораблях с берегов Дона, Днепра и Днестра ходило на защиту Трои, потом часть его проникло в Италию, под именем гетов-русов, а впоследствии основало Рим; что, начиная с VI в. до Р.Х. и до XIII в. по Р.Х., оно наводило страх на персов и мидян, на греков и арабов; боролось с татарскими ордами и, в конце концов, осталось победителем над всеми своими многочисленными врагами, на славу великих свободолюбивых предков и в назидание грядущему, несокрушимо и гордому потомству [Там же, с. 10]. Можем ли мы говорить о полной достоверности его суждений, скорее всего – нет. Мы можем предположить, что отдельное славянское племя, существовавшее задолго до формирования древнерусской народности и разделения восточных славян на украинцев, белорусов и русских, должно было бы сохранить свой язык, отличающийся от русского не только некоторыми диалектами. Помимо того, мы нигде не находим точных достоверных записей о том, что современные казаки являются потомками гетов-русов, о их походах и сражениях.

В данную группу мы относим современную теорию В.Ф. Никитина. В своем труде «Казачество: нация или сословие?», написанном в 2007 г., утверждал, что казаки – это не сословие, как полагают многие историки, а отдельный этнос или даже нация. Сторонники этой теории утверждают, что казаки – народность, сформировавшаяся в начале первого тысячелетия нашей эры в результате смешения туранских племен скифского народа кос – сака и приазовских славян метео – кайсанов. Расцвет же государства Коссаков приходится, по их мнению, на конец XX в.,

когда Мстислав Владимирович отделился от Киева и создал свое государство Томаторкань, которое простиралось по Дону и Кубани [10]. В подтверждение своей гипотезы В.Ф. Никитин приводит несколько аргументов. Первый аргумент опровергает точку зрения о незаселенности Донских степей до прихода туда русских беглых крестьян. Ведь по этой территории протекают крупные, центральные реки России – торговые и политические магистрали. Это – Днепр, Дон, Волга, Урал и Терек. Здесь проходили всегда крупные торговые караваны, многие военные походы. Помимо того, эти территории находятся в благодатном природно-географическом месте. Здесь плодородные почвы, приятный, не засушливый климат [10, с. 13]. Данный аргумент, по нашему мнению, вполне оправдано высказан В.Ф. Никитиным. Ведь действительно трудно поверить, что такие благоприятные для жизни территории пустовали. Второй аргумент имеет скорее легендарное происхождение. Теоретик полагает, что князь Святослав Игоревич, правивший на Руси в X в., был казаком. По их мнению, об этом говорит его прическа (характерный для запорожских казаков чуб –оселедец), а также тот факт, что князь Святослав носил в одном ухе серьгу (по казачьей традиции серьгу в одном ухе носит единственный сын в семье, каким и являлся Святослав). В доказательство существования казаков до XVI в., он приводит еще один необычный аргумент. Это – строчки из древнерусской былины XII в., в которой Илья Муромца называют «старым казаком» [10, с. 16]. Однако этот аргумент, как и предыдущий, нельзя отнести к научному доказательству существования казаков в период Древней Руси. Позиция В.Ф. Никитина по этой проблеме неоднозначна, он как бы одновременно говорит о том, что казаки были отдельным народом, несвязанным с русским и, в свою очередь, не исключает существование казаков в период Древней Руси и непосредственную связь их с древними русичами.

Таким образом, можно сделать вывод, что в дореволюционный период и до первой половины XX столетия, теория крестьянского происхождения казачества было господствующей. Со второй половины XX в. с подъемом национальных движений, в том числе с ростом казачьего самосознания, стали появляться гипотезы, противоречащие старым взглядам. Эти теории утверждают о возникновении казаков еще в античную эпоху (в начале нашей эры) от смешения туранских, скифских, меотославянских, аланских и прочих племен с торжеством среди них славянской речи.

Литература

1. Агафонов А.И. «История Донского края XVI – первая половина XIX в. (Источники и их историческое изучение)». Ростов н/Д.: Приазовский край, 2001.
2. Астапенко М.П. История Донского казачества. Ростов н/Д.: Науч.-метод. центр «Логос», 1992.
3. Алмазов Б.А. Казаки. СПб.: Изд-во «Бертельсманн», 2013.
4. Винников Н. Парадоксы донской истории. Ростов н/Д., 2005.
5. Гордеев А.А. История казачества. М.: Вече, 2018.
6. Иллюстрированная история казачества. Волгоград: АО «Ведо», 1994.
7. Казачий Дон: Пять веков воинской славы. М.: Яуза: Эксмо, 2010.
8. Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1996.
9. Ленивихина Н.О. Этническое самосознание и проблема возрождения казачества // Стржемень: научный ежегодник. Волгоград: Издатель, 2009. Вып. 7. С. 145–148.
10. Никитин В.Ф. Казачество: нация или сословие? М.: Яуза, Эксмо, 2007.
11. Плеханов А.А., Плеханов А.М. Казачество на рубежах Отечества. М.: Вече, 2009.
12. Плетнёва С.А. Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982.
13. Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословий казаков на Дону // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
14. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2010.
15. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Изд-во «Голос», 1993. Кн. 1.
16. Урсова М.Н., Самко М.М., Кочеткова О.Г. Казачество России: прошлое и настоящее. Волгоград, 2012.
17. Шенников А.А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cossackdom.com/doc/shinikov_chryar.pdf (дата обращения: 03.02.19).

POLINA AVDEEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THEORIES OF DON COSSACKS' ORIGIN IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article deals with the consideration of different versions of the Cossack's origin. There is given the analysis and the comparison of the theories. There is presented the classification of origin's theories of the Don Cossacks in Russian historiography.

Key words: *the Cossack, Don Cossacks, Russian historiography, Russian peasant class, social category, theories of Cossacks' origin.*

УДК 433.902.01

Г.Н. АЗАРОВ

(azarov1993@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**К ВОПРОСУ ОБ ИМПОРТЕ У САРМАТОВ
ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА
(по материалам погребений Волгоградской области)***

Проанализированы и обобщены материалы, посвященные экономическим и культурно-политическим связям сарматов Волго-Донского междуречья с торгово-ремесленными центрами Северного Причерноморья. Приведены примеры о возможных контактах оседлого населения с кочевым миром. Основываясь на данных письменных источников, археологических материалов, говорится о торговых связях с центрами Северного Причерноморья. Частично раскрывается вопрос о существовании караванных торговых путей у кочевников Нижнего Поволжья.

Ключевые слова: Волго-Донское междуречье, история сармат, импорт, кочевники, номады, нижнее Поволжье, письменные источники, сарматы, сарматская культура, северное Причерноморье, торговля, экспорт.

В научной литературе понятие «ранние кочевники» или «древние кочевники» [15, с. 13.], отражающее особенности и характерные черты хозяйственного уклада племён, тесно связано с кочевым населением степей. Само понятие «кочевники», определяющее тип хозяйственного уклада савроматов и сарматов, появилось в 60-х годах в работах К.Ф. Смирнова.

Импортные изделия считаются одной из наиболее красочных и ценных категорий находок в погребениях кочевников. Они подтверждают контакты их с оседлыми соседями, в результате которых сарматские племена приобретали те или иные изделия, которые были им необходимы. Импортные вещи, обнаруженные в погребениях сарматов, являются единственным свидетельством разнообразных внешних связей кочевников, т. к. отрывочность полученных сведений из письменных источников не позволяет воссоздать целостное представление о культурных контактах сарматов. Такое состояние характерно для античных и римских источников, описывающих культуру сарматов Волги и Дона. Следовательно, необходимость анализа импортных вещей предоставит возможность исследователям подробно и всесторонне изучить не простые процессы торгово-культурной и политической жизни Волго-Донских кочевников сарматской эпохи.

Выделение категорий или групп импортных изделий в разных периодах сарматской культуры, обозначение путей и способов их попадания или проникновения в погребения кочевников Нижнего Поволжья – все это позволяет по-новому взглянуть на некоторые аспекты торгово-экономической, политической и социальной жизни номадов. Сравнение же импортных изделий, происходящих из комплексов номадов двух регионов, может позволить сделать вывод об интенсивности этих контактов, а также оценить степень значимости того или иного центра в различные периоды.

Контакты различного рода двух миров со специфичными экономиками, хозяйственно культурным укладом, а именно кочевого и оседлого населения на протяжении долгого времени исследуются многими авторами.

Археологические открытия элитных погребальных комплексов сарматской культуры повлекли невероятный рост заинтересованности к проблемам истории и культуры сарматских племен. Эти могущественные варварские народы оказывали существенное и решающее воздействие на историческое

* Работа выполнена под руководством Лапшина А.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

развитие торгово-культурных центров Северного Причерноморья, Закавказских государств, и, в небольшой степени, на пограничные римские провинции. Быстрого увеличения археологических источников, повлекли за собой незамедлительные попытки переосмысления сведений о сарматах и сарматской эпохе. Сочетая сведения из различных источников, исследователи предложили наиболее общие реконструкции, в описании области расселения отдельных сарматских племен, маршруты их передвижения, а, кроме того, подвергли переоценке известные данные, полученные из трудов античных авторов о военно-политической истории сармат [5, с. 1.].

Из сведений Страбона, следует, что II в. до н. э. в Восточно-Европейской равнине на ведущие позиции выходят такие племена, как аорсы, верхние аорсы и сираки, и др., ознаменовав начало «сарматской эпохи». Они представляли собой военно-политические объединения. Античные авторы утверждают, что сарматы, которые активно участвовали в политической жизни Причерноморского региона, предварительно объединявшись в большие этнополитические союзы, состояли из несколько племен [21, Кн. II, Гл. III, С. 21].

Сарматские племена обратили на себя внимание государств Северного Причерноморья и других держав того времени. В подтверждение слов, в работе «Истории» Полибий, пишет о мирном договоре между Понтийским царем Фарнак I и европейскими правителями, среди которых упоминается сарматский царь Гатал [10, с. 11].

Вопросы, связанные с экономическими и культурными контактами сарматов, рассматривались такими исследователями, как М.Г. Мошковой, К.Ф. Смирновым, В.П. Шиловым, Л.Т. Яблонским; в Поволжье: Б.Ф. Железчиковым [9], В.М. Клепиковым [11], В.Е. Максименко [15], В.И. Мамонтовым, А.С. Скрипкиным [20]; в Северном Причерноморье: В.И. Костенко, С.В. Полиным, А.В. Симоненко [19]; в Предкавказье и Прикубанье: Н.Е. Берлизовым [3], В.Б. Виноградовым [5], И.И. Марченко. Ими рассматривались так же вопросы хронологии, типологии сарматской культуры и её региональные особенности, концепции миграционных моделей сарматов, проблема времени и характер освоения сарматами нижнего Подонья и Северного Причерноморья, Предкавказья [7].

При изучении импортных изделий обнаруженных в погребениях кочевников Волги и Дона IV в. до н. э. – IV вв. н. э., особо уделялось внимание анализу отдельных предметов или категорий импортных вещей. Конечно же, объектами исследования стали наиболее редкие и ценные предметы импорта.

В работе Е.В. Игуменшевой приведены торговые пути и возможные варианты взаимодействия сарматов с ремесленными центрами Северного Причерноморья и Кавказа [10]. Например, А.М. Волович и М.Г. Мошкова полагали, что на раннем этапе истории сарматов Нижнего Поволжья основным источником импортных изделий были города и хоры Северного Причерноморья, например, г. Танаис [6, 18].

Трудности взаимоотношений сарматских племен с ремесленными центрами Северного Причерноморья и Римской Империей затрагивает Д.Б. Шелов в своих трудах [23]. В.В. Кропоткин, изучая римский импорт, сделал вывод о спорадических контактах Римской Империи, торговых греческих эмпорий с Южным Приуральем и Прикаспием. Необходимо также отметить выделенные В.П. Шиловым пути проникновения римских вещей, а именно дары, торговые связи, военные трофеи и внутренний обмен [24, с. 23].

В.П. Глебов в своей диссертации, посвященной материальной культуре сарматов Нижнего Поволжья, рассмотрел и проанализировал комплексы вещей, которые были распространены и характерны для кочевников Нижнего Подонья. Особое место в его работе занимает анализ импорта, обнаруженного в погребениях, в том числе и гончарная керамика. На основе накопленного и изученного материала В.П. Глебов, выделил типы импортной керамики, создав на основе собственную типологию импортной керамики Нижнего Подонья [7].

Ремесленные и торговые центры Северного Причерноморья, несмотря на свое особое двойственное расположение, а именно являясь северо-восточной окраиной греко-римского мира, всё же играли одну из центральных ролей в экономической и политической жизни Восточно-Европейских степей, активно и успешно выстраивая взаимоотношения с обоими мирами.

Классификация и типологизация импортного вещественного материала способствует разработке хронологии сарматской культуры. Курганы и могильный инвентарь, как источник изучения сарматов, являются единственным материальным и наиболее доступным для исследователей. Необходимо отметить, что при изучении вопросов культурного и экономического взаимодействия сарматов, для хронологических построений сарматской культуры приобретает значение массовый вещественный материал, найденный в погребениях. В свою очередь, расширение ассортимента товаров античного времени, обнаруженных у сарматов, способствует открытию новых мест и их производству. В комплексе все данные подтверждают прогресс культуры и ремесла в Средиземноморье в I в. н. э. Отсюда следует развитие международной торговли и массовое поступление изделий из ремесленных мастерских греков и римлян в глубинные районы степей Волго-Донского междуречья.

Придерживаясь общепринятых категорий импортной гончарной керамики, выработанных рядом исследователей (Н.Е. Берлизов, В.Д. Блаватский, В.Е. Максименко, В.И. Мамонтов, И.В. Сергацков, А.С. Скрипкин, К.Ф. Смирнов, Д.Б. Шелов, В.П. Шилова), мы также относим к следующим группам: краснолаковая керамика, красноглиняная керамика, сероглиняная керамика, миски, кружки, миниатюрные сосудики, ритуальные сосудики, которые, естественно, использовались как в быту, так и в похоронных ритуалах. В ряде случаев посуду специально изготавливали для погребальной церемонии.

В статье рассматриваются категории импортных вещей, которые получили широкое распространение и информативны в хронологическом отношении, а также те вещи, которые вызывают наибольший интерес у исследователей.

В настоящее время большинство археологов признают, что сероглиняная гончарная керамика, будучи самой многочисленной, происходит из центров производства Кубани, Нижнего Дона, Северного Кавказа [13, с. 107]. Сероглиняная керамика представлена следующими категориями: горшки, кувшины, кружки, миски.

Сероглиняная керамика

В.М. Клепиков в 2002 г. обнаружил при раскопках могильника «Солодовка 1» развал глиняного сосуда (горшковидной формы с шаровидным туловом, с высоким расширяющимся горлом; по плечикам проходят два параллельных неглубоких желобка; с одной стороны, в верхней части тулова прилеплен круглый выступ – ложный носик-слив; в центре выступа сделано небольшое углубление, имитирующее отверстие; тулово сосуда подлощено) (см. рис. 1.1 на с. 12).

Л.В. Гуренко в 2003 г. у хут. Веселый найден сероглиняный кувшин II в. н. э. с туловом биконической формы с округлыми боками и невысокой воронкообразной горловиной, в месте перехода горловины в тулово проходит кольцевой валик [2, с. 47–48] (см. рис. 1.2 на с. 12).

В курганном могильнике «Вербовский III» был обнаружен кувшин станковой работы. Кувшин имеет реповидное тулово, высокую горловину, переходящую в широкую площадку венчика, край которого резко отогнут наружу. От средней части горловины к верхней части тулова прикреплена небольшая Г-видная ручка (см. рис. 1.3 на с. 12).

При раскопках курганного могильника «Вербовский I» найден сероглиняный реповидный кувшин станковой работы, имеющий высокую горловину, край которой отогнут наружу (см. рис. 1.4 на с. 12).

Сероглиняная гончарная чаша (вторая пол. II–III в. н. э.) найдена у пос. Аксай Октябрьского р-на В.М. Клепиковым, расположенная на высоком поддоне, имеет прямой бортик и острое ребро при переходе от бортика к стенке [2, с. 12–13] (см. рис. 1.5 на с. 12).

Краснолаковая керамика

В.И. Мамонтовым в 2015 г. в могильнике «Вербовский I» найден небольшой черноглиняный сосудик с реповидным туловом и воронковидной узкой горловиной станковой работы с хорошо сглаженной поверхностью (см. рис. 1.6 на с. 12).

Черноглиняная миска I в. н. э. найдена у пос. Первомайский Калачевского р-на. По верхней части миски проведены шесть параллельных круговых резных линий [11, с. 25] (см. рис. 1.7 на с. 12).

Находка начала III в. до н. э. из могильника Кривая Лука VI погребения 14 кургана 1. Рядом с амфорой обнаружена краснолаковая миска с загнутым краем на кольцевом поддоне. Такие миски характерны для античных центров Северного Причерноморья. Так, в керамическом комплексе Херсонеса Таврического они являются частыми находками и датируются IV – серединой III в. до н. э. [2, с. 192] (см. рис. 1.8 на с. 12).

Круглый ангобированный орнаментированный канфар I в. н. э. найден В.И. Мамонтовым в 1984 г. у пос. Первомайский. Тулово канфара покрыто красным лаком. Петлевидные ручки имеют прямые выступы над ними [2, с. 127] (см. рис. 1.9 на с. 12).

У с. Ильевка обнаружен краснолаковый кувшин. У амфоры две ручки и тонкий отогнутый наружу венчик. По широкой части тулова проходят три резные круговые бороздки, от которых ко дну спускаются резные линии – каннелюры [11, с. 127] (см. рис. 1.10 на с. 12).

В ходе охранных раскопок могильника «Вербовский I» в 2015 г. В.И. Мамонтов нашёл небольшой черноглиняный сосудик с реповидным туловом и воронковидной узкой горловиной, станковой работы с хорошо сглаженной поверхностью, глина чёрная с вкраплениями частиц мела (см. рис. 1.11 на с. 12).

Красноглиняная керамика

Красноглиняный кувшин II–I вв. до н. э. найден В.М. Клепиковым в 2000 г. у с. Перегрузное Октябрьского р-на, погребение 4. У кувшина шаровидное тулово, переходящее в высокую горловину с вертикальной ручкой. Дно выделено круговым поддоном [2, с. 144] (см. рис. 1.12 на с. 12).

Красноглиняная миска станковой работы, найдена в 2009 г. в могильнике «Вербовский I» (венчик прямой, тулово после ребра резко направлено к небольшому доньшку; глина красная, хорошо вымучена и обожжена; на поверхности миски заметны горизонтальные полосы, оставшиеся от формовки) (см. рис. 1.13 на с. 12).

Миниатюрные сосудики

Изящный флакон из гагата из Вербовского I – это небольшая ёмкость с округлой крышечкой и полостью для хранения пахучего вещества. Из кусочка гагата вырезано рельефное изображение шестилучевой звезды. Внешняя поверхность флакона заполирована. Возможно, флакон носился в «кисете» на груди (см. рис. 1.14 на с. 12).

Ритуальные сосудики

Унгвентарий II–I вв. до н. э. найден у с. Перегрузное Октябрьского р-на (группа I, курган 23, погребение 6) В.П. Клепиковым в 2001 г. (глиняный унгвентарий с веретенообразным туловом, высокой ножкой, с выделенным основанием) [Там же].

Унгвентарий второй пол. II–I в. до н. э. найден В.П. Шиловым в 1964 г. у ст. Жутово Октябрьского р-на (курган 27, погребении 4) (глиняный унгвентарий с веретенообразным туловом, высокой ножкой на выделенном основании) [2, с. 130] (см. рис. 1.15 на с. 12).

Импортная гончарная керамика важна для хронологических разработок, она дает возможность установить направление культурно-экономических связей сарматов с ремесленными центрами её производства.

Следует отметить, что керамика у сарматов имела многофункциональное назначение. Она активно использовалась как в хозяйстве, так и в религиозных церемониях. В погребения могли помещать не только специально изготовленные для обряда сосуды, но и уже использованную в быту посуду, в том числе реставрированную. Установить место производства керамики, обнаруженной в сарматских комплексах, теперь позволяют как морфологические признаки, так и технологические особенности.

Рис. 1. Категории импортной керамики из погребений

Примечание. 1. Горшок с шаровидным туловом. 2. Горшок биконической формы. 3. Кувшин с репевидным туловом. 4. Кувшин станковой работы. 5. Миска на высокой ножке-поддоне. 6. Черноголиняный кувшин с реповидным туловом. 7. Миска с прямым венчиком. 8. Миска с орнаментом. 9. Орнаментированный канфар. 10. Пеллика с ручками. 11. Сосуд с реповидным туловом. 12. Кувшин с шаровидным туловом. 13. Красноглиняная миска. 14. Флакон из гагата. 15. Два угвентария.

Литература

1. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю.А. Куликовского, А.И. Сонни. СПб.: Алетей, 1994.
2. Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.
3. Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э. – V в. н. э. Краснодар: КГУКИ: Парабеллум, 2011. Ч. I.
4. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V – III вв. до н. э. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1980.
5. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // Вестник древней истории. 1994. № 2. С. 151–170.
6. Волкович А.М. К южным связям Прикамья в последние века до н.э. и в первые века н.э. // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. 1. Л., 1941.
7. Глебов В.П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н. э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
8. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982.
9. Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С. Древняя история Нижнего Поволжья по письменным историческим источникам. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1995.
10. Игуменшева Е.В. Торгово-экономические и культурные связи кочевого населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI–I вв. до н. э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

11. Клепиков В.М., Шинкарь О.А. Раннесарматские погребения у с. Перегрузное // Материалы по археологии Волго-Донских степей: сб. ст. Волгоград, 2004. Вып. 2.
12. Мамонтов В.И. Древнейшее население Левобережья Дона: (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2000.
13. Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции ВГСПУ в Волгоградской области в 2009 г. // Архив ВОКМ.
14. Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции ВГСПУ в Волгоградской области в 2013 г. // Архив ВОКМ.
15. Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции ВГСПУ в Волгоградской области в 2015 г. // Архив ВОКМ.
16. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983.
17. Мордвинцева В.И. Среднесарматские погребения с краснолаковой керамикой // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 3.
18. Мошкова М.Г. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья: автореф. ... канд. истор. наук. М., 1956.
19. Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Филологический фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та: Нестор-История, 2011.
20. Скрипкин А.С., Шинкарь О.А. Жутовский курган № 27 сарматского времени Волго-Донского междуречья // Российская археология. 2010. № 1. с. 125–137.
21. Страбон. география: в 17 кн. / пер. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1964.
22. Хазанов А.М. О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этногеографии Востока. М.: РГО, 1973. С. 5–10.
23. Шелов Д.В. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М.: Наука, 1975.
24. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975.
25. Шинкарь О.А. Северопричерноморские импортные изделия в погребениях III–II вв. до н. э. Волго-Донского междуречья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.: материалы Междунар. науч. конф. (Тирасполь, 16–19 окт. 2012 г.). Тирасполь: Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2012. С. 192–197.

GENNADIY AZAROV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**TO THE ISSUE OF IMPORT OF THE SARMATIANS OF VOLGA-DON REGION
(based on the materials of the burials of the Volgograd region)**

The article deals with the analysis and generalization of the materials devoted to economic and cultural-political contacts of the Sarmatians of Volga-Don interfluvium with trade centers of North Black Sea region. There are given the examples of possible contacts of settled population with nomadic world. There is considered the information of trade relations with the centers of North Black Sea region on the basis of the given written sources, archeological materials. There is partly revealed the issue of existence of Great Silk road of the nomads of Lower Volga region.

Key words: *Volga-Don interfluvium, history of the Sarmatians, import, nomads, Lower Volga region, written sources, the Sarmatians, the Sarmatians culture, North Black Sea region, trade, export.*

УДК 94(470.45)

З.Г. БАГАЕВА
(runiru3@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

КИНЕМАТОГРАФ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СТАЛИНГРАДА В 1930-Е ГГ.*

Рассматривается становление киносети и кинематографии в 1930-е годы в Сталинграде через призму процессов социалистической модернизации. Освещаются основные мероприятия в деле организации кинодела в городе, а также обозначаются его положительные тенденции и негативные стороны на основе выявленных данных в периодической печати. Раскрываются ключевые кинематографические события этого периода, произошедшие в Сталинграде при участии межкраевой и столичных киностудий.

Ключевые слова: кинотеатр, киносеть, кинематограф, Сталинград, социалистическая модернизация, культурно-досуговые учреждения, культурная жизнь.

В конце 20-х – начале 30-х годов руководством СССР был задан курс на социалистическую модернизацию, которая охватывала основные сферы развития общества. Если в экономике фундаментальные изменения проявились в начавшихся коллективизации и индустриализации, то в социокультурной сфере процессы модернизации проходили под знаменем культурной революции. Изначально направленная на повышение образовательного уровня, она постепенно стала проводником социалистических идей во все виды искусства и оказала непосредственное воздействие на деятельность учреждений культуры.

Одним из направлений культурной политики в условиях социалистической модернизации стало развитие кинодела. Советская власть отчетливо понимала силу воздействия массового зрелищного искусства на человеческое сознание и поэтому активно содействовала созданию киносети и развитию кинематографии. Еще в 20-х гг. XX в. В.И. Ленин отмечал, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино» [10, с. 10]. Сами кинотеатры, являясь учреждениями культуры, осуществляли необходимые функции для развития социалистического общества, «выполнение которых позволяло повышать культурно-образовательный уровень населения, формировать устойчивые общественные отношения, социальную инициативность и гражданскую ответственность у людей» [14, с. 43].

Данное исследование посвящено вопросу развития советских кинотеатров в 30-е гг. на примере Сталинграда. Работа основана на материалах периодической печати – статьях ежедневной газеты «Сталинградская правда» – органа Сталинградского Обкома, Горкома ВКП (б) и Облисполкома, которые на сегодняшний день являются практически единственным источником по вопросу сталинградского кинодела. Она включает законодательные материалы, а также публикации различного характера, позволяющие проследить не только политику в деле кинофикации, но и восприятие общественностью устройства кинотеатров, организации кинопоказов. В историографии раскрыты лишь некоторые аспекты обозначенной проблемы. Г.Н. Андрианова в своем краеведческом исследовании «Художественный облик Царицына–Сталинграда–Волгограда» дает небольшую справку о самом крупном кинотеатре Сталинграда – «Ударник» и перечисляет названия наиболее популярных кинолент, демонстрируемых в Сталинграде в указанный период, но в работе не содержится ссылок на какие-либо источники [1]. П.П. Олейников в своей статье подходит к вопросу с точки зрения раскрытия архитектурных особенностей и планировки кинотеатров, особая ценность работы в том, что она содержит иллюстративный ряд, который представлен фотографиями экстерьера и планами внутреннего устройства кинотеатров [16]. В коллективном краеведческом исследовании «Царицын–Сталинград» содержатся данные о количестве кинотеатров и киноустановок по городу [19]. Монография Е.Ю. Болотовой и Т.Н. Ореш-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

киной в частности раскрывает особенности кинодела восстановительного периода, которому предшествовал период социалистической модернизации, в ней приводятся довоенные количественные показатели [5]. Так, труды краеведов затрагивают только вопросы территориального размещения, внешнего облика и репертуара кинотеатров. Этим объясняется актуальность и значимость данного исследования.

Задачи работы состоят в том, чтобы: 1) определить количественное и качественное состояние киносети в Сталинграде; 2) раскрыть особенности кино-учреждений как центров досуга; 3) дать характеристику кинематографической жизни Сталинграда.

В предвоенное время Сталинград, как один из ведущих социалистических центров, располагал значительной сетью кинотеатров, которые были разными по своей видовой принадлежности: стационарные и сезонные, звуковые и немые, по месту нахождения: клубные, санаторные, учебно-школьные. К 1941 г. имелось около 40 различных киноустановок по городу, в трех из семи городских районов были построены вместительные и комфортабельные кинотеатры: «Ударник», «Комсомолец», «Красная звезда», «Призыв», «Спартак», «Культармеец», а летом в Городском саду ежедневно работала киноплощадка на 700 посадочных мест [19, с. 154]. Часть из них перестраивались на базе уже имеющихся зданий в городе, этот процесс начался еще со второй половины 1920-х гг., когда из здания бывшей церкви был возведен кинотеатр «Спартак», и одновременно с ним Управлением зрелищными предприятиями было предпринято начало ремонтных работ в царицынском кинотеатре «Модерн», располагающемся на ул. Ленина в Ерманском (Центральном) районе, перепроектированный в более масштабный «Красная Звезда» на 400 мест и показывающий, в отличие от других пяти крупных кинотеатров, немое кино [16].

Особой популярностью у сталинградцев пользовались звуковые кинотеатры Ерманского (Центрального) района – «Спартак» на 450 мест и «Комсомолец» (бывшая гостиница «Столичные номера», а затем 1-й дом Советов) на 696 мест [17, л. 97], что было понятно, поскольку в последнем достаточно хорошо была организована досуговая программа: молодежь могла до и после сеанса потанцевать в холле, а в летнее время имела возможность посетить буфет, который работал возле кинотеатра. В зацарицынской же части Сталинграда (Ворошиловский район) в 1920-х гг. практически не было учреждений для культурного времяпрепровождения. Таким образом, появление в районе рабочего клуба имени III Коминтерна стало значительным эпизодом культурной жизни города, а в 1926 г. в пристройке к зданию был организован открытый кинотеатр «Призыв», имеющий 395 мест [Там же], который стал популярным у жителей местом проведения досуга.

Важным событием стало открытие в 1931 г. в поселке СТЗ кинотеатра «Ударник», который имел внушительные размеры в то время и располагал самым современным оборудованием. Локализация крупнейшего кинотеатра была выбрана не случайно, многочисленные трудящиеся Тракторного завода и их семьи имели потребность в организации внерабочего времени. Район быстро развивался и было необходимо «снабдить» его культурно-досуговыми учреждениями. Так появился кинотеатр на 1300 посадочных мест [Там же, л. 97], оборудованный также детской комнатой и читальным залом и, ко всему прочему, в нем были устроены две комнаты, в которых отражалась в диаграммах история развития Сталинградского тракторного завода. Такая организация досуга являлась успешной формой работы с населением, т. к. выполняла познавательные и воспитательные функции, помимо развлекательной.

Стоит отметить, что при всех клубах «промышленных гигантов» города действовали звуковые киноустановки, значительная часть городских школ также располагала киноаппаратами для демонстрации учебных кинофильмов, которые, правда, не так активно использовались, в силу отсутствия знаний о механизме работы данного технического устройства у представителей учебных заведений [11, с. 4].

Не было в Сталинграде детского кинотеатра, в то время как в нем имела серьезная потребность. Можно сказать, что работа с детским контингентом была поставлена плохо. Культурная встреча и организация юного зрителя проводилась лишь в редкие дни кинофестивалей. Кинообслуживание также требовало улучшения: детских фильмов показывали мало и предпочитали вместо них организовывать демонстрацию взрослых, более прибыльных. В периодической печати можно встретить об-

ращения граждан с просьбой организовать для детской аудитории собственное помещение для кинопоказов. В 1937 г. одно из таких писем было опубликовано в «Сталинградской правде», в котором И. Безрученко писал, что кинотеатр «должен быть образцом советской культуры, очагом художественного и политического воспитания детей», автором газетной статьи предлагалось отвести один из кинотеатров города под детский, соответственно оборудовав его [3, с. 3]. О назревшей необходимости открытия детского кинотеатра свидетельствовали цифры из другого письма в редакцию. В 1937 г. было обслужено 336,7 тыс. ребят, в 1938 г. – 547,2 тыс. и только за первое полугодие 1939 г. – 298 тыс., что говорит о том, что с каждым годом потребность в данном учреждении только росла [7, с. 4].

Кроме отсутствия детского кинотеатра, в других, уже функционирующих, также имелись проблемы разного рода, которые касались материального обеспечения, организации взрослого и детского зрителя, демонстрации фильмов. Так, кинотеатр «Комсомолец», несмотря на хорошую организацию показов, отмеченную зрителями, проигрывал своим техническим состоянием. Необходим был капитальный ремонт, чтобы могла быть возможна дальнейшая его эксплуатация: деревянное перекрытие зала устарело и требовало замены, запасных дверей не имелось [15, с. 4]. Все усилия директора, которые проявились в обходе различных инстанций с требованием оказать помощь в ремонте, не увенчались успехом, трест по кинофикации так и не выделил денег. «Спартак», в свою очередь, был неважно оборудован с материальной стороны и не мог похвастаться хорошей организацией демонстрации картин. В зрительном зале не было приличных стульев, вместо них стояли скамьи с вылезающими гвоздями, во время сеансов постоянно открывались двери, что мешало качественному просмотру, шум и громкие разговоры никак не пресекались, что говорило о безразличии администрации к вопросу о наведении порядка в кинотеатре [4, с. 4]. Часто поступали жалобы от зрителей о негодности экранов, плохом качестве кинолент в связи с постоянными разрывами пленки, неудовлетворительной слышимостью, испорченностью кадров пятнами и царапинами. Нередки были случаи показа фильмов с отсутствием начала или конца.

В целом же, рост киносети являлся недостаточным для быстро развивающегося города. Наличие шести кинотеатров, с небольшой вместительностью, не удовлетворяло потребностей полумиллиона жителей. Проблема заключалась также и в их территориальном размещении, получалось так, что «целые районы оставались фактически без кино» [2, с. 4].

Значительные недостатки большей части кинотеатров «сглаживали» проводимые время от времени кинофестивали, имевшие популярность у жителей города. Обычно они приурочивались к важным политическим событиям. Например, в 1939 г. в связи с подготовкой к выборам в местные Советы депутатов трудящихся в помещениях кинотеатров осуществлялись не только сами показы, но и проводились беседы в фойе о выборах и международном положении, читались лекции о советском киноискусстве [6, с. 4]. Проводились периодически и детские кинофестивали, в которых участвовали ведущие кинотеатры города «Комсомолец», «Ударник» и «Призыв». Помимо проката детских картин, производилась и другая работа: организовывались фотовыставки с изображениями любимых персонажей фильмов, портретами лучших артистов кино, демонстрировались выступления школьных самодеятельных коллективов [8, с. 4].

Киноафиша тех лет была довольно разнообразной. Крутили не только советские фильмы, показывали и иностранные, в частности, американские музыкальные комедии. Если киноискусство 1920-х гг. имело задачу показать историческую необходимость победы над царским режимом и неизбежность контрреволюции, делая акцент на осуждении пережитков старого быта, то кинематограф 1930-х гг. поставил себе цель отобразить процесс формирования социалистического сознания в ходе борьбы за общество нового типа. Внимание режиссеров было обращено уже не на образ народной массы в целом, а на индивидуальные образы представителей социалистической эпохи. Важно было создать экранные правдивые образы передовых современников, которые и воплотили черты нового человека, воспитанного партией, и являвшие собой образцы для подражания. Особый успех у сталинградских зрителей имели драматический фильм «Путевка в жизнь» (1931) о перевоспитании беспризорни-

ков в трудовой коммуне; психологический фильм «Встречный» (1932), рассказывающий о трудовом подвиге ленинградских рабочих, которые выполнили встречный план; первая советская кинооперетта «Гармонь» (1934), повествующая о жизни сельской молодежи; романтический фильм «Трактористы» (1939), в котором тема труда и любви сплетается воедино, а также известные комедии «Веселые ребята» (1934), «Волга-Волга» (1938) Г.В. Александрова и «Праздник святого Йоргена» (1930), высмеивающий церковнослужителей. Из зарубежных фильмов, публикой с восторгом принимались фильмы с Чарли Чаплином, которые пересматривались по многу раз.

В праздничные дни, связанные с установлением советской власти, в городских кинотеатрах показывали тематические фильмы, среди них были как художественные – «Пугачев» (1937), в котором речь идет о крупном народном выступлении XVIII в., «Анненковщина» (1933), «Чапаев» (1934), «Мы из Кронштадта» (1936), «За советскую родину» (1937), Неустрашимые» (1937) и «Дума про казака Голоту» (1937), рассказывающие о событиях Гражданской войны, историко-революционные «Поколение победителей» (1936), «Возвращение Максима» (1937) и «Депутат Балтики» (1937), так и документальные – «Москва-Волга», повествующий о строительстве канала им. Москвы, «Страна Советов», «Богатыри родины», посвященные советской авиации и ее героям [12, с. 4; 13, с. 4].

Стоит отметить, что в Сталинграде не только показывали кинофильмы, но и снимали, причем как игровые, так и неигровые. Созданная в 1936 г. межкраевая студия «Союзкинохроники» сняла документальный фильм под названием «Город имени Сталина», в котором были отражены изменения, произошедшие со Сталинградом с начала процесса социалистической модернизации: благоустройство городских улиц, строительство современных зданий, активная работа промышленных предприятий, труд и быт сталинградцев [9, с. 4]. В 1937 г. особая бригада Главного управления кинематографии снимала в городе сцены о новом производственном подъеме на заводе «Красный Октябрь» для документально-художественного фильма «Серго Орджоникидзе» – о революционере, известном большевике и руководителе индустриализации страны [18, с. 4]. Летом 1938 г. в Сталинград приехали прославленные режиссеры братья Васильевы, чтобы собрать материал для новой картины под названием «Оборона Царицына». Сначала они провели беседу с красными партизанами, а после отправились в донские станицы, где происходили столкновения белых и красных, и можно было определить места для натурных сцен. К 1941 г. сценарий был готов, весной приехала съемочная группа киноэпопеи, тогда же и начались съемки, а завершились они лишь в августе 1941 г., когда уже началась война.

Таким образом, можно отметить значительные успехи в развитии киносети в Сталинграде в сравнении с началом 1920-х гг. К концу 1930-х годов в городе имелось шесть кинотеатров, один из которых был крупный, хотя и этого оказалось недостаточно для расширяющегося города. Остро стояли проблемы материальной базы, недостатка кадров квалифицированных киноработников, плохо обстояли дела с кинофикацией школ и с облуживанием детского зрителя. Сам кинематограф получил активное развитие в Сталинграде, жители с удовольствием наблюдали процессы съемок и участвовали в киноэкспедициях.

Литература

1. Андрианова Г.Н. Художественный облик Царицына-Сталинграда. Волгоград: Универсал, 1991.
2. Анохин С. Расширить сеть кинотеатров // Сталинградская правда. № 43. 1939. 22 февр.
3. Безрученко И. Сталинграду нужен детский кинотеатр // Сталинградская правда. № 71. 1937. 28 марта.
4. Беспорядки в кинотеатре «Спартак» // Сталинградская правда. № 33. 1938. 10 февр.
5. Болотова Е.Ю., Орешкина Т.Н. Учреждения культуры Сталинградской области в 1943–1950 гг.: восстановление и развитие: моногр. Волгоград: Перемена, 2014.
6. Бухарев А. Начался кинофестиваль // Сталинградская правда. № 216. 1939. 20 сент.
7. Вдовченко, Кацман, Сарафанов, Родинов, Березанский, Буржинский Открыть в Сталинграде детский кинотеатр // Сталинградская правда. № 200. 1939. 1 сент.
8. Детский кинофестиваль // Сталинградская правда. № 165. 1940. 19 июля.
9. Заканчивается съемка большого документального фильма «Город имени Сталина» // Сталинградская правда. № 216. 1936. 18 сент.

10. Из беседы В.И. Ленина с А. Луначарским // Советское кино. 1933. № 1/2. С. 10.
11. Кино – в помощь школе // Сталинградская правда. № 201. 1940. 30 авг.
12. Кинофильмы к Октябрьским дням // Сталинградская правда. № 243. 1937. 22 окт.
13. Кинофильмы на площадях и в кинотеатрах 12 декабря // Сталинградская правда. № 283. 1937. 11 дек.
14. Липатов А.В. Деятельность кинотеатров и киноплощадок Сталинграда в 1950-е гг. // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журнал ВГСПУ. 2014. № 5(32). С. 43–46. [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1402484298.pdf> (дата обращения: 06.02.2019).
15. О кинотеатре «Комсомолец» // Сталинградская правда. № 105. 1938. 10 мая.
16. Олейников П.П. Клубы и кинотеатры довоенного Сталинграда // Интернет-вестник ВолгГАСУ [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.vgasu.ru/?source=4&articleno=504> (дата обращения: 14.04.2018).
17. Паспорт культурного и хозяйственного профиля Сталинградского кинотреста // Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-592. Оп. 1. Ед. хр. 6.
18. Фильм «Серго Орджоникидзе». Съемки в Сталинграде // Сталинградская правда. № 51. 1937. 4 марта.
19. Царицын – Сталинград. Сталинград: Кн. изд-во, 1954.

ZARINA BAGAEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

CINEMATOGRAPH IN CULTURAL LIFE OF STALINGRAD IN THE 1930S

The article deals with the establishment of cinema network and cinematograph in the 1930s in Stalingrad through the lens of the processes of the socialistic modernization. There are enlightened the basic events in the process of organizing cinema affairs in the city. There are defined its positive trends and negative sides on the basis of identified facts in the periodical press. There are revealed the key cinematograph events of the period, having happened in Stalingrad involving regional and capital film studios.

Key words: *cinema, cinema network, cinematograph, Stalingrad, socialistic modernization, cultural and leisure institutions, cultural life.*

УДК 93/94

С.В. БАГЛАЙ, А.С. ТОМОВ

(baglaj1999s@gmail.com, nice.tomov@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ИЗ ОПЫТА МОНИТОРИНГА МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Исследование посвящено проблеме мониторинга экстремистских настроений среди представителей молодежной среды Волгоградской области. На основе проведенного анкетирования молодых людей, а также в результате сравнительного анализа с данными прошлых лет был сделан вывод о предрасположенности молодежи к экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, национальность, молодежная среда, конфликт, анкетирование, респонденты.

В условиях постоянной угрозы со стороны экстремистских организаций, очень важно в настоящее время отслеживать радикальные настроения в обществе, особенно среди молодёжи, для того чтобы вовремя принимать определённые меры по недопущению негативных проявлений экстремизма.

Наша работа имеет особое значение, т. к. Волгоградская область является типичным многонациональным регионом Российской Федерации, где проживают свыше 135 народов, притом в условиях постоянно усиливающихся миграционных потоков. В такой ситуации Волгоградская молодёжь находится в зоне риска стать либо жертвами, либо непосредственными участниками экстремистских действий.

Экстремизм чаще всего проявляется в политической, экономической, социальной, религиозной и иных сферах общественной жизни.

Свои особенности экстремизм имеет в молодежной среде. Молодёжь – становящийся субъект общественного воспроизводства, поэтому ее социальное положение характеризуется неполнотой социального статуса, маргинальностью социальных позиций, неопределенностью социальных идентификаций. В молодежной, особенно подростковой среде, деление на «своих» и «чужих» происходит по иным, чем у взрослых основаниям [3, с. 4].

Данное исследование посвящено проявлениям экстремизма среди молодёжи для их выявления и ликвидации проблемы на начальном этапе её развития.

Общероссийская статистика показывает, что именно молодёжь в большей степени подвержена влиянию экстремистской идеологии, которая часто распространяется через Интернет, иногда через необдуманные заявления СМИ, значительную роль играет также семья и досуговое окружение молодых людей.

Мониторинг, выявляющий наличие экстремистских настроений молодёжи в Волгоградской области, проводится регулярно. Одно из подобных исследований было предпринято Н.О. Ленивихиной в 2011 г. С помощью анкетирования молодых людей различных национальностей обоих полов в возрасте от 17 до 21 года, мы попытались выяснить, насколько сильно изменилась ситуация с 2011 по 2018 г., это и стало целью нашего исследования.

Сформулированные в анкете вопросы позволили составить представление о настроениях в молодёжной среде, её отношении к национальным и межнациональным вопросам, а также о степени радикализации среды в целом.

Принято считать, что о предрасположенности молодых людей к национальному экстремизму можно судить по их отношению к людям другой национальности.

* Работа выполнена под руководством Ленивихиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Таблица 1

Что вы испытываете при общении с человеком другой национальности?

Ответы на вопросы анкеты	2011 г.	2018 г.
недоверие	7%	2%
интерес	14,5%	12%
уважение	8,5%	16%
ничего особенного	34%	18%
это зависит от национальности	39%	52%

Ответы респондентов 2018 г., приведённые в табл. 1, позволили сделать вывод о том, что в обществе сформировались негативные стереотипы в отношении некоторых народов, которые по сравнению с 2011 г. начинают всё более укрепляться, тем самым способствуя проявлениям национального экстремизма среди молодёжи. Также можно сделать вывод, что в молодёжной среде Волгограда существует дифференцированное отношение к представителям разных национальностей. Тот факт, что при общении люди обращают внимание на национальность (52%) указывает на то, что сложности между этносами нарастают.

Следующий вопрос: «Участвовали ли вы в конфликтах на национальной почве в последние 3 года?», продемонстрировал, что подавляющее большинство (86%) респондентов (2018 г.) не участвовали в конфликтах на национальной почве (ср. с 2011 г.—79%) [1, с. 78–79].

В условиях многонациональности области, компактного проживания множества различных народов на одной территории нередко межнациональные браки. В связи с чем одним из вопросов анкеты был: «Ваше отношение к межнациональным бракам». Результат был вполне прогнозируемым: 10% респондентов отвергли возможность брака с представителем иной национальности по причине семейных традиций, 8% не желали поставить детей перед проблемой национальной самоидентификации, 24% не желают культурно-этнических проблем в смешанной семье, остальные (58%) заявили, что для них национальность супруга не имеет значения. Сравнение с показаниями 2011 г., подтвердило, что произошли некоторые изменения в этом вопросе. Так, в 2011 г. национальность супруга/супруги для 56% людей не имела значения, 12,5% опрошенных не хотели бы чтобы их дети столкнулись с проблемой национальной самоидентификации, остальные 32% не хотели бы заключать межнациональные браки по различным соображениям этического и религиозного характера.

Многие представления закладываются в семье, в связи с этим в анкете был следующий вопрос (см. табл. 2).

Таблица 2

Как ваши близкие реагируют на то, что у вас есть друзья разных национальностей?

Ответы на вопросы анкеты	2011 г.	2018 г.
с уважением относятся к ним	22,5%	6%
им это неприятно, но они мне не запрещают с ними общаться	1,5%	3%
национальность моих друзей не влияет на отношение к ним моих близких	55%	80%
у меня нет таких друзей	9,5%	3%
им все равно	8,5%	2%

Приведенные ответы 2018 г. из табл. 2 позволили сделать вывод о том, что у родителей большинства респондентов дружба их детей с людьми другой национальности не вызывает отрицательных реакций. Однако, по сравнению с 2011 г., уважение старшего поколения к друзьям детей с другой на-

циональностью несколько уменьшилось, что, на наш взгляд, не очень хорошо, но всё же радует тот факт, что родителям безразлично то, с кем общаются их дети [1, с. 79].

Всё чаще в России и Волгоградской областиможно слышать требования о необходимости ввести квоты для представителей других национальностей (ПДН) в тех или иных видах деятельности.

Таблица 3

Считаете ли вы, что в России необходимо ввести ограничения по национальному признаку?

Ответы на вопросы анкеты	2011 г.	2018 г.
да, на получение высшего образования	9%	2%
да, на определенную профессиональную деятельность	6%	6%
да, на занятие руководящих должностей	8,5%	42%
да, на занятие политической деятельностью	29%	6%
да, на деятельность в сфере СМИ	4,5%	28%
да, на деятельность в сфере культуры	5,5%	2%
да, на получение российского гражданства	16%	12%

Результаты опроса респондентов 2018 г. из табл. 3 продемонстрировали, что половина опрошенных была против того, чтобы иные национальности занимали руководящие должности в корпорациях, государственных структурах и т. д., по сравнению с прошлыми годами этот показатель незначительный. Другая часть опрошенных указала на формулировку: «о запрете представителей других национальностей в сфере СМИ», хотя опрос 2011 г. указывает на факт того, что тогда у опрошенных данный пункт не вызывал серьезных волнений. Более 12% респондентов выступают за то, чтобы ограничить ПДН в получении российского гражданства, этот показатель был на порядок выше, чем несколько лет назад. За ограничения в других сферах деятельности, таких как образования, политика, культура, высказалась лишь малая часть опрошенных.

Ответы на анкету как 2018 г., так и 2011 г. позволяют сделать вывод о том, что волгоградская молодёжь в своём большинстве не является инициативной стороной крайних форм решения конфликтов на национальной почве, о чем свидетельствуют, в частности, проведённые в Волгограде матчи Чемпионата мира по футболу 2018 г. Иностранные болельщики были приятно удивлены позитивностью и доброжелательностью встречающих их людей, а также отзывчивостью местных жителей и теплотой приёма в городе [4]. Тем не менее в Волгоградской области зафиксированы инциденты, связанные с конфликтами на национальной почве.

Так, например, в 2013 г. в посёлке Горный Балыклей Дубовского района между двумя жителями Волгограда и группой подрядных рабочих, прибывших из Чеченской республики для прокладки газопровода, произошёл конфликт. В результате двое жителей региона получили травмы разных частей тела, а подозреваемые с места происшествия скрылись. Причиной конфликта, по словам заместителя начальника пресс-службы ГУ МВД России по Волгоградской области, стали бытовые обстоятельства, но заместитель представителя чеченской республики в Волгоградской области Салых Тахтаров, учитывая показания задержанных и свидетелей, пришёл к выводу, что конфликт произошёл на межнациональной почве и наказание, по его мнению, должны были понести обе стороны [5].

Проблема межнациональных конфликтов в Волгоградской области является предметом постоянного мониторинга, в связи с этим, по информации областной думы, регулярно проводятся следующие мероприятия: круглые столы «В единстве нации – сила государства», «Профилактика экстремизма молодёжной среде», «Актуальные вопросы противодействия экстремистской деятельности и терроризму», заседания общественного совета и межведомственной рабочей группы по реализации стратегии противодействия экстремизму.

Для привлечения молодежи к формированию культуры межнационального общения в 2015 г. на базе детского оздоровительного лагеря «Зеленая Волна» был проведен молодежный форум «Межнациональный диалог. Дом дружбы» с участием 300 молодых людей – представителей различных национальностей, обучающихся в Волгограде. В рамках программы Форума были организованы и проведены региональный молодежный фестиваль «Под одним небом», посвященный Международному дню толерантности, и информационные кампании «Диалоги о толерантности», «Мы разные, мы равные». Был проведен региональный фестиваль «ЭтноВолга». В 600 общеобразовательных организациях Волгоградской области проведена акция «Урок толерантности», в которой приняли участие около 160000 школьников.

Кроме того, проведен Молодежный форум «Дом дружбы. Межнациональный диалог – 2015», направленный на создание образовательной, творческой, спортивной, дискуссионной площадки для развития потенциала студенческой молодежи, представляющей различные национальности Волгоградской области [6]. Необходимо, чтобы эти мероприятия стали регулярными и постоянно расширяли свою аудиторию.

В многонациональной Волгоградской области проблемы предотвращения межэтнической конфронтации весьма актуальны. Ведь не смотря на кажущееся спокойствие и позитивность межэтнических отношений, время от времени происходят выяснения отношений. Примером могут послужить погромы на рынках Волгограда в 2004 г., а также попытка молодежной демонстрации под лозунгом «Россия для русских!» в 2011 г. Невзирая на достаточно позитивную картину, полученную нами в ходе проведенных опросов, проблемы есть и их нарастание возможно в связи с любым осложнением: внешнеполитическим, экономическим, социальным и пр. Экстремальность – это имманентное свойство молодости. Таким образом, экстремальность является сущностной характеристикой молодежи и включает различные проявления максимализма в сознании, и крайности в поведении [3, с. 5].

Что же мы можем сделать, для того чтобы экстремизм не распространялся? Как ему противостоять? Прежде всего, мы должны безоговорочно и решительно отслеживать экстремизм и терроризм во всех его формах и проявлениях, оказывать содействие контртеррористическим мерам, а также своевременно информировать правоохранительные органы о признаках и фактах подготовки террористических актов, о попытках вербовки и пропаганды экстремистских идей среди населения, через СМИ, сеть Интернет и т. п. Необходимо ликвидировать этнологическую неграмотность, чему уже способствует проведение Большого этнографического диктанта и проведение национальных и межнациональных фестивалей. Многое зависит от способности педагогов создать толерантную среду в учебном заведении, для чего следовало бы обратиться к позитивному опыту воспитания интернационализма и патриотизма в советской школе [2, с. 111]. Для хорошего диалога и взаимопонимания между представителями разных национальностей, должно преподаваться основы добрососедства и поощряться отношения справедливости и взаимопонимания в межэтнических отношениях.

Литература

1. Баглай С.В., Томов А.С. Противодействие молодежному экстремизму в Волгоградской области в XXI в.: материалы регионал. межвузов. науч.-практич. конф. (г. Волгоград, 26 сентября 2018 г.). Волгоград: Изд-во «Перемена», 2018. С. 78–80.
2. Иванов А.В., Ленивихина Н.О. Проблемы формирования толерантности в средней школе // Профилактика экстремизма в молодежной среде: материалы регионал. межвузов. науч.-практич. конф. (г. Волгоград, 10 ноября 2017 г.). Волгоград: Изд-во Волгоград. института управления-филиала РАНХиГС, 2017.
3. Ленивихина Н.О., Широ С.В. Молодежный экстремизм в России: характеристика, проблемы и профилактика: информационно-методические материалы для специалистов, работающих с детьми и молодежью, находящимися в трудной жизненной ситуации. Волгоград: Изд-во ООО «РПК «Пилот», 2011.
4. Палева Н., Магнитская Н. Чем Волгоград запомнился иностранцам: впечатления болельщиков // Газета. Московский Комсомолец. Волгоград. 23 июня 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://volg.mk.ru/social/2018/06/23/chem-volgograd-zapomnilsya-inostrancam-vpechatleniya-bolelshnikov.html> (дата обращения: 05.11.18).
5. Филимонова Т. В Волгоградской области по делу о массовой драке арестованы четверо уроженцев Чечни // Кавказский Узел. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/227464/> (дата обращения: 05.11.18).
6. ЮРПА: одобрен опыт Волгоградского региона в реализации национальной политики. [Электронный ресурс]. URL: <http://volgoduma.ru/informacziya-press-sluzhby/news/18996-yurpa-odobren-opyt-volgogradskogo-regiona-v-realizatsii-natsionalnoy-politiki.html> (дата обращения: 05.11.18).

SERGEY BAGLAY, ANDREY TOMOV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**FROM THE EXPERIENCE OF MONITORING OF YOUTH
EXTREMISM IN THE VOLGOGRAD REGION**

The article deals with the issue of monitoring extremism moods among the representatives of young people of the Volgograd region. There was concluded about youth's prepossession to extremism based on the questionnaire of young people and in the result of comparative analysis of the materials of the previous years.

Key words: *extremism, nationality, young people, conflict, questionnaire, respondents.*

УДК 94(47).05

С.Р. БАХМУТОВА

(sveta.bakhmutova@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII В.*

*Рассматривается трансформация социально-правового статуса женщин
под влиянием реформ Петра Великого и идей эпохи Просвещения.*

Ключевые слова: *реформы Петра I, эпоха Просвещения, правление Екатерины II,
повседневная жизнь, социальный статус женщин.*

XVIII в. в России стал переломным для страны: происходившие преобразования затронули все сферы жизни общества, включая и положение в нем женщин.

Самыми значимыми событиями начала XVIII в. стали реформы Петра. Причиной их проведения была необходимость ликвидировать отставание России от других европейских стран, ускорить темпы развития государства.

Одной из первых таких реформ стала реформа «одежная». Так, Указами 1700–1701 гг. все жители страны были обязаны носить платья по европейскому крою. Те же, кто не будет подчиняться данному указу, должны были платить «пошлину деньгами, а платье резать и драть». Свободного кроя одежды княгинь и боярынь сменялись на «образцовые немецкие женские портища» – платья с корсетом и юбками длиной до щиколоток, а вместо венцов и кик головы теперь украшали фонтажами и корнетами.

Дальнейшие указы Петра обязывали женщин принимать участие в празднествах и торжествах наравне с мужчинами. 26 ноября 1718 г. Петром I был принят указ «Об ассамблеях», его текст гласит: «*Ассамблея – слово французское, которое на русском языке одним словом выразить невозможно; обстоятельно сказать – вольное в котором доме собрание или съезд делается не только для забавы, но и для дела. [...] В котором доме имеет ассамблея быть, то надлежит письмом или другим знаком объявить людям, куда всякому вольно прийти, как мужскому полу, так и женскому*» [6].

Таким образом, женщины впервые на законодательном уровне получили возможность посещать светские мероприятия.

В период правления Петра изменилось положение женщин и за счет расширения их прав, в частности, имущественных. Во многом это связано с развитием семейного законодательства.

Так, в соответствии со ст. 12 свода Законов гражданских, принятых при Петре, указывалось, что «брак не может быть законно совершен без добровольного и непринужденного согласия сочетающихся лиц». Данное положение закрепляло добровольный характер брака между мужчиной и женщиной: никто не мог быть принужден к его заключению каким бы то не было способом.

По указу царя 1714 г. женщина высших сословий теперь могла стать наследницей всего того недвижимого имущества, которым владел ее супруг. При этом другим законом были ограничены права супруга на распоряжение приданым своей жены; мужья не могли совершать сделки от имени супруги, впоследствии все документы должны были иметь собственноручную подпись женщины [2].

В допетровскую эпоху в случае, если муж оказывался в ссылке, то жена была обязана следовать за ним. Однако с 1720 г. жены ссыльных получали возможность не отправляться вслед за мужем, а оставаться в тех своих имениях, которые были получены в качестве приданого, при этом не требуя развода.

В 1714 г. Петром учрежден высший женский орден святой Великомученицы Екатерины, в общей иерархии российских орденов он занимал второе место, вслед за орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Именно эти ордена, помимо того что предназначались быть наградами за выдающиеся деяния на благо государства, являлись династическим знаком отличия Российской империи. Значимым в данном

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

случае является тот факт, что прежде орденами в стране награждались лишь мужчины, в большинстве своем – за военные заслуги. Первым кавалером этого ордена, имевшего девиз «Трудами сравнивается с супругом», стала царица Екатерина, проявившая мужество во время Прутского похода 1711 г. Большинство кавалерственных дам получали награды, как правило, за военные и гражданские заслуги своих мужей, фамилии которых можно увидеть в списках кавалеров ордена св. Андрея Первозванного. Один раз орден был вручен женщине за воинское отличие – в 1789 г. орденом святой Великомученицы Екатерины была награждена Марфа Кроун, жена адмирала Р.В. Кроуна, командовавшего во время войны со Швецией в 1789 г. катером «Меркурий». Марфа во время боя находилась на катере и оказывала помощь раненым.

Несмотря на очевидные, на сегодняшний взгляд, успехи политики Петра по преобразованию повседневной жизни женщин, традиционные точки зрения продолжали играть значимую роль в обществе. Женщина продолжала считаться существом «неполноценным, нечестивым». В народе была популярна русская пословица: «У бабы волос долог, а ум короткий»; сходное мнение выражала еще одна пословица: «Горе тому дому, которым владеет жена» [1, с. 332].

Табель о рангах Петра I – один из важнейших актов XVIII в. – включает в себя также несколько придворных почетных званий для женщин.

Старшим считалось звание обер-гофмейстерины («имеет ранг над всеми дамами»). Затем следовали действительные статс-дамы. Их ранг шел «за женами действительных тайных советников» (II класс). Действительные камер-девицы имели ранг, равный рангу жен президентов коллегий (IV класс). За ними следовали гоф-дамы (приравнялись в ранге к женам бригадиров – V класс), гоф-девицы (приравнялись в ранге к женам полковников – VI класс) и камер-девицы. Однако уже во второй четверти XVIII в. применялась несколько дополненная и измененная номенклатура дамских придворных званий: обер-гофмейстерина, гофмейстерина, статс-дама, камер-фрейлина и фрейлина. Первые четыре звания в течение XVIII в. имели всего 82 лица [7, с. 170].

Фрейлина – это младшее придворное женское звание в послепетровской России; его носили представительницы знатных дворянских фамилий. Фрейлины входили в свиту императриц и великих княгинь. Фрейлиной могла стать и девушка из бедной семьи, сирота, но в случае, если она становилось лучшей выпускницей института благородных девиц. Звание фрейлины шло после статс-дамы и камер-фрейлины и назначалось с 1744 г.

Почти одна треть фрейлин происходила из титулованных фамилий; около половины из них были дочерьми лиц, имевших придворные чины и звания. Фрейлины посменно дежурили при императрице, круглосуточно обретаясь возле неё и исполняя те или иные высочайшие поручения. Чаще всего императрицы отбирали фрейлин самостоятельно, но бывали и случаи, когда девушек назначали фрейлинами по «протекции». Одним из главных требований было идеальное знание этикета, а также способности к пению, рисованию и рукоделию.

Эпоха Просвещения – огромный период в истории западноевропейских стран. Идеологом официального, охранительного течения в Просвещении выступала Екатерина II. Императрица проводила политику «просвещенного абсолютизма». «Просвещенный абсолютизм» – это высший этап развития абсолютизма в XVIII в. и сущность данной политики была продворянской и направлена на дальнейшее укрепление феодального государства.

В годы своего правления Екатерина, опираясь на идеи европейских просветителей, преобразовала многие сферы в государстве. Коснулось это и положения женщин.

Еще в самом начале своего правления Екатерина объявила своей целью создание «новой породы людей». Сама идея была заимствована императрицей у европейских философов-просветителей Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка и К. Гельвеция, отдельные ее положения звучат следующим образом: «Человек, чувствуя себя человеком, ... не должен допускать поступать с собою как с животным»; «чтобы с изящным разумом изящнейшее ещё соединялось сердце»; «человек должен познать правила гражданской жизни».

Важно образовать в этом направлении сначала первое поколение, «новых отцов и матерей, которые бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, и так следуя из родов в роды, в будущие веки» [5].

В рамках реализации данной задачи в стране стала развиваться сеть женских образовательных учреждений. 5 мая 1764 г. указом Екатерины II «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге при Воскресенском монастыре: с приложением Устава и штата сего Воспитательного общества» было создано первое женское среднее общеобразовательное учреждение «Воспитательное общество благородных девиц» или Смольный институт благородных девиц. Этот институт являлся первым шагом в создании системы женского образования в России и приобщения женщин к наукам и искусству.

Для девочек из мещанских семей, семей мелкого чиновничества, купцов, дьяков и солдат и др. создано в 1765 г. Училище мещанских девиц, где их обучали русскому и французскому языкам, арифметике, рисованию, танцам, музыке и пению, а также для них был организован усиленный курс домоводства, их готовили к домашнему хозяйству и рукоделию.

К концу века получили распространение и частные пансионаты, причем не только в Санкт-Петербурге и Москве, но и в провинциальных городах. Первое заведение такого типа для воспитания девушек открылось в Дерпте еще в 50-е годы XVIII в., за несколько лет до открытия Смольного. Обучение велось на немецком языке, воспитательницы по происхождению были француженками или немками. Уровень обучения в таких пансионатах зачастую оказывался не слишком высоким, по сути большую часть программы составляло изучение музыки и танцев.

Манифест о вольности дворянской 1785 г. считается одним из самых значимых документов российской истории. Интересен он и тем, что содержит в себе статьи о социальном статусе женщины в XVIII в.:

«Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чемобращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное;

Не только империи и престолу полезно, но и справедливо есть, чтоб благородного дворянства почтительное состояние сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо; и для того истари, ныне да и пребудет на веки благородное дворянское достоинство не отъемлемо, наследственно и потомственно тем честным родам, кои оным пользуются, и следственно:

Дворянин сообщает дворянское достоинство жене своей. Дворянин сообщает детям своим благородное дворянское достоинство наследственно» [3].

Таким образом, законодательно закреплялось, что женщина, независимо от того, имеет ли она дворянское происхождение или нет, вступая в брак с дворянином, также становилась дворянкой; дворянский статус наследовали и дети, родившиеся в этом браке.

Исходя из вышеизложенного, мы можем прийти к выводу, что в XVIII в. пересматриваются традиционные представления о женщине, об ее социально-правовом положении. В период царствования русских императоров и императриц от Петра I до Екатерины II происходит изменение всего российского общества, под влиянием современных тенденций Европейских стран Россия модернизируется во многих сферах, в том числе в повседневной жизни населения.

Литература

1. Анисимов Е.В. Женщины у власти в XVIII веке как проблема // Вестник истории, литературы, искусства. М.: Собрание; Наука, 2005. С. 328–335.
2. Антокольская М.В. Семейное право. 2-е изд. М.: Юрист, 2000.
3. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2400/> (дата обращения: 22.03.2019).
4. О порядке собраний в частных домах, и о лицах, которых в оных участвовать могут // Полное Собрание законов Российской империи. 1-е собрание / под ред. М.М. Сперанского. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1830. [Электронный доступ]. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3130/> (дата обращения: 22.03.2019).
5. Стародубцев М.П. Взгляды Екатерины II на воспитание «Новой породы» дворянства как основа образовательной политики // Известия Российс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2014. № 164. С. 180–189.
6. Указ «О достоинстве гостевом, на ассамблеях быть имеющем» // Полное Собрание законов Российской империи. 1-е собрание / под ред. М.М. Сперанского. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1830. [Электронный доступ]. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3130/> (дата обращения: 18.03.2019).
7. Фрейлины императрицы Елизаветы Петровны/ публ. [и вступ. ст.] К.А. Писаренко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия «Тритэ»: Рос. архив, 2007. Т. XV. С. 168–179.

SVETLANA BAKHMUTOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**CHANGE OF SOCIAL AND LEGAL STATUS OF WOMEN
IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE XVIIIth CENTURY**

The article deals with the transformation of the social and legal status of women under the influence of reforms of Peter the Great and the ideas of the Enlightenment.

Key words: *reforms of Peter I, the age of Enlightenment,
the reign of Catherine the Great, everyday life,
social status of women.*

УДК 908

А.Р. БЕЖЕНЦЕВА, Т.Н. ОРЕШКИНА
(alinkabez@mail.ru, orechkina71@inbox.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СТАЛИНГРАДА
И ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(на примере домов культуры)**

Рассматривается восстановительный процесс культурной сферы Сталинграда и области после завершения Сталинградской битвы на примере Домов культуры. Дается количественная и качественная характеристика восстанавливаемых культурных объектов в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, восстановительный период, культурная сфера, Дома культуры.

Существующая с конца 1930-х годов в Сталинградской области разветвленная сеть учреждений культуры в ходе Великой Отечественной войны (Сталинградской битвы) претерпела серьезные количественные и качественные изменения. Практически все здания, размещавшие учреждения культурной сферы, были уничтожены, разрушены или сожжены немецко-фашистскими войсками [1]. В частности, из имевшихся в 1940 г. 58 Домов культуры на момент введения осадного положения (25 августа 1942 г.) в Сталинграде был лишь один [2, с. 321; 4, с. 38].

После полного освобождения Сталинградской области местные органы власти перешли к начальному этапу (1943–1945 гг.) восстановительного процесса. На завершающем этапе Великой Отечественной войны началась кропотливая работа по восстановлению и деятельности кинотеатров, библиотек, клубов, а также Домов культуры города и области пока во временно приспособленных помещениях. В частности, в течение 1943 г. в Сталинградской области было намечено «развернуть работу 61 Дома культуры» [3, с. 69], т. е. увеличить в 7,5 раз (на момент завершения Сталинградской битвы) «из общего числа по освобожденным районам работало 8 Домов культуры» [Там же]. Такое решение Областной исполнительный комитет принял после проведенного смотра художественной самодеятельности в освобожденных районах области. Кроме того, Облисполком обязал «исполкомы райсоветов, сельсоветы и отделы культурно-просветительной работы шире развернуть художественную самодеятельность в Домах культуры» [Там же]. Отметим, выполнить данное решение по количественному показателю удалось лишь в конце 1945 г. [3, с. 101].

Приоритетным же направлением деятельности культурных учреждений на завершающем этапе войны являлась разъяснительная и агитационно-пропагандистская работа среди населения: информировать об очередных победах советских войск; пропагандировать передовой опыт (черкасовское движение); освещать успехи и разъяснять задачи восстановительного периода. Это можно было реализовать, в том числе и через создаваемые в Домах культуры кружки художественной самодеятельности, которые также выполняли и культурно-досуговые задачи.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны дало возможность государству, на основе тщательного анализа состояния культурной сферы, начать новый этап – восстановление и развитие учреждений культуры в мирных условиях. Это было определено «Законом о четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» [5, с. 246–319]. Планом четвертой пятилетки в городе и области предусматривалось восстановление и строительство 21 Дома культуры [13].

Подчеркнем, культурно-просветительные учреждения, в том числе и Дома культуры, играли в первое послевоенное пятилетие значительную роль. В дни избирательной кампании осуществлялась партийно-массовая работа, проводились беседы, лекции, доклады, разворачивалась деятельность художественной самодеятельности. Это проводилось для того, чтобы повышать заинтересованность населения в успешном выполнении плана четвертой Сталинской пятилетки.

Одним из первых Домов культуры, восстановленных в городе в послевоенное время, стал Дом культуры завода «Баррикады». Газета Сталинградская правда постоянно информировала своих читателей

о восстановительных работах этого культурного объекта. Так, в выпуске газеты от 16 июня 1946 г. в рубрике «На стройках Сталинграда» рассказывалось о ходе строительства и о том, что еще предстоит сделать. 23 ноября 1946 г. была опубликована заметка «Мебель и ковры для Дома культуры», где сообщалось о заказе, который сделала дирекция завода «Баррикады» на мебель, портреты И.В. Сталина и В.И. Ленина, а также ковры и дорожки [6]. Можно констатировать, что культурный объект важнейшего промышленного предприятия города был сдан в намеченные четвертым пятилетним народно-хозяйственным планом сроки. Это подтверждается последующими выпусками газеты. Так, в 1947 г. в «Сталинградской правде» появляется новая колонка «Сделано в новой пятилетке». В одном из выпусков газеты в этой рубрике подробно рассказывалось о Доме культуры завода «Баррикады»: «в день 29-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции трудящихся “Баррикад” получили возрожденное здание Дома культуры. Получили прекрасно оборудованный зал, вмещающий более 700 человек, комнаты для рабочих кружков, аппаратуру для звукового кино. Это была первая очередь строительства» [8]. Дом культуры завода «Баррикады» был не только местом, в котором проводились культурные мероприятия, но и активно проводилась агитационно-пропагандистская работа – читались лекции (например, о жизнедеятельности действующего на тот момент руководителя страны – И.В. Сталина) [7].

Действительно, культурная политика государства была направлена не только на капитальное строительство, но и на сохранение идеологического контроля, осуществлять который эффективно могли восстанавливаемые учреждения культуры. С одной стороны, политическая работа, чтение лекций на различные темы в клубах и Домах культуры, а с другой – художественная самодеятельность – способствовали не только повышению производительности труда на предприятиях, но и удовлетворению культурно-досуговых потребностей населения. Особенно важной проведение такой работы было во время сельскохозяйственных работ на полях, тем самым у работников появлялось больше стимула для работы и для выполнения плана. Например, агитационно-художественные бригады домов культуры в 1947 г. совершили свыше 400 выездов в колхозы [10]. Также в Домах культуры Сталинграда и области проводилась разнообразная массово-политическая и культурная работа – за 1947 г. в них было прочитано более 1800 лекций на естественнонаучные, общественно-политические, сельскохозяйственные и исторические темы [11]. Министерство РСФСР в преддверии 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции вынесло постановление о подготовке культурно-просветительных учреждений, в том числе и Домов культуры, к празднованию 30-й годовщины. Необходимо было организовать лекции, доклады, выставки, которые рассказали бы населению о значении Октябрьской революции, о преимуществах советского строя, о роли коммунистической партии [9]. Также в 1948 г. в Домах культуры Сталинграда были подготовлены праздничные концерты, торжественные собрания и вечера молодежи, посвященные 30-летию Ленинского-Сталинского комсомола [12].

Безусловно, культурное строительство в первую очередь предполагало значительное финансирование культурной сферы, финансы направлялись на строительство новых и капитальный ремонт уцелевших учреждений культуры.

Ниже представлены таблицы (см. табл. 1, табл. 2 на с. 30), которые дают возможность оценить объём капиталовложений на строительство Домов культуры по Сталинграду и области из областного бюджета, проследить, как выполнялся финансовый план по данным культурным объектам [4, с. 108, 113].

Таблица 1

**План строительства и госбюджетного финансирования
 Домов культуры Сталинграда и области на 1946–1950 гг., тыс. руб.**

Наименование и местонахождение стройки	Начало строи- тельства	Завершение строительства	Капиталовложения	Объём капитальных работ (1946–1950 гг. в тыс. руб.)				
				1946	1947	1948	1949	1950
Районные Дома культуры	1946 г.	1950 г.	15750	4000	4000	3500	2500	1750

Таблица 2

Финансирование Домов культуры Сталинградской области в 1947 г. тыс. руб.

Наименование объектов	Капиталовложения	Израсходовано	% выполнения плана
Дома культуры	3077	2519	81,8%

Из табл. 2 очевидно, что финансовый план не был выполнен. Документы выделяют причины невыполнения: «на строительство и капитальный ремонт домов культуры в 1947 г. было направлено лишь 500 тыс. руб.; невозможность приобретения инвентаря (настольные игры, музыкальные инструменты и т. д.) в связи с отсутствием в городе и области специализированных баз, складов и магазинов» [4, с. 113]; сокращение ассигнований, например, в 1948 г. капиталовложения на Дома культуры составили 2536 тыс. руб., в первом квартале этого года данные культурные объекты были профинансированы лишь на 13%, ситуация не изменилась ни во втором, ни в третьем кварталах [Там же, с. 114, 116].

В 1947 г. Сталинградская область имела 65 районных домов культуры. Несмотря на то, что цифры несколько расходятся – к 1 мая 1948 г. в области имелось 62 Домов культуры, областной отдел культпросветработы рапортовал о достижении практически довоенного уровня по этим культурным учреждениям [Там же, с. 133]. Статистика росла, но материально-техническая база этих культурных учреждений оставалась на прежнем уровне [Там же, с. 132].

Чтобы качественно изменить наблюдавшуюся в культурной сфере ситуацию, продолжилась практика проведения смотров художественной самодеятельности. Так, в 1948 г. для проведения областного смотра сельских культурно-просветительных учреждений Сталинградской области для Нижне-Чирского дома культуры было заготовлено топливо на зимний период, а для его зрительного зала закуплены 400 кресел; Ленинскому дому культуры возвращено здание, занимаемое воинской частью; в Клетском районе Рассошинский сельсовет начал строительство двухэтажного здания клуба, для чего из местного бюджета было выделено 16 тыс. руб.; в Городищенском районе завершался ремонт дома культуры; Областной потребительский союз направил в областные районы духовые оркестры для районных домов культуры (2 шт.) [Там же, с. 134–136].

Как свидетельствуют документы, такая практическая работа «в значительной степени стала возможной благодаря энтузиазму колхозников, которые проводили субботники и воскресники по благоустройству прилегающих к культурным учреждениям территорий. Колхозные специалисты – печники, столяры, плотники и др. принимали непосредственное участие в строительстве изб-читален и домов культуры» [Там же, с. 135].

К середине 1950 г. в Старо-Полтавском, Бударинском, Краснослободском районах имелось в наличии по 1 Дому культуры. Правда в последнем районе Дом культуры своего собственного здания не имел, и материальная база этих культурных учреждений была неудовлетворительной [Там же, с. 139–140].

К началу 1951 г. в Сталинграде насчитывалось 5 Домов культуры, но только часть из них имела собственные, заново отстроенные здания [Там же, с. 141].

Таким образом, уже после завершения Сталинградской битвы началось восстановление культурной сферы города и области. Количественные показатели по таким культурным учреждениям, как Дома культуры – практически приблизились к довоенному уровню. Однако значительная часть из них в ходе реализации первой послевоенной пятилетки по-прежнему осуществляла свою многоаспектную деятельность не в капитально отстроенных зданиях, а во временно приспособленных помещениях. Слабая материально-техническая оснащенность областных Домов культуры не удовлетворяла растущих духовных запросов сельских жителей.

Литература

1. Болотова Е.Ю., Орешкина Т.Н. Учреждения культуры Сталинградской области в 1943–1950 гг.: восстановление и развитие. Волгоград: Перемена, 2014.
2. Культурное строительство в Волгоградской области. 1917–1941: сб. документов и материалов. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1980. Т. 1.
3. Культурное строительство в Волгоградской области. 1917–1941: сб. документов и материалов. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1981. Т. 2.
4. Орешкина Т.Н. Восстановление и развитие учреждений культуры в Сталинградской области (1943 – начало 1950-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2009.
5. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. 1917–1967 гг.: сб. документов за 50 лет. (Т. III 1945–1952 гг.). М., 1968.
6. Сталинградская правда. № 233(5435). 1946. 23 нояб.
7. Сталинградская правда. № 82(5543). 1947. 25 апр.
8. Сталинградская правда. № 94(5555). 1947. 14 мая.
9. Сталинградская правда. № 158(5619). 1947. 12 авг.
10. Сталинградская правда. № 3(5721). 1948. 4 янв.
11. Сталинградская правда. № 13(5731). 1948. 15 янв.
12. Сталинградская правда. № 215(5933). 1948. 29 окт.
13. Сталинградская правда. № 56(5258). 1964. 17 марта.

ALINA BEZHENCEVA, TATYANA ORESHKINA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

REHABILITATION OF CULTURAL INSTITUTIONS OF STALINGRAD AND ITS REGION IN POSTWAR PERIOD (at the example of cultural centers)

The article deals with the period of rehabilitation of Stalingrad and its region's cultural sphere after the end of the Stalingrad battle at the example of cultural centers. There are given the quantitative and qualitative characteristics of recoverable cultural objects in the considered period.

Key words: *the Great Patriotic War, the battle of Stalingrad, the period of rehabilitation, cultural sphere, cultural centers.*

УДК 94(47+57) «1917/1991»

О.О. БИРЮКОВА
(8marh@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ДВОРЕЦ ПРОФСОЮЗОВ ПОСЛЕВОЕННОГО СТАЛИНГРАДА КАК ПАМЯТНИК СТАЛИНСКОГО АМПИРА*

На примере архитектурного облика Дворца профсоюзов изучается архитектурно-градостроительное наследие послевоенного Сталинграда. Выделяются особенности «сталинского ампира» как архитектурного стиля, отражающего историю своей эпохи и ее мировоззрение.

Ключевые слова: *послевоенный Сталинград, Дворец профсоюзов, сталинский ампир, неорусский стиль, горельеф.*

Сталинский ампир – направление в архитектуре, монументальном и декоративном искусстве СССР с середины 1930-х до середины 1950-х годов. В.Л. Каганский в своей работе выделил основные характеристики этого стиля: единство и единственность; доминирование вертикальных, иерархических, властных отношений над порождаемыми ими горизонтальными, территориальными, обыденными; чрезвычайная централизованность любого фрагмента; жесткая оконтуренность пространственных ячеек; сочетание хаоса и унылого такта, непредсказуемость и стандартизованность; статусная дифференцированность мест и позиций, расстояний, направлений, отношений, связей [2, с. 157–159]. Перечисленные характерные черты сталинского ампира в основном задают принципы интеграции основного пространственного смысла (место, путь, центр, граница, переход и т. п.) в структуре архитектурных типов Дома, Храма, Дворца, Города.

В отличие от архитектурных моделей прошлых столетий, сталинский ампир стал распространяться на здания государственного значения с целью увековечить идеалы народа и власти [4].

Послевоенное восстановление Сталинграда – неотъемлемая часть истории отечественной архитектуры. Сталинград, названный именем вождя, изначально создавался как идеальная модель советского города-монумента, а затем как город для жизни. Уже в 1929 г. советские газеты писали, что «Сталинград через известное время должен стать образцовым, подлинно социалистическим городом, таким, о которых много писалось и говорилось, но которых еще нет», поскольку «настал момент реализовать проекты городов будущего» [6, с. 18]. В XX в. архитектура нашего города постепенно превращалась в последовательное воплощение новых градостроительных идей советского времени: сначала линейной группы социалистических городов, затем города-организма и города-монумента, складывавшихся в рамках реализации концепции города-ансамбля.

Сталинград в 50–60-х годах отстраивался в стиле сталинского ампира или неоклассицизма. Особенно для города-героя был характерен в данный период дворцовый стиль, который можно проследить в здании Дворца профсоюзов.

В Сталинграде с 1951 по 1957 г. строился Дворец профсоюзов (или Дом труда) по проекту ведущих региональных архитекторов В.Е. Масляева, Ф.М. Лысова и художников Ю.И. Боско, Н.Ф. Бароха, М.Я. Пышта.

Строительство Дома профсоюзов в этот период было актуально, т. к. профсоюзы обеспечивали связь государства и партии с рабочим классом и производством, принимали активное участие в государственном строительстве, в выборах органов Советской власти, выработке законов по вопросам производства труда, быта и культуры, в формировании органов хозяйственного руководства и др. [3].

* Работа выполнена под руководством Савицкой О.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Сталинградский Дворец труда является ярким примером нового архитектурного типа – «публичного дворца», который соединяет в себе три главные композиционные темы – неоренессансную, неомпирную и неорусскую.

Вадим Ефимович Масляев в 1950-х годах создал эскиз Дворца труда, который был представлен в неорусском стиле.

Второй эскизный проект В.Е. Масляев представил в неоренессансном стиле, где попытался соединить воедино схемы ренессансного палаццо и римского амфитеатра. Эскиз Дворца профсоюзов в Сталинграде отличается от прототипа: использование парных колонн в римско-дорическом ордере первого яруса и постановка их на пьедесталы [7].

На наш взгляд, данный проект является более интересным, прототипом выступал оперный театр в г. Дрездене Г. Земпера (1871–1878), проект Театра оперы и драмы в Минске И.Г. Лангбарда (1932).

Представленный вариант Дома профсоюзов имеет более архаичный и менее целостный характер с постройкой, воплощенной в жизнь. Слишком резок контраст между неоренессансной темой на главном фасаде и классицистической трактовкой остальной части сооружения.

Основу, построенного Дворца профсоюзов, составляет трехъярусный амфитеатр зала собраний, перекрытый куполом со световым фонарем и расположенный непосредственно под залом центральный вестибюль с круглой колоннадой, поддерживающей сводчатый потолок [Там же].

Фасады Дома профсоюзов созданы по традиционной схеме – «палаццо». Четырехэтажный объем расчленяется междуэтажным карнизом на два яруса – нижний рустованный и верхний гладкий. Со стороны улицы фасады объединяются темой коринфского ордера на всю высоту здания – колоннадой на фасадах по пр. Сталина и ул. Советской и полуколоннами, встраиваемыми в раму ризалитов, на боковых. При переходе к дворовым фасадам пластическая тема сохраняется, но меняется ее масштаб и степень насыщенности деталями: коринфская колоннада поднимается на рустованный цоколь, а между третьим и четвертым этажом добавляется еще один карнизный пояс, поддерживаемый одноэтажными колонками [Там же].

Как и любое сооружение, композиция которого строится на основе классицистических принципов, Дворец труда воспринимается с главных точек зрения как статичный и уравновешенный объем.

Особое внимание обратим на роскошный горельеф, который протянулся по фронту здания. Горельеф Дома профсоюзов делится на правую и левую части, которые разделены лозунгом: «Труд в СССР – дело чести, славы, доблести и героизма» с венчающим его профилем В.И. Ленина. Данное высказывание принадлежит И.В. Сталину и является советским лозунгом, созданным из образованный из политического отчёта Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) от 27 июня 1930 г.

Левый и правый горельефы совершенно идентичны, которые содержат в себе двадцать одну фигуру (семь женских и четырнадцать мужских). Фигуры объединены в шесть тематических групп, размещённых на некоторой дистанции друг от друга, каждая группа включает в себя от трёх до шести фигур. Поскольку здание изначально строилось именно для профсоюзов, большая часть фигур изображает различные производственные сцены. Главный смысл заключается в том, что каждая сторона горельефа начинается с военных, которые пришли с войны и возвращаются к мирной жизни и сразу идут трудиться на завод.

Все фигуры выполнены очень реалистично. Несмотря на значительную удалённость от зрителей, авторы не сэкономили на деталях, тщательно выписав черты лиц, включая даже такие элементы, как веки и губы персонажей [5].

Таким образом, архитектурные образы времен И.В. Сталина стали визитной карточкой Сталинграда-Волгограда. Грандиозные сталинские стройки и Великая отечественная война практически стерли все следы предшествующих эпох.

Литература

1. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
2. Рыклин М.К. Гегель в пространствах ликования // Литературно-философский журнал «Топос». 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topos.ru/article/4209> (дата обращения: 06.02.2019).
3. Смыкалин А.С. Советские профсоюзы в 1920-е гг // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2016. № 1(91). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-profsoyuzu-v-1920-e-gg> (дата обращения: 08.02.2019).
4. Шинтяпина Е.С. Историческое становление декоративных и орнаментальных доминант стиля ампира // Таврический научный обозреватель. 2016. № 8-1 (13). [Электронный ресурс]. URL: <http://tavr.science/stat/2016/08/9-SHintyapina-E.pdf> (дата обращения: 08.02.2019).
5. Шкода Р. Горельефы Дома профсоюзов. 2017 // Царицын. РФ: информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80aqp2ad9a.xn--p1ai/social/watch/649-gorelefy-doma-profsoyuzov.html> (дата обращения: 08.02.2019).
6. Янушкина Ю.В. Архитектура Сталинграда 1925–1961 гг. Образ города в культуре и его воплощение: учебное пособие. Волгоград: ВолгГАСУ. 2014.
7. Янушкина Ю.В. Сталинград 1930–1950 гг. Образные метаморфозы советского города тоталитарной эпохи. // Журнал Капиталь. СПб. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://kapitel-spb.ru/article/1725/> (дата обращения: 08.02.2019).

OLGA BIRYUKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

TRADE UNION'S HOUSE OF POSTWAR STALINGRAD AS A MONUMENT OF STALIN'S EMPIRE STYLE

The article deals with the study of architectural and urban planning heritage of postwar Stalingrad at the example of architectural appearance of Trade Union's House. There are revealed the peculiarities of Stalin's Empire style as an architectural style, reflecting the history of its period and its philosophy.

Key words: *postwar Stalingrad, Trade Union's House, Stalin's Empire style, "neorussian" style, high relief.*

УДК 904

А.А. БИТЮШКОВА
(nasta1954@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

САРМАТСКИЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «ВЕРБОВСКИЙ I»*

Анализируются различные украшения в сарматских погребениях из курганного могильника «Вербовский I». Рассматривается место происхождения этих украшений, материал, а также предназначение их в повседневной жизни сарматских племен.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, сарматы, Волгоградская область, Вербовский I, украшения, импорт, Северное Причерноморье.

Охранные раскопки курганного могильника «Вербовский I» (Калачевский р-он, Волгоградская обл.) начались с 2000 г. (руководитель экспедиции Мамонтов В.И.). В настоящее время раскопано 25 курганов, были обнаружены погребения эпохи бронзы (катакомбная, полтавкинская и срубная культуры), раннего железного века (сарматы), средневековья (хазарская, половецкая культуры).

Интерес представляют погребения сарматской культуры, многие из которых были ограблены. Однако даже разрушенный могильный инвентарь, попавшийся археологам, говорит не только о широких связях сарматов с Северным Причерноморьем, Азией и другими регионами, но и об уровне мастерства умельцев.

Сарматские украшения из курганного могильника «Вербовский I» представлены золотыми штампованными нашивными бляшками, бусами из различных материалов, амулетами-подвесками, пронизками, геммой. В данной статье украшения квалифицированы в соответствии с материалом, из которого изготовлено украшение.

Стекло. Бусы из стекла (однотонное, многоцветное, глухое, прозрачное и т. д.) являются в погребениях самыми многочисленными находками. Стекло имеет множество преимуществ перед другими материалами – доступность сырья, податливость при обработке, большой цветовой диапазон и т. д. Ремесло стеклоделия было распространено на различных территориях в античное время: Египет, Помпеи, Малая Азия, Греция и т. д. Археологами были обнаружены мастерские, которые специализировались только на стеклянных бусах, например, под Хохмарном (Англия) [2, с. 58].

Существовало множество вариантов создания однотонных стеклянных бус (отливание в форме, отрезание частей от стеклянных трубочек, скручивание пластинки и т. д.). Одноцветные стеклянные бусы изготавливались во всей эпохе античности, но наиболее популярны они стали в период эллинизма и на рубеже эр. В III–I вв. до н. э. приобрели популярность округло-ребристые бусы из глухого желтого или бесцветного прозрачного стекла, бугристые бусы, усечено-грушевидной формы и т. д. На рубеже эр появляется различный бисер, цилиндрические бусы. Распространенными цветами становятся красный, оранжевый, сине-зеленый и пр. К II–III вв. н. э. относят рубленный бисер, прямоугольные плоские пронизы из глухого красного или сизо-зеленого прозрачного стекла. На протяжении рассматриваемого периода также встречались бусы других форм и цветов [Там же, с. 62].

Одноцветное стекло представлено следующими находками: пронизь из бусин светло-желтого цвета (1,4 x 0,4 см); пронизь из бусин светло-желтого цвета (1 x 0,3 см); низка бусин из белого глухого стекла (диаметр – 4 мм); дисковидные стеклянные бусы из синего глухого (1,1 x 1 x 0,3 см) (курган 5, погребение 1) [7]; биконическая бусина белого цвета, покрытая серой патиной (диаметр – 1,2 см); крупная бочковидная бусина из темного глухого стекла (диаметр – 1 см); плоские бусины из темного глухого стекла (диаметр – 0,9 см); бочковидные бусины из темного глухого стекла (диаметр – 0,8 см); вы-

* Работа выполнена под руководством Мамонтова В.И., кандидата исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

тянутая бочковидная бусина из глухого темного стекла (длина – 0,7 см) (курган 10, погребение 3) [12]; бочковидные бусины серого цвета, на поверхности одной из них – темно-коричневые горизонтальные полосы (диаметр – 0,7 см) (курган 17, погребение 3) [11]; пронизи из нескольких бисеринок из белого и золотого стекла (диаметр – 1,5 мм, 2,5 мм); мелкая бусина из темно-голубого стекла (диаметр – 3,5 мм); плоская бусина из светлого глухого стекла, покрытая патиной, сплюснута с широких сторон, по средней части – глубокие вмятины параллельные отверстию (диаметр – 1,1 см); двойная пронизка из белого глухого стекла со следами слома (диаметр – 2,5 мм); длинная цилиндрическая бусина из белого глухого стекла (диаметр – 3 мм); несколько цилиндрических бусин из белого глухого стекла (диаметр – 3,5 мм, 3 мм); мелкая бусина из белого глухого стекла (диаметр – 2,5 мм) (курган 17, погребение 3) [Там же]; бочковидная бусина фиолетового цвета (диаметр – 0,8 см); бочковидные бусины из темно-коричневого темного стекла (диаметр – 0,5 см); мелкие бочковидные бусины молочного цвета (диаметр – 0,4 см) (курган 22, погребение 1) [9]; биконические бусины темно-коричневого цвета (диаметр – 0,7 см); пронизи из непрозрачного стекла (диаметр – 2 мм); стеклянная пронизка, состоящая из двух спаянных бусин (диаметр – 2 мм); бочковидные бусины из белого стекла (диаметр – 5 мм); мелкие стеклянные бусины белого цвета (диаметр – 3 мм) (курган 22, погребение 2) [9]; мелкие бочковидные бусы зеленого цвета (диаметр – 0,4 см); бочковидная стеклянная бусина с зелено-бурой поверхностью (диаметр – 0,8 см); крупная стеклянная бусина бледно-синей цвета (диаметр – 1,4 см); биконическая стеклянная бусина слабо-зелёного цвета (диаметр – 1,2 см) (курган 26, погребение 1) [10].

Полихромные бусы разнообразны. Известно, что орнаментов бус, импортированных из Северного Причерноморья, более двух сот видов. Бусы с глазчатым орнаментом производились различными способами. Например, «глазки» могли быть накладными, спаянными и пр. Они были распространены в весь сарматский период, но менялась форма «глазков», форма бусин и т. д. В могильнике «Вербовский I» глазчатые бусы представлены следующими изделиями: фрагмент бочковидной стеклянной бусины светло-зеленого цвета с белым выступающим глазком (диаметр – 0,5 см) (курган 8) [8]; глазчатые бочковидные бусины из темно-синего непрозрачного стекла, глазки темно-синего цвета, выделены двойными белыми тонкими обводами (диаметр – 0,7 и 0,6 см) (курган 10, погребение 3) [12].

Бусы с полосатым орнаментом бывают нескольких видов: поперечнополосатые и продольнополосатые. Первые были распространены в Северном Причерноморье во II в. до н. э. – I в. н. э., а второй орнамент – IV в. до н. э. – II в. н. э. Технологии создания полосатого орнамента разнообразны: спайка, накладка и т. д. [2, с. 34–35]. Полосатый орнамент представлен одной плоской бусиной треугольной формы из синего прозрачного стекла, на ее поверхности есть три белые узкие полосы, основание – полоска лимонного цвета (длина – 1,1 см) (курган 6, погребение 1) [7].

Бусы с внутренней и внешней позолотой выделены в отдельную категорию. Изготовление таких изделий достаточно сложный процесс, происходивший в центрах с развитым стеклоделием (Пантикапея). Распространены они были в I–II вв. н. э. Такие бусы представлены следующими изделиями: бочковидные стеклянные бусы (диаметр – 1,1 и 1 см); бочковидные и с небольшим ребром по широкой части стеклянные бусины (диаметр – 0,65 см, 0,7 см, 0,6 см) (курган 15, погребение 1) [11]; стеклянные пронизи с внешним золочением (диаметр – 0,3 см) (курган 26, погребение 1) [10].

Паста. В Северном Причерноморье бусы из пасты начали распространяться с III в. до н. э., вероятно, что с этого же времени они набирали популярность и у сарматов Нижнего Поволжья и Дона [6]. Украшения из пасты представлены следующими находками: цилиндрическая бисеринка белого цвета (диаметр – 2 мм) (курган 5, погребение 1) [7]; бисеринка в виде калачика серого цвета (диаметр – 4 мм); белая бисеринка (диаметр – 1,5 мм); серая бисеринка в виде калачика (диаметр – 3 мм, 3,5 мм, 3 мм); зеленый бисер (диаметр – 2 мм); цилиндрическая бусина белого цвета (диаметр – 2 мм); светло-серые бисеринки, со срезом под углом на одном конце (диаметр – 2 мм); дисковидная бусина серого цвета (диаметр – 2,5 мм); бисеринки светло-коричневого цвета в виде калачика (диаметр – 3 мм); светло-коричневая бисеринка с небольшим выступом на боковой стороне (диаметр – 3 мм); мелкий бисер из зеленой, светло-зеленой, голубой, светло-

коричневой, светло-коричневой и белой пасты (диаметр – 1,5 и 2 мм); биконические бисеринки светло-серого цвета (диаметр – 3 мм); светло-серая мелкая прониза (диаметр – 3 мм); светло-зеленая цилиндрическая бусина (диаметр – 3,5 мм); серая плоская бусинка (диаметр – 3,2 мм); овальная бусина светло-зеленого цвета (2 x 4 x 1,2 мм) (курган 17, погребение 3) [11]; две крупные округлые бусины, украшенные пятнами синего цвета, вокруг которых проходят в несколько рядов белые изгибающиеся полосы (диаметр – 1,6 см и 1,4 см) (курган 26, погребение 1) [10].

Бронза. Бронзовые подвески, бусы были популярны на протяжении всей истории сарматов. Изделия представлены следующими украшениями: коническая пронизка в виде плотно сжатой пружины из бронзовой проволоки в 5 оборотов, длиной 0,6 см (курган 5, погребение 1) [7]; литая бронзовая бусина в виде кольца (диаметр кольца – 1,5 см), на поверхности которого припаяны круглые бисеринки по три штуки в ряд (курган 15, погребение 1) [11]; колечки, изготовленные из коротких загнутых полосок бронзы, которые входили в набор ожерелья (курган 26, погребение 1) [10]. Интересна бронзовая подвеска-амулет в виде водоплавающей птицы (вероятно, утка), выполненная в зверином стиле [4]. Тело птицы полусферической формы, сжатое с боков. Изогнутая длинная шея оканчивается широким открытым клювом. Глаза птицы – выпуклые, сзади – маленький хвост, тело покрыто рельефными полосками и наклонными овальными выступами, вероятно, показывающие оперение (курган 15, погребение 1) [11]. Аналоги такому изделию неизвестны.

Серебро. Серебро доставлялось из Афин в мастерские Северного Причерноморья. В могильнике были найдены несколько изделий из этого металла: подвеска в виде стержня с петлей длиной 7,8 см. Она скручена из тонкой проволоки, концы сведены вместе и прокованы (курган 15, погребение 1) [Там же]; подвеска из тонкой проволоки, скрученной в три оборота, концы слегка заострены, диаметр подвески – 1,2 см (курган 22, погребение 2) [9].

Мергель. Этот материал представлен одним изделием: плоская округлая – розового цвета со сколом, отверстие украшения немного смещено (диаметр подвески – 2,3 см) (курган 26, погребение 1) [10].

Нефрит. Одна бусина из темно-зеленого нефрита (округлая и плоская) с блестящей полированной поверхностью была найдена в погребении 1 кургана 5 (3,1 x 3,2 x 0,7 см) [7].

Органика. Материал представлен зубами ископаемых, костями, зубами и рогами животных. Предметы могли изготавливаться как на заказ в мастерских за пределами сарматских территорий, так и местными мастерами. В погребении кургана 15 [11] были найдены несколько округлых бусин в виде пуговичек, с высоким «бортиком» и отверстием в центре, поверхность которых заполирована. Вероятно, эти изделия сделаны из «капсул зубов ископаемых рыб» (*Sparus* или *Sparnodus*) (диаметр – 1,4 см и 0,9 см) [11]. Похожие изделия найдены в погребении 3 из кургана 17 [Там же].

Для подвесок использовали и клыки кабана. Например, в кургане 26 обнаружен клык с просверленным отверстием для подвешивания. Поверхность гладкая с частичным сколом на внутренней поверхности изгиба клыка (длина – 13,2 см) [10].

В погребении 3 из кургана 17 было найдено изделие из кости – подвеска в виде усеченной прямоугольной пирамидки. В верхнюю часть изделия вставлен тонкий железный стержень с кольцом для тесьмы. Проволочка сильно заржавела, что привело к растрескиванию одной стороны подвески. Поверхность отполирована, длина подвески – 2 см [11].

В кургане 26 найден плоский округлый медальон из кости животного – спил основания рога. В центре диска просверлено отверстие. По краям изделия мастер изобразил «лучи», которые отходят от средней части медальона. На площадке около отверстия заметны технические следы – прямые прочерки, оставленные концом острия при работе над изделием (диаметр – 4,8 см) [10].

Меловые породы. Украшения из мела были в обиходе в I–II вв. н. э. Готовые изделия могли привозить из Северного Причерноморья или изготавливать у местных мастеров. Было найдено несколько предметов из меловых пород: плоская бусина-подвеска подтреугольной формы из плотного куса мела из погребения 1 кургана 15 (высота – 3,4 см) [11]; тонкая пластинка из мела (амулет), на закругленном

конце которой просверлено отверстие для подвески на шнур (длина – 6,4 см) из погребения 3 кургана 17; фрагменты, округлой в сечении, бусины из мела из кургана 26, погребение 1 [10].

Кварц. Этот материал представлен одной бусиной из дымчатого кварца с мелкими пятнами желеистого цвета. Она немного приплюснута со стороны отверстия. На одной стороне у отверстия имеется поперечная риска (диаметр – 1,35 см) (курган 17, погребение 3) [11].

Сердолик. Бусы из сердолика встречены в нескольких погребениях. В погребении 1 кургана 5 найдены 3 бусины из рассматриваемого материала. По форме они прямоугольные в плане и с боковыми гранями. Отверстие сделано в центре боковой грани (1,1 x 0,75 x 0,4 см) [7]. В погребении 1 кургана 15 обнаружены бусины округлой формы из светло-коричневого и темно-коричневого сердолика с отполированной поверхностью. Сквозные отверстия нескольких видов: просверлено встречными ходами или прямым сверлением. Диаметр бусин различается: 1,5 см; 1,4 см; 1,2 см. В погребении 3 кургана 17 найдена крупная бусина темно-вишневого цвета, отверстие в которой было просверлено встречным ходом (диаметр – 1,8 см), бусина из светло-красного сердолика (диаметр – 0,5 см) [11]. В погребении 1 кургана 26 найдено нескольких видов бусин из сердолика: крупные были темно-коричневые поперечно-сжатые (диаметр – 0,9 см), мелкие – светло-коричневые бочковидные (диаметр – 0,4 см) [10].

Гешир (гагат). Бусы из гешира представлены в двух видах: крупные четырехгранные (длина – 7 мм) и дисковидный бисер [11]. Также бусины из гешира найдены в погребении 2 кургана 22. Это цилиндрическая бусина (диаметр – 4 мм) и дисковидные бусины в количестве 32 штук (диаметр – 5 мм) [9]. Интересна бусина из погребения 1 кургана 26. Она – округлая, плоская. На одной из поверхностей процарапано изображение трезубца, а на другой – несколько царапин (диаметр – 1,1 см) [10].

Е.М. Алексеевой считает, что украшения из гагата в Северном Причерноморье были распространены с VI в. до н. э. по IV в. н. э. [2, с. 8]. Крупными месторождениями гагата в современное время являются Ирландия, Испания, Кавказ, Крым и пр. Однако нет доказательств, что эти месторождения разрабатывались в ранний железный век. Сложность обработки гагата предполагает, что изделия должны создаваться недалеко от места добычи. Исследователи предполагают, что украшения производились в Закавказье и в готовом виде участвовали в натуральном обмене между племенами [Там же, с. 10].

Янтарь. Бусины из янтаря были найдены в женском погребении. Они плоские в виде колеса (диаметр – 1,6 см) (курган 15, погребение 1) [11]. В другом погребении были обнаружены: большая плоская круглая бусина (диаметр – 1,2 см), поперечно-сжатая малая бусина (диаметр – 0,8 см), фрагментированная бусина (диаметр – 0,9 см) (курган 26, погребение 1) [10]. Место добычи янтаря известно из античных источников. Геродот писал, что по рассказам, янтарь добывали из р. Эридан (вероятнее всего, это – устье современной р. Висла) [5, с. 158]. Тацит писал о племенах эстиев, которые жили на территории современной Калининградской области. В Северном Причерноморье янтарные изделия неравномерно распределены по времени, но хронологическим промежутком считается вторая половина VI в. до н. э. – IV в. н. э. [2, с. 22–23].

Аметист. Бусы из аметиста встретились в погребении 3 кургана 17 и в погребении 1 кургана 26. В первом случае бусина овальной формы была в золотой овальной обойме. Нижняя ее часть слегка деформирована (0,9 x 0,6 x 0,35 см) [11]. Во втором случае – несколько круглых рубчатых поперечно-сжатых бусин нежно-фиолетового цвета (диаметр – 1–1,2 см) [10]. Плиний писал, что лучшие аметисты были из Индии, а худшие – из Египта, Аравии и т. д. В основном, украшения из аметиста датируются I–III вв. н. э. [3, с. 10].

Халцедон. Несколько бусин разного диаметра (2 см; 1,9 см; 1,7 см; 1,2 см; 1 см) молочного или серого цвета из халцедона с полированной поверхностью были обнаружены ниже грудной клетки погребенной в погребении 1 кургана 15. С одной стороны сверление конусовидное. В месте входа сверла есть поперечная риска, которая была оставлена, вероятнее всего, для крепления бусины [11]. Античные источники дают информацию, что халцедон добывался в горах у Назамонов (Ливия) и в Египте у Фив (Плиний Кай Секунд). Халцедоновые изделия чаще всего датируются I–III вв. н. э. [3, с. 11].

Египетский фаянс. В кургане 26 погребении 1 была найдена крупная рубчатая бусина из египетской пасты (диаметр – 1,4 см) [10]. Египетский фаянс является условным названием, т. к. у предметов из этого материала отсутствует глиняный черепок, который и определяет категорию фаянса. В более раннее время (V–IV тысячелетие до н. э.) изделия из фаянса производили в Египте и Двуречье. Об этом свидетельствует большое количество найденных формочек для изготовления предметов из фаянса на данных территориях. У исследователей существуют только предположения о местах производства фаянса и украшений из него в период раннего железного века. Возможно, это – Навкратис. В Северном Причерноморье исследователи выделяют несколько волн распространения египетского фаянса: VI – первая половина V в. до н. э.; I в. до н. э. – II в. н. э. [1, с. 23].

Коралл. Бусы из веточек коралла собраны в погребении 3 кургана 17: длинная бусина с розоватым цветом (диаметр – 0,9 см); средняя бусина слабого розового цвета (диаметр – 0,7 см); бусина конусовидная из короткого отрезка коралла (диаметр – 0,9 x 0,6 см). Сквозь середину всех бусин просверлены широкие отверстия для пронизки [11]. В основном, найденные бусы из веточек коралла датируются I в. до н. э. – первой половиной III в. н. э. [3, с. 30].

Перламутр. В погребении 1 кургана 5 было обнаружено несколько бусин из перламутра. Одни представляют собой прямоугольные плоские бусины (1 x 0,6 x 0,2 см), другие – две плоские фигурные бусины с волнистыми краями. Отверстие в пластинке просверлено в верхней части (1,4 x 0,9 x 0,3 см) [7]. Бусины из перламутра чаще всего датируются I–III вв. н. э. [3, с. 30].

Глина. В кургане 26 погребении 1 была обнаружена треугольная подвеска из небольшого черепка красноглиняной керамики. Грани подвески сглажены, отверстие для подвязки просверлено у широкой части изделия встречными ходами инструмента (длина – 3,5 см) [10]. Такие подвески сарматы могли изготавливать самостоятельно на местах пребывания из фрагментов импортной красноглиняной керамики.

Гранат. Бусина и золотая обойма с округлой полусферической вставкой из граната были найдены в погребении 3 кургана 17. Бусина каплевидного очертания крепилась в золотой обойме каплевидной формы. Обойма была оформлена у основания ободком из мелких полусферических выступов. Сквозное отверстие для пронизки было пробито мастером через нижнюю пластинку обоймы (0,7 x 0,8 x 0,2 см) [11]. Гранат в период раннего железного века встречался в Индии, Шри-Ланке, Фракии и т. д. Небольшое количество изделий из граната найдено в Северном Причерноморье, датируются довольно широко: IV в. до н. э. – III в. н. э. [3, с. 21].

Пегматит. Найдена одна бусина из полированного пегматита каплевидной формы. Цвет – молочный с тонкими темными горизонтальными прожилками. Верхняя часть бусины прямая. В ней просверлено отверстие, длина бусины – 3,5 см (курган 17, погребение 3) [11].

Яшма. Бусина-подвеска пирамидальной формы со сколом около отверстия встречена в погребении 1 кургана 15 (диаметр отверстия – 0,2 см) [Там же]. Чаще всего в Северном Причерноморье встречались бусы из яшмы скарабеоидной формы. Датируются такие украшения IV–III вв. до н. э. и II–III вв. н. э. [3, с. 21].

Золото. Золотые изделия поступали в степи Нижнего Поволжья и Дона из мастерских Северного Причерноморья. Ювелирам золото поступало из Закавказья или Малой Азии. В курганном могильнике Вербовский I найдена овальная золотая обойма со вставкой из темного овального камня. Закраина, которая удерживает вставку, имеет неровный срез. По основанию обоймы нанесен орнамент в виде веревочки. На широкой стороне припаяны основания двух петелек (1,4 x 1,0 x 0,5 см) (курган 17, погребение 3) [11].

Самыми многочисленными изделиями из золота в погребениях являются штампованные нашивные бляшки и пронизки. Они украшали одежду людей, на что требовалось много бляшек. Погребение 1 кургана 6: штампованные из тонкой золотой фольги нашивные бляшки, которые сделаны в виде круглого диска с валиком по краю. В валике пробиты отверстия для пришивания, в центре бляшки – полу-

сферический выступ; пронизка из гладкого листочка золотой фольги, скрученной в один оборот [7]. Погребение 3 из кургана 17: золотые нашивные полусферические бляшки, на их краях пробиты отверстия для пришивания; мелкие золотые пронизки в виде тонких трубочек без следов спайки [11]. В погребение 1 кургана 26 обнаружены золотые штампованные нашивные бляшки, на концах которых есть мелкие отверстия, пробитые изнутри; бляшки типа «ова» с прямоугольным основанием, от центра которого отходит прямой отрезок с разветвлениями на конце в виде рогов; ромбовидные бляшки с отверстиями по узким углам; крупные и мелкие полусферические бляшки, где отверстия пробиты на краю основания; треугольные нашивные бляшки, спаянные из трех рубчатых пронизок и небольшой петельки; мелкие сферические бусины со сквозным отверстием в центре; мелкие пронизки со слабыми следами рубчатого рельефа; две крупные фигурные бляшки, на которых изображены стилизованные птицы с рыбой в когтях [10].

В отдельную категорию следует выделить гемму из темно-фиолетового оникса. Она выполнена в виде плоской овальной бусины со сквозным отверстием и полированной поверхностью. На одной стороне изображен кошачий хищник (пантера). Передние ноги пантеры подняты в прыжке, голова повернута, в пасти зажат тирс (оканчивается маленькой крестовиной с тремя зубцами, ниже которой подвязаны две извивающиеся ленты). С другой стороны – воин. На его голова изображен металлический шлем с козырьком, боковыми щитками и острием в верхней части. У человека прямой нос и подбородок. В его левой руке – большой круглый щит, в правой – копье. На боку с правой стороны видна нижняя часть ножен короткого меча. Также видны элементы одежды. Гемма с двух сторон имеет выпуклые поверхности. Изделие создано в традициях римского камнерезного искусства I в. до н. э. – I в. н. э. Пантера, вероятно, принадлежала Дионису, т. к., по мифам, это – его любимое животное. Воин является тяжеловооруженным греческим воином гоплитом. Длина геммы – 2,4 см (курган 17, погребение 3) [11; 13, с. 141–142].

Украшения в сарматских погребениях играют важную роль. Они свидетельствуют о торгово-обменных связях племен, об уровне мастерства ювелиров, о тенденциях «моды» сарматского общества. Также они помогают исследователям датировать погребения с точностью до века.

Литература

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья: в 3 т. М.: «Наука», 1975. Т. 1.
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья: в 3 т. М.: «Наука», 1978. Т. 2.
3. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья: в 3 т. М.: «Наука», 1982. Т. 3.
4. Битюшкова А.А. Звериный стиль в культуре сарматов: историографический обзор [Электронный ресурс] // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». 2018. № 3(20). С. 34–37. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1527845966.pdf> (дата обращения: 15.01.2019).
5. Геродот. История. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004.
6. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1983.
7. Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2001 г. // Фонды ВОКМ № 153.
8. Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2003 г. // Фонды ВОКМ № 201.
9. Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2015 г. // Фонды ВОКМ № 320.
10. Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции научно-производственной лаборатории археологии и реставрации ВГСПУ в Волгоградской области в 2017 г. // Фонды ВОКМ № 342.
11. Мамонтов В.И. Отчет о работе Донской экспедиции НПЛАР ВГСПУ в Волгоградской области в 2013 г. // Фонды ВОКМ № 312.
12. Мамонтов В.И. Отчет о раскопках Донской экспедиции лаборатории археологии и реставрации НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2007 г. // Фонды ВОКМ № 253.
13. Мамонтов В.И., Шинкарь О.А. Два сарматских погребения из курганного могильника Вербовский I // НАВ № 14, 2014. С. 132–144.
14. Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011.

ANASTASIYA BITYUSHKOVA
Volgograd State Socio-Pedagogical University

**SARMATIAN ORNAMENTS FROM THE BURIAL
MOUND “VERBOVSKY I”**

The article deals with different ornaments in the Sarmatian burials from the mound “Verbovsky I”. There are considered the point of the origin of such ornaments, its’ material and their purpose in daily living of the Sarmatians.

Key words: *archeology, early Iron Age, the Sarmatians, the Volgograd region, Verbovsky I, ornaments, import, the North Pontic Area.*

УДК 94(470.45)

Т.А. БОЛГАНОВА
(tanysik050696@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ИВАН ПЕТРОВИЧ ИНОЧКИН – ВЫДАЮЩИЙСЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
И РАЦИОНАЛИЗАТОР СТАЛИНГРАДА (ВОЛГОГРАДА)***

Рассматриваются факты из биографии И.П. Иночкина. Определяется отношение потомков к личности изобретателя. Анализируются результаты деятельности И.П. Иночкина в качестве изобретателя и рационализатора Сталинградского тракторного завода.

Ключевые слова: И.П. Иночкин, изобретатель, рационализатор,
Сталинградский тракторный завод, Сталинград, Волгоград.

В настоящее время все больше внимания со стороны историков, экономистов и социологов, уделяется вопросу о сохранении национального интеллектуального капитала и повышении роста производительных сил в стране в условиях метамодернизма. Умение эффективно задействовать имеющийся интеллектуальный потенциал и избегать его утечки за пределы Российской Федерации обуславливает экономический рост в государстве, который выступает как фактор благосостояния населения [1, с. 6]. Обращаясь к историческому прошлому, нельзя не отметить положительный опыт советских изобретателей и рационализаторов и, в частности – сталинградских (волгоградских), которые внесли огромный вклад в экономику Нижневолжского региона.

Широкие слои активных людей – рабочих, инженерно-технических и научных работников, служащих и даже учащихся, заинтересованных в усовершенствовании процесса производства и интересующихся изобретательством – объединяло Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Существенный вклад в экономическое развитие Сталинградского (Волгоградского) региона в особый период восстановления и развития города и области во второй половине 50-х – начале 60-х годов вносило местное отделение ВОИР [9, с. 69].

Одним из виднейших представителей сталинградских (волгоградских) изобретателей и рационализаторов, имя которого было известно всему городу и области, был Иван Петрович Иночкин. Его жизнь и трудовая деятельность является достойным примером славного труда, инициативности, твердости духа и ответственности за взятое дело перед обществом.

Многие факты из биографии И.П. Иночкина можно найти на страницах периодических изданий, комплексных же исследований о деятельности отдельных коллективов заводов и фабрик, отдельных изобретателей и рационализаторов не имеется. Это актуализирует изучение местного опыта развития промышленности в конце 50-х – начале 60-х годов. (период существенного развития движения рационализаторов и изобретателей с точки зрения как количественного, так и качественного прироста его масштабов и результатов) и ставит перед нами следующие задачи: 1) систематизировать отдельные факты биографии И.П. Иночкина; 2) проанализировать результаты деятельности И.П. Иночкина в области изобретательства и рационализаторства.

В 2018 г. исполнилось 115 лет со дня рождения нашего земляка – Ивана Петровича Иночкина, чье имя навсегда вписано в историю. Иван Петрович Иночкин родился в 1903 г. в с. Антиповке Камышинского района [7, с. 3], окончил три класса сельской школы и ввиду нехватки в семье рабочих рук стал работать наравне со взрослыми. В 1925 г. был призван в армию [4, с. 6], а демобилизовавшись, он откликнулся на призыв к советской молодежи овладеть навыками машиностроительного производства, и отправился на Сталинградский тракторный завод (СТЗ) [8, с. 6].

* Работа выполнена под руководством Липатова А.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

На страницах периодической печати И.П. Иночкина по праву называют «деревенским самородком», а самой большой его заслугой – изобретение автоматической линии по выпуску поддерживающего ролика гусеничного трактора. Согласно материалам, размещенным в газете «Областные вести», на изготовление «робота» на заводе Ивана Петровича натолкнула одна из сцен знаменитой чаплинской картины «Огни большого города», которую показывали в кинотеатрах в 30-е годы [10, с. 5]. Внедрение линии на СТЗ началось в ноябре 1939 г., но устранение неполадок длилось до апреля 40-го года. С технической точки зрения, суть изобретения состояла в том, что расположенные относительно далеко друг от друга пять станков, на которых обрабатывалась ступица поддерживающего ролика, были выстроены в единую линию с учетом последовательности операций (после выполнения одной из них деталь, без вмешательства человека, перемещалась к другому станку, автоматически закреплялась, и механизм включался в работу). Внедрение линии в производство способствовало увеличению производительности труда и улучшению качества изделий. В результате автоматизации время на обработку детали снизилось с 15 минут до 45 секунд, брак был сведен к нулю, а количество человек, необходимое для производства изделий в цехе, уменьшилось с 19 до 3 – одного инженера и двух наладчиков, которые занимались обслуживанием линии, обеспечением заготовками, проверкой качества обработки, заменой режущего инструмента [8, с. 6]. По замечанию М.А. Водолагина, сконструированная автоматическая линия по обработке поддерживающего ролика гусеничного трактора оказалась первой в мире [2, с. 106–107]. За это изобретение имя рационализатора было занесено в Большую советскую энциклопедию как родоначальника автоматических линий [11, с. 3]. Фактически, по данным материалов периодической печати, оно послужило толчком для внедрения автоматических линий на других предприятиях СССР и даже за рубежом. Однако изобретение, «переложившее» тяжелый труд на «плечи» машин, не смогло пережить войну – автоматическая линия погибла при бомбежке [8, с. 6].

Наиболее значительным представляется вклад советских изобретателей и рационализаторов в победу над фашистской Германией. В условиях смертельной битвы на Волге свой личный вклад в дело разгрома германских захватчиков под Сталинградом внес и рабочий-рационализатор СТЗ И.П. Иночкин. Материалы периодических изданий свидетельствуют о том, что в дни Сталинградской битвы большой урон советским бойцам наносили немецкие танки [7, с. 3], противопоставить которым зачастую можно было только бутылку с зажигательной смесью в связи с нехваткой пушек и противотанковых ружей [8, с. 6]. На танкоопасных направлениях, по аналогии с минными полями, устраивались «бутылочные» поля. Однако нередко зажигательные бутылки применялись в Сталинграде как оружие ближнего боя. Самовоспламеняющаяся жидкость, содержащаяся в бутылке, не теряла своих свойств даже в самые сильные морозы, а, попадая на броню, разливалась и загоралась, при этом, будучи липкой, залепляла смотровые щели и стекла, приборы управления, выкуривала экипаж и сжигала все внутри танка [6, с. 4]. Обратим внимание, что бросить такого рода бутылку было возможно метров на 20–30 [8, с. 6], это дает основание полагать, что солдат находился на критическом расстоянии от боевой машины и фактически оказывался под пулями. В заданных обстоятельствах Иван Петрович Иночкин предложил собственный образец приспособления для метания бутылок с зажигательной смесью в танки противника. Впоследствии «бутылкомет» или «бутылкометатель», позволявший метать бутылки на расстояние 75–100 метров, успешно применялся во время героической обороны города [6, с. 4] и выпускался на заводе «Баррикады» [5, с. 20]. Исходя из названий заголовков статей, размещенных на страницах газет, немцы называли легендарные бутылки со смесью «коктейлем смерти» [12, с. 5] или «коктейлем Молотова» [6, с. 4]. Согласно приведенной в периодике статистике, за годы Великой Отечественной войны бутылками с зажигательной смесью было уничтожено 2429 танков и штурмовых орудий врага [12, с. 5]. Особое чувство гордости и восхищения вызывает тот факт, что тяжелейшие условия военного времени, в которых И.П. Иночкин трудился на благо Отечества, не сломили личность

выдающегося изобретателя, а напротив – сформировали стремление к дальнейшему самообразованию и саморазвитию в области изобретательства и рационализаторства.

На основании материалов периодической печати можно заключить, что творческая активность И.П. Иночкина оставалась на высоком уровне и по окончании войны. Став главным конструктором отдела механизации и автоматизации на СТЗ, И.П. Иночкин продолжал разрабатывать и внедрять в производство технические новинки. Приведем несколько примеров: литейные конвейеры, большой формовочный автомат, автоматические линии обработки звеньев гусениц и др. [12, с. 5].

Изучив комплекс краеведческого материала, можно с уверенностью сказать, что И.П. Иночкин являлся примером того самого «советского человека», живой и активной личности, понимающей, что своим трудом он может приносить большую пользу своему обществу и государству; несущей ответственность за слово и дело, при этом разделяя с трудовым коллективом завода новые задачи; способной к глубокому, творческому по своей сути процессу. Нельзя не отметить высокую организованность в работе изобретателя, позволяющую ему принимать личное участие в решении сложных вопросов при изготовлении, пуске, наладке изобретения и впоследствии следить за эксплуатацией своих машин, а также, по мере необходимости, вносить усовершенствования [3, с. 2].

Важно отметить, что советских передовиков производства активно поддерживало как государство, так и Коммунистическая партия. Стимулирование сталинградских (волгоградских) изобретателей и рационализаторов осуществлялось посредством присвоения почетных званий, выдачи премий, организации широкого показа лучших изобретателей и рационализаторов через общезаводские и цеховые витрины, плакаты, доски почета. Известно, что Иван Петрович Иночкин, проработавший на тракторном заводе без малого 40 лет, был награжден орденом «Знак Почета», шестью медалями, получил звание «Заслуженный изобретатель РСФСР» [8, с. 6]. Относительно даты смерти И.П. Иночкина в периодических изданиях можно встретить разные точки зрения. По версии одного автора, годом смерти Ивана Петровича называется 1976 г. [12, с. 5], по версии другого автора – 1978 г. [8, с. 6].

Память о выдающемся изобретателе и в настоящее время жива в сердцах потомков. В год 110-летия со дня рождения И.П. Иночкина Федеральное агентство связи по государственным знакам почтовой оплаты по согласованию с Министерством промышленности и торговли Волгоградской области выпустило художественную маркировочную карточку, посвященную изобретателю. Наряду с этим, на доме № 14 по улице Льговской висит гранитная мемориальная табличка, на которой значится: «В этом доме жил создатель первой в СССР комплексно-механизированной линии на Сталинградском тракторном заводе Иван Петрович Иночкин» [Там же]. Кроме того, в 2013 г. в Антиповской поселенческой библиотеке И.П. Иночкину был посвящен цикл мероприятий: была организована выставка-просмотр «Его имя – в энциклопедии», проведена беседа с учащимися 11-го класса на тему «Наш земляк Иван Иночкин – автор первой в мире автоматической линии», организован час краеведения «Известный изобретатель – наш земляк» для учащихся 7-го класса, а ученики 8-ых классов почтили память И.П. Иночкина на уроке памяти «Ими гордится село» [12, с. 5].

Однако изменяющиеся реалии современного общества затронули имя и память этого виднейшего человека своего времени. Так, в последнем издании Большой Российской энциклопедии об изобретателе первой в СССР автоматической линии не упоминается ни слова. Вместе с тем, в 2016 г. руководство Волгоградского тракторного завода отказало в размещении на проходной предприятия мемориальной доски, посвященной И.П. Иночкину, ссылаясь на то, что подобная табличка уже есть на доме, где изобретатель проживал [8, с. 6].

Тем не менее имя Ивана Петровича Иночкина уже вошло в историю его семьи, трудового коллектива, тракторного завода, которому он отдал большую часть своей жизни, города и области.

Анализ его трудовой деятельности и успешность его изобретательского гения позволяет смело утверждать, что имя Ивана Петровича Иночкина стало символом славного изобретательства и рационализаторства Сталинграда (Волгограда).

Литература

1. Болганова Т.А. К вопросу о становлении и развитии Сталинградского (Волгоградского) отделения Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов в конце 1950-х – начале 1960-х гг. [Электронный ресурс] // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». 2017. № 3(14). С. 6–10. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1527850363.pdf> (дата обращения: 28.02.2019).
2. Водолагин М.А. Волжская твердыня. М.: Сов. Россия, 1962.
3. Волгоградская правда. 1992. 24 нояб.
4. Волгоградская правда. 2013. 19 нояб.
5. Волгоградская правда. 2017. 1 нояб.
6. Городские вести. 1998. 22 янв.
7. Диалог. 2012. 19 апр.
8. Диалог. 2017. 8 июля.
9. Липатов А.В., Болганова Т.А. Всероссийское (Всесоюзное) общество изобретателей и рационализаторов: 85 лет служения Отечеству // Актуальные проблемы отечественной истории: сб. науч. тр. М.: Планета, 2017. С. 59–65.
10. Областные вести. 1994. 16 дек.
11. Сталинградская правда. 1959. 30 июня.
12. Уездные Вести Камышинского района. 2013. 14 нояб.

TATIANA BOLGANOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

IVAN PETROVICH INOCHKIN – AN OUTSTANDING INVENTOR AND INNOVATOR OF STALINGRAD (VOLGOGRAD)

The article deals with the background of Ivan Inochkin. There is defined the generation's attitude towards the inventor's personality. There are analyzed the results of his activity as an inventor and an innovator of Stalingrad tractor factory.

Key words: *Ivan Inochkin, inventor, innovator, Stalingrad tractor factory, Stalingrad, Volgograd.*

УДК 94(47)

С.Н. БУДНИКОВ

(budnikov34@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

НАКАЗНОЙ АТАМАН В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКОМ ДОНСКИМ В XVIII–XIX ВВ.*

Анализируются появление и этапы становления должностного чина наказного атамана Войска Донского. Рассматриваются тенденция расширения функциональных обязанностей и изменение значимости данного чина в управленческой структуре, созданной и активно распространяемой государственным режимом.

Ключевые слова: казачество, наказной атаман, Войско Донское, система управления, автономия, община.

Исследование системы управления внутри Войска Донского и, в частности иерархии руководящих чинов, представляет большой интерес для исторической науки в силу неизменного факта, подтверждаемого многовековой историей казачества – подчинение и политическая стратификация никогда не были свойственны для казачьей общины. Наоборот, детерминанты равенства, общинности, братства, поруки характеризовали донское казачество со времен его образования, и были именно теми приоритетами, в соответствии с которыми представители Войска Донского в целом выстраивали свою политическую и социальную позицию, вступая в сотрудничество или сопротивление по отношению к верховной государственной власти.

История этого политического «диалога» власти и казачества ярко охарактеризовал В.Г. Улитин: «В отношении к государству на Дону всегда жило внутреннее противоречие, исходящее из самой сути Казачества. С одной стороны, воспитанная веками готовность грудью защищать интересы Отечества, с другой – грозный клич голытьбы-вольницы «Сарынь на кичку» [9, с. 4–5]. Из-за этого концептуального противоречия история казачества может изучаться как история вольного казачества и история государственного казачества [3, с. 47]. Сосредоточение исследовательского интереса на аспекте руководящих чинов в казачьей общине требует абстрагирования от стандартного понимания сути и функционала должностей и учета вышеупомянутой исторической действительности.

Вплоть до XVII в. говорить о наличии четко выделенных должностей в казачьей среде не представляется возможным. Соблюдение дипломатической тактики взаимоотношений с монаршей властью позволяло не акцентировать внимание на внутриобщинной иерархии и решать все необходимые вопросы в рамках войскового круга. Есаул или сотник избирался казаками только во время походов и военных действий, строго до возвращения к гражданской мирной жизни [Там же, с. 43]. В том числе и должность наказного атамана подразумевала долгое время лицо, исполняющее обязанности атамана в общине в период его фактического отсутствия.

В хронологическом плане условная периодизация развития должностного чина наказного атамана, и в частности соотношения с должностью войскового атамана, связана с основными законодательными мерами регулирования власти в Войске Донском.

Так, на официальном сайте г. Серафимовича (Волгоградская область) в разделе по истории Войска Донского при перечислении атаманов Всевеликого войска Донского первым наказным атаманом указывается Василий Фролович Фролов, исполнявший соответствующие функции с 1718 по 1723 гг., в соответствии с указом Петра I [1]. Однако по факту своим указом Петр I утвердил в должности атамана, прежде выбранного на войсковом круге. Тем не менее с этого момента вплоть до первой четвер-

* Работа выполнена под руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ти XIX в. можно говорить об официально утвержденной должности наказного атамана, по факту замещающего войскового атамана в казачьей общине на время военных действий.

Часто случалось так, что император не подтверждал кандидата, избранного на круге. Чтобы исключить ситуацию бесконечного перебора казаков и подчеркнуть приоритет монаршего выбора, Петр I лично назначил в войсковые атаманы А. Лопатина с пометкой «впредь до нашего указа», что исключало на будущее войсковую инициативу в данной процедуре. С этого момента понятие «наказный атаман» фигурирует уже в официальном делопроизводстве.

Принятие данного управленческого решения повысило авторитет войскового наказного атамана, что подстегнуло и без того активную борьбу в казачьей среде за эту должность и усилило социальную напряженность в целом. Ранее демократический вариант самоуправления казачества позволял членам общины переизбирать атамана в случае социального недовольства. Теперь же потенциальный конфликт между казаками и их предводителем должен был либо исчерпываться дипломатическими мерами, либо приводил к агрессивной казачьей активности.

Однако историк М. Богданович видел в реформе управления Войском Донским положительный эффект [4, с. 228]. В назначении атаманов императором исследователь видел шаг к независимости атаманов от народного мнения и тем более произвола. Чем реже рядовые казаки привлекались к обсуждению и принятию решений, тем меньше споров, разногласий и конфликтов происходило в общине.

В начале XIX в. остро встал вопрос о реорганизации органов управления на Дону. Были учреждены 6 экспедиций, находившихся в подчинении войсковой канцелярии. Войсковой атаман отвечал за военные дела. Однако, как отмечает С.В. Соловьева, «сложность этого управления, недостатки во внутренней организации донских станиц потребовали новых изменений» [8, с. 39].

В 1810 г. при избрании на должность наказного атамана г.-л. А.К. Киреева войсковой атаман М.И. Платов составил четкие предписания о его правах и обязанностях, подготовил подробное штатное расписание и инструкции для чиновников войсковой канцелярии и сыскных начальств, определил денежные оклады. Эти наставления долго служили местным руководящим документом в деятельности войсковых, окружных и станичных властей [Там же, с. 40].

В 1827 г. Николай I, в процессе пресечения казачьего произвола и тяги к автономии на Дону, принял решение о снятии с должности очередного войскового атамана и окончательной замене его «наказным». В продолжение этой тенденции принимались и меры по пересмотру всей системы управления Войском Донским и разработке новой структуры, которая нашла воплощение в «Положении об управлении Войска Донского» (1835 г.) [7].

Появление этого документа готовилось еще в 20-е годы. Официальная публикация «Положения» затягивалась не только в силу необходимости кардинального пересмотра существующей схемы управления, ее длительного утверждения всеми войсковыми депутатами, но и ввиду внезапной кончины императора Александра I в 1825 г. Повторное обращение к сути «Положения» произошло в 1826 г. и тем не менее решение насущного вопроса заняло у Государственного Совета Российской империи почти 10 лет.

В соответствии с «Положением» управление Войском Донским было представлено двумя направлениями – гражданским и военным. При этом наследник императорского престола провозглашался войсковым атаманом. Непосредственная реализация власти концентрировалась в лице наказного атамана. Также за наказным атаманом закреплялись функции военного губернатора и управляющего «гражданской частью». Непосредственным заместителем наказного атамана становился начальник штаба Войска Донского. Однако для оперативной и конструктивной реализации властных полномочий при наказном атамане существовала войсковая канцелярия, адъютанты и войсковые есаулы.

С выходом в свет «Положения об управлении Войска Донского» на государственном уровне закреплялось восприятие казачьих земель не как обособленной самоуправляемой части Российского государства, но как отдельной области с типом управления, имеющим схему аналогичную губернскому

управлению. Это был один из самых важных начальных этапов вовлечения Войска Донского в общегосударственную централизованную систему власти и сокращения его автономии.

Наибольшая концентрация вовлечения Войска Донского в общегосударственную систему управления отмечается в последней трети XIX в. в контексте проведения реформ 60-х годов, а затем и контрреформ 80–90-х годов.

При этом Войско Донское становилось в эти периоды первым казачьим войском, в котором проводились управленческие реформы для оценки их эффективности.

В пореформенный период наказной атаман сосредотачивал на себе ведение и гражданских, и военных вопросов. На практике реализация этих функций осуществлялась через Войсковой штаб в случае военных задач и Областное управление в случае гражданских. С юридической точки зрения это выглядело следующим образом: в 1866 г. генерал-адъютанту Потапову, находящемуся на тот момент в должности наказного атамана, соответствующим правительственным указом были присвоены функции и права генерал-губернатора (как гражданского управляющего) и командующего войском в военных округах (как военачальника). Данное распределение обязанностей и прав было официально закреплено Высочайшим указом от 23 марта 1870 г. для последующих наказных атаманов Войска Донского, а именно:

- отсутствие права на суд, при сохранении обязанности охраны законов и защиты интересов притесненных представителей казачьего общества;
- участие в заседаниях различных областных учреждениях, соблюдение порядков, отслеживание выполнения различными управленческими чинами своих обязанностей на высоком качественном уровне;
- принятие мер по благоустройству казачьих земель, снабжению продовольствием, охране здоровья;
- слежение за равномерным распределением благ и достатка среди членов казачьей общины, устранение имущественного дисбаланса, помощь малоимущим, многодетным семьям, ограниченным в возможностях самостоятельного заработка.

С.Ф. Номикосов, общественный деятель и потомственный дворянин области Войска Донского, в своих трудах, посвященных казачеству, подчеркивал, что исключительно административные, хозяйственные и военные функции наказного атамана гармонично сочетались с «филантропической деятельностью», что в очередной раз подчеркивает силу духовности, общинности и коллективности в казачьих традициях [6, с. 669–670].

Вышеперечисленные обязанности могли быть осуществлены при непосредственной помощи начальника военного штаба и доверенных чиновников в процессе совместного регулярного объезда вверенной территории казачьих земель и надзоре за исполнением атаманских распоряжений. По мере необходимости все вопросы в сфере управления землями обсуждались с войсковым штабом или областным управлением. При этом на время отсутствия наказного атамана его права и обязанности возлагались на одного из служащих Войска Донского или войскового генерала.

Ближайшая управленческая структура при войсковом наказном атамане была представлена атаманской канцелярией, тремя адъютантами, двумя войсковыми есаулами, четырьмя чиновниками особых поручений, одним генерал-майором для особых поручений. Атаманская канцелярия, в свою очередь, имела также многочисленный штат для учета всей информации по ведению руководящей деятельности и исполнению решений атамана.

Военное и гражданское руководство наказного атамана представляло собой два автономных направления.

Фактическое выполнение военных поручений осуществлялось начальником войскового штаба, назначаемого Высочайшим приказом по представлению наказного атамана, а также его помощником, чье назначение было аналогичным. Делопроизводство в войсковом штабе мелкую четкую организацию. Все вопросы по инспектированию военных ресурсов и распределению финансов на содержание войск

отслеживались лично наказным атаманом, и только после его уведомления передавались в канцелярию или низшим военным чиновником для исполнения. И наоборот, вся исходящая документация должна была получить резолюцию наказного атамана.

Управленческая структура военных частей представляла собой подчиняющиеся военному штабу областные и окружные военные отделы, возглавляемые атаманами. Всего таких отделов в последней четверти XIX в. было пять: в Новочеркасске, в станице Каменской, в станице Нижне-Чирской, в станице Усть-Медведицкой, в станице Урюпинской. Помощь атаманам в реализации военного управления оказывали старшие адъютанты, военные приставы, заведующие оружейной мастерской и врачи.

В сфере административного управления наказной атаман опирался на содействие помощника председателя областного правления по гражданской части, трех советников, одного областного советника, назначаемого земством, коллектив канцелярии, областной типографии, архивариуса и двух чиновников особых поручений, а также нескольких мелких чиновников.

Распоряжения наказного атамана распределялись на 8 целевых отделений областного правления соответственно кругу решаемых вопросов: 1-ое и 2-ое распорядительные, хозяйственное, счетное, строительное, лесное, врачебное, чертежное, при котором со временем появилось межевое отделение.

Примечателен тот факт, что при наличии разногласий наказного атамана и общего присутствия областного правления по какому-либо административному вопросу, к практической реализации представляется решение наказного атамана. Относительно судебных решений, также позиция наказного атамана была более приоритетной. Его же мнение могло определить исход вопроса в случае распределения голосов поровну. В итоге все постановления присутствия областного правления вступали в силу только после утверждения их наказным атаманом.

Краткий обзор основных функций и областной управленческой структуры показал, что в ведении наказного атамана находились абсолютно все аспекты повседневной жизни казачьего круга и особые вопросы военного характера. Это говорит о предполагаемой степени ответственности и уровня компетентности наказного атамана. При этом мы можем наблюдать назначаемую должность, фактически вписанную в созданную государством управленческую схему, с большим спектром обязанностей, отсутствием полной автономности и необходимости коллегиального обсуждения насущных вопросов.

Таким образом, появление и трансформация во времени должности наказного атамана и соответствующих ей управленческих функций являются закономерным отражением государственной политики Российской Империи в области формирования бюрократической системы власти, где Войско Донское подразумевается как земли, управляемые «по особым учреждениям», местным законам [5]. В отношении исконной должности войскового атамана наказный атаман перешел от позиции подчинения к практическому замещению и сосредоточению на себе управленческих функций в Войске Донском.

На фоне сложного процесса централизации абсолютной монаршей власти в последней четверти XVIII – начале XIX вв. казачьи атаманы прилагали усилия к сохранению внутренней автономии, сохранению традиций и правовой базы, что нередко становилось причиной столкновения интересов представителей обеих сторон и, как следствие, усиление контролирующей роли государства. Наказной атаман в данном контексте стал олицетворением незримого присутствия и гарантом государственной линии в жизни Войска Донского.

С середины XIX в. посредством должности наказного атамана Имперская власть активно осуществляла меры по фактическому сближению войскового управления с губернским и уездным. На протяжении практически всего XIX в. структура системы управления Войском становится все более сложной и многоступенчатой, что позволяло властям более тонко регулировать степень самостоятельности казачества.

Такая схема оставалась актуальной до событий 1917 г., после которых можно говорить о размытии функционала наказных атаманов, возвращении к практике выборов атаманов, которые в годы гражданской войны практически стали самостоятельными политическими единицами.

Литература

1. Атаманы Всевеликого Войска Донского. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.serafimovich.org/atamani.html> (дата обращения: 30.03.2019).
2. Высочайше утвержденное Положение об общественном управлении в казачьих войсках 13 мая 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е. собр. Т. 45. Ч. 1. № 48354. СПб., 1874.
3. Ерохин И.Ю. Концепция государственности донского казачества // Проблемы современной науки и образования. 2013. № 3 (17). С. 42–48.
4. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2001.
5. Косенков Е.И. Станичное управление в Донском войске // Вестник Томск. гос. ун-та. 2009. № 327. С. 77–82.
6. Номикосов С.Ф. Статистическое описание области Войска Донского. М.: Книга по Требованию, 2011.
7. Положение об управлении Донского Войска: С прил. к наказу гражд. упр., штатами и общ. прил. Ч. I, II, III. СПб.: Воен. тип., 1835.
8. Соловьева С.В. Войско Донское в период Отечественной войны 1812 года. Волгоград: Перемена, 2012.
9. Улитин В.Г. Казачество в славном прошлом России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xsl3.ru/kadeti/kazaki.htm> (дата обращения: 29.03.2019).

SERGEY BUDNIKOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

APPOINTED HETMAN IN THE CONTROL SYSTEM OF THE DON COSSACK HOST IN XVIII–XIXTH CENTURIES

The article deals with the analysis of the appearance and the stages of developing the official rank of the appointed hetman of the Don Cossack Host. There is considered the tendency of expansion of functional duties and the change of the importance of this rank in the administrative structure created and actively extended by the state regime.

Key words: *the Cossacks, appointed hetman, the Don Cossack Host, control system, autonomy, community.*

УДК 629.78

М.А. ВЛАСОВА
(raminothka@gmail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ НА СТРАНИЦАХ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
СЕРЕДИНЫ 1960-Х ГГ.***

На основе фронтального анализа региональной периодической печати Волгоградской области отображен процесс сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне советским обществом середины 60-х гг. XX в., а, в частности, о подвиге советского народа и событиях, происходящих в период Сталинградской битвы.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Сталинградская битва, периодическая печать, общественный отклик, Л.И. Брежнев, подвиг советского народа.*

Победа советского народа в Великой Отечественной войне, несомненно, является одним из важнейших событий в истории всей Второй мировой войны. Благодаря героизму и отваге солдат и офицеров Красной Армии были сорваны все планы фашистской Германии по дальнейшему ведению боевых действий не только на территории СССР, но и во всем мире.

Периодическая печать предназначена для освещения событий, происходящих в жизни общества, при этом данные события могут происходить как в период выхода данной газеты, так и быть памятными для истории различных народов, стран, городов и т. д.

Региональная периодическая печать является очень ценным, а в ряде случаев и единственным, источником, позволяющим рассмотреть развитие экономической, социальной и культурной жизни городов. Спустя годы после окончания войны обращение к периодической печати необходимо, чтобы выявить её роль в механизме сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне и Сталинградской битве, проследить по содержанию публикаций формы взаимодействия власти и общества, направленного на то, чтобы память о событиях военного времени сохранялась в историческом сознании людей.

Для написания данной статьи была проанализирована периодическая печать Волгоградской области: газета «Волгоградская правда» [2] и «Молодой Ленинец» [3] середины 60-х годов XX в. Данный период был выбран не случайно, ведь в истории нашей страны происходят преобразования в политической и социально-экономической жизни страны. 14 октября 1964 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС становится Леонид Ильич Брежнев. Во главе государства становится человек-участник боевых действий на Северо-Кавказском (1941–1943 гг.) и Южном (1943–1945 гг.) фронтах Великой Отечественной войны. Соответственно, постепенно как в политической, так и в общественной жизни страны меняется отношение к событиям не только Великой Отечественной войны, но и всей Второй мировой войны, и все это отражалось в периодической печати того времени.

В процессе анализа периодической печати было выявлено, что в период с 1963 по 1967 г. в газетах «Волгоградская правда» и «Молодой Ленинец» о героическом подвиге советского народа в Сталинградской битве было опубликовано порядка 50 статей.

Несмотря на то, что газеты «Волгоградская правда» и «Молодой Ленинец» являются областными изданиями, на их страницах постоянно публикуются статьи, обращающие читателя к истории всей Великой Отечественной войны, а вот упоминания о Сталинградской битве встречаются гораздо реже. Это обусловлено тем, что память о данных событиях воспринимается обществом как одна большая, единая Победа всего советского народа над фашистской Германией.

Проанализированные статьи в своем содержании несут информацию о подвиге в Сталинградской битве и ее героях. Если говорить более подробно о содержании статей, опубликованных в газе-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

тах «Волгоградская правда» и «Молодой Ленин» за период с 1963 по 1967 г., то их можно разделить по нескольким направлениям:

1) события Сталинградской битвы (бомбардировка Сталинграда [8], контрнаступление, уличные бои, оборона тракторного завода, операции «Кольцо» и «Уран», пленение Ф. Паулюса и т. д.);

2) герои Сталинградской битвы: А.И. Еременко, И.И. Людников, Я.Ф. Павлов, А.И. Родимцев, В.И. Чуйков, М.С. Шумилов и т. д. Из данных статей мы узнаем об их жизни и их воспоминания о Великой Отечественной войне;

3) ветераны боевых действий: И. Козловский – участник боевых действий, герой битвы на Волге; Л.А. Винокур – участник боевых действий, лично присутствовавший при пленении Ф. Паулюса и т. д. Из данных статей мы узнаём об их жизни после войны, о памятных для них военных событиях, а также о том, какая помощь им оказывается [5];

4) восстановление города, присвоение улицам города Волгограда имен Героев Сталинградской битвы [6];

5) празднование памятных дат Сталинградской битвы (в исследуемый период ежегодно выходят статьи в номерах, приуроченных к памятным датам Сталинградской битвы – 17 июля и 2 февраля. Также периодическая печать подробно освещает празднование в 1963 г. 20-летней годовщины Победы в Сталинградской битве. Номера газет «Волгоградская правда» и «Молодой Ленин» от 2 февраля 1963 г. пестрят заголовками «Слава народу – Победителю» [4], «Бессмертен подвиг на берегах Волги» [1] и т. д. Данные номера газет имеют цветные вставки, большое количество фотографий, основная масса статей посвящена событиям Сталинградской битвы, а также торжественному заседанию участников битвы под Сталинградом, посвященному 20-летней годовщине Победы).

Авторами исследуемых статей в основном являлись сами ветераны Великой Отечественной войны, работники музеев, журналисты, секретари комсомольских организаций и рабочие заводов. Примером можно привести статью В. Целиковского «Ополченцы» [7], в которой события, происходившие в Сталинграде начиная с весны 1942 г., описаны глазами обычного рядового рабочего завода бурового оборудования.

Самое большее количество статей в исследуемых газетах описывает историю Сталинградской битвы в рамках анализа произошедших военных событий (примерно 50% исследуемых статей описательного характера), воспоминания героев битвы на Волге (примерно 20%), а также среди тематических публикаций большое количество воспоминаний ветеранов боевых действий и рассказы о помощи для них от молодежи и государства (примерно 20%). Меньше всего упоминаний о восстановлении города в условиях продолжающейся войны (примерно 10%). В основной массе выход всех статей приурочен к празднованию памятных дат Сталинградской битвы и напоминает жителям г. Волгограда и области не только своими заголовками, но и своим содержанием о героическом подвиге жителей Сталинграда в Великой Отечественной войне.

Предназначение периодической печати в современном мире не изменилось. Она по-прежнему передает не просто информацию о событиях, происходящих в мире, но и отношение общества к ним, даже если это – события прошлого. Периодические издания исследуемого периода играли важную роль в раскрытии, а значит сохранении в памяти, разных страниц истории войны и Сталинградской битвы, увековечивании подвига народа-победителя.

Литература

1. Бессмертен подвиг на берегах Волги // Волгоградская правда. 2 февр. 1963. № 28(14833).
2. Волгоградская правда. 23 янв. 1963. № 19(14824).
3. Молодой Ленин. 1 янв. 1963. № 1(6285).
4. Слава народу – Победителю // Волгоградская правда. 2 февр. 1963. № 28(14833).
5. Тенина М. В гости к ветеранам // Молодой Ленин. 18 янв. 1964. № 13(6555).
6. Улица Наташи // Молодой Ленин. 16 июля 1967. № 84(7219).
7. Целиковский В. Ополченцы // Молодой Ленин. 2 февр. 1965. № 23(6824).
8. Чуянов А. Начало конца // Волгоградская правда. 30 янв. 1966. № 28(15752).

MARINA VLASOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**REFLECTION OF THE HISTORY OF THE STALINGRAD BATTLE AT THE PAGES
OF THE PERIODICAL PRESS OF THE VOLGOGRAD REGION
IN THE MIDDLE OF 1960S**

The article deals with the reflection of the process of the commemoration work of the Great Patriotic War by the Soviet society of the middle of 1960s, particularly the exploit of the Soviet people and the events of the Stalingrad battle based on the frontal analysis of the regional periodical press of the Volgograd region.

Key words: the Great Patriotic War, the Stalingrad battle, the periodical press, public response, Leonid Brezhnev, exploit of Soviet people.

УДК 93

А.В. ИВАНОВ

(ivanov-kamenka2013@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1850–1860 ГГ.*

*Рассматриваются основные направления российско-китайских отношений на Дальнем Востоке в 1850–1860 гг.
Выявляются позиции России и Китая в дипломатическом взаимодействии в регионе.*

Ключевые слова: дипломатия, договоры, Россия, Китай,
русско-китайские отношения.

Российско-китайские отношения являются важной составляющей современной системы международных отношений. В основе дипломатического взаимодействия России с Китаем находится их историческое наследие.

В последние годы постоянно растет интерес к прошлому российско-китайских отношений. Страны-соседи активно сотрудничают в разных областях, что стимулирует исследования в сфере исторической дипломатии, с тем чтобы избежать ошибок прошлого. Изучение российско-китайских отношений на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. позволит нам разобраться в их противоречиях в период, когда в регионе активизировались так называемые «великие державы» и закладывались основы грядущих противостояний.

Данный вопрос уже затрагивался в работах многих исследователей.

Среди дореволюционной историографии можно выделить труды таких исследователей, как П.М. Головачёв, Н.В. Слюнин [4, 17]. В этих работах предпринимается попытка детально оценить и обосновать политическое и экономическое значение Дальнего Востока для России. Приводится большой статистический материал по освоению Приамурья. Различные перипетии внешней политики Китая, в том числе и во взаимоотношениях с Россией, исследовал И.Я. Коростовец [11]. Исследуя отношения между Россией и Китаем, Ф.Ф. Мартенс затронул вопрос о причинах дипломатических осложнений с Китаем [12].

В советской историографии предпринимались попытки анализа отношений с Китаем с новых позиций. Сквозь призму внутреннего положения Китая исследовались дипломатические отношения России и Китая [14]. В.М. Хвостов уделял внимание специфике дипломатической борьбы между Россией, Германией, Францией за сферы влияния в дальневосточном регионе [10].

В 1950–1980-е годы продолжались исследования, посвящённые анализу российско-китайских отношений во второй половине XIX в. Исследовались проблемы территориального разграничения на Дальнем Востоке [2]. Эта тема поднималась в трудах А.Д. Воскресенского, А.Л. Нарочницкого и других авторов [3, 13].

В постсоветский период можно отметить попытки создать обобщающий труд по данной проблематике. О.Р. Айрапетов охарактеризовал направления внешней политики России во второй половине XIX в., а также уделил внимание роли Японии в дипломатической борьбе России на Дальнем Востоке [1]. Комплексный анализ территориальных разграничений провёл В.Г. Дадцышен, Е.Г. Темников и др. [6, 18]. Дипломатия России и Китая во второй половине XIX в. становится предметом исследования отдельных статей [7, 8].

Цель нашего исследования – изучить эволюцию дипломатических взаимодействий России с Китаем на Дальнем Востоке в 1850–1860-е гг.

* Работа выполнена под руководством Ленивихиной Н.О. старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. основы русско-китайских отношений регулировались Нерчинским и Кяхтинским договорами. В 1833 г. направления политики России в отношении Китая были вновь сформулированы в письме директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел К.К. Родофиникина к начальнику Духовной миссии в Пекине В. Морчевичу: «Главная и постоянная цель Российского министерства в отношении Китая есть политическая и торговая; первая состоит в сохранении и ускорении дружественных с Китаем связей, как с государством, с коим мы граничим мы на столь значительном протяжении; вторая заключается в распространении и развитии торговых наших с китайцами сношений для пользы отечественной промышленности и взаимных выгод» [5, с. 82].

Однако в середине XIX в. происходят значительные изменения в международной обстановке на Дальнем Востоке.

«Опиумные» войны в 1839–1840 и 1856–1860 годах привели к превращению Китая в полуколониальное государство. Китай был вынужден открыть морские порты для торговых компаний Великобритании, Франции, США. Прежний баланс сил был явно нарушен.

Усиление внешнеполитической деятельности иностранных стран в регионе не могло не вызывать опасения за безопасность дальневосточных границ России. Огромная территория на востоке страны характеризовалась малой плотностью населения. Это обстоятельство в совокупности с трудностями сухопутного передвижения через Сибирь делало территории российского Дальнего Востока крайне уязвимым [9].

События Крымской войны охватили и дальневосточный регион. Тихоокеанское побережье было подвергнуто нападению сил англо-французского флота. В этих условиях генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев и архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий поставили перед российским правительством вопрос об укреплении позиций России на Амуре. При этом Н.Н. Муравьев не исключал возможности развёртывания боевых действий против англо-французских войск в неразграниченных с Китаем районах [15]. Организованные Н.Н. Муравьевым сплавы войск и снаряжения по Амуру упрочили позиции России и сыграли значительную роль в обороне её владений от нападений англичан летом 1854 г. [9]. События Крымской войны подчеркнули уязвимость дальневосточных владений России.

Экономические интересы России на Дальнем Востоке также нуждались в развитии и защите. Открытие китайских портов для торговых компаний иностранных стран отрицательным образом сказывалось на объёмах русско-китайской торговли. Браконьерская добыча в российских водах китов и рыбы требовала от российского правительства мер по защите экономических ресурсов Дальнего Востока [Там же].

Вышеперечисленные обстоятельства привели к активизации российской дипломатии в регионе. Стал очевиден пересмотр системы русско-китайских отношений, сложившейся к середине XIX в.

В 1848 г. в Петербурге был образован Особый комитет, призванный заняться укреплением позиций России на Дальнем Востоке.

Во второй половине 1840 – начале 1850-х годов в приграничных районах Приамурья проводят исследования региона несколько российских экспедиций. В 1852 г. начальник Забайкальской экспедиции Н.Х. Агте представил выводы о том, что большая часть левобережья Амура уже принадлежит России согласно Нерчинскому договору. Также было предложено использовать Амур в качестве естественной границы, присоединив к России всё левобережье Амура [5, с. 84].

В 1853 г. Н.Н. Муравьев подал записку Николаю I, в которой предложил поручить решение о разграничении местным властям. Это предложение было одобрено в начале 1854 г императором, который заявил: «Чтобы при этом не пахло пороховым дымом» [1, с. 226]. Военные поражения и поддержка, оказанная Россией во время второй «опиумной войны» и Тяньцзинских переговоров, где посредником стал адмирал Е.В. Путятин, оказали влияние на позицию Пекина в территориальном вопросе. 16 (28) мая 1858 г. был подписан Айгуньский договор. Согласно его статьям граница меж-

ду Россией и Китаем проводилась по р. Амур вплоть до р. Уссури. Уссурийский край оставался совместным владением двух государств [3]. Навигация по Амуру, Сунгари, Уссури разрешалась только для российской и китайской стороны, что позволяло закрыть судоходство третьей стороны, ослабить роль вмешательства европейских стран в российско-китайские отношения. Под защиту ставились и экономические интересы России в Приамурье.

В этот же период в Тяньцзине находился русский уполномоченный Е.Ф. Путятин, который был отправлен в Китай для введения переговоров. Не зная об итоге переговоров в Айгуне, он подписывает с китайской стороной Тяньзиньский трактат. В результате подписания трактата Китай признал необходимость в установлении точных границ в ряде местностей. Также России были предоставлены права в морской и сухопутной торговле [3]. Также было зафиксировано следующее положение: «Все права и преимущества политические, торговые и другого рода, какие впоследствии могут приобрести государства, наиболее благоприятствуемые китайским правительством, распространяются в то же время и на Россию» [16, с. 33–34]. Исходя из данного положения, на Россию распространялись все права и привилегии, полученные европейскими странами в результате «опиумных» войн.

В 1860 г. русский посланник Н.П. Игнатьев и уполномоченный представитель Китая князь Гун подписали Пекинский договор, в котором подтверждались и конкретизировались положения ранее подписанных соглашений. Также признавалось, что прежнее совместное владение – Уссурийский край – становится российской территорией. Была проведена демаркация границ в спорных районах. Кроме вопроса о территориях фиксировались новые привилегии для российских граждан в Китае [16]. Российская империя закрепляет достижения ранее подписанных соглашений.

Таким образом, подписанные договоры упрочили положение Российской империи на Дальнем Востоке, позволили защитить экономические интересы страны, разрешить территориальные споры. Всё положительно сказывалось на процессе экономического освоения региона. Российско-китайские отношения фактически оставались на равноправном уровне. Российская империя, закрепив за собой права и привилегии в Китае наряду с европейскими странами, не имела необходимости и возможности реализовать их в полном объеме. Перед Россией стояла задача укрепить дальневосточные рубежи, что и выполнялось в результате подписания договоров.

Литература

1. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи: 1801–1914. М.: Европа, 2006.
2. Брежнев А.А. Россия и крестьянская война тайпинов // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982.
3. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999.
4. Головачёв П.М. Россия на Дальнем Востоке. СПб.: 1904.
5. Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004.
6. Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. Кызыл: Республиканская типография, 2000.
7. Дудникова А.В. Российско-китайские отношения во второй половине XIX в.: курс на сближение // Молодёжь и наука: сборник материалов IX Всерос. науч.-технич. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярска. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.sfu-kras.ru/handle/2311/11524> (дата обращения: 11.02.2019).
8. Иванов А.В. Дипломатия Российской империи в русско-китайских отношениях конца XIX – начала XX вв. // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 2(18). С. 147–152.
9. История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Междунар. отношения, 1999.
10. История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в Новое время (1872–1919 гг.). / под ред. В.П. Потёмкина. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1002147> (дата обращения: 11.02.2019).
11. Коростовец И.Я. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1886.
12. Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. СПб.: Типография И. Габермана, 1881. // Президентская библиотека. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/442270> (дата обращения: 11.02.2019).

13. Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1896. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956.
14. Попов А.Л. Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания // Красный архив. 1927. Т. 2(21). С. 182–199.
15. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013.
16. Русско-китайские отношения. 1689–1916: Официальные документы. М.: Изд-во вост. лит., 1958.
17. Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. [Электронный ресурс]. URL: <https://pgpb.ru/digitization/document/1981/> (дата обращения: 10.02.2019).
18. Темников Е.Г. Межгосударственные отношения России и Китая во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010.

ALEXEY IVANOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE FAR EAST IN 1850–1860

The article deals with the Russian-Chinese relations in the Far East in 1850–1860. There are revealed the positions of Russia and China in diplomatic interaction in the region.

Key words: *diplomats, contracts, Russia, China, Russian-Chinese relations.*

УДК 93.908

И.А. КАРТАШОВ

(kartashovline@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИМ. М. ГОРЬКОГО ЗА 1979 Г.
(по материалам годового отчета)***

Освещается положение библиотечной сети СССР в Волгоградской области, на примере деятельности Волгоградской областной универсальной научной библиотеки им. М. Горького. С опорой на контрольные показатели из архивных документов Государственного архива Волгоградской Области (ГАВО) характеризуется выполнение постановлений XXV съезда КПСС в сфере библиотечного строительства в Волгограде.

Ключевые слова: культурная сфера, учреждения культуры, библиотека, читатель, библиотечное обслуживание, библиотечная сеть, Волгоградская область, Волгоград.

Сегодня накопившиеся проблемы в библиотечной сети препятствуют позитивному развитию общества в области образования и культуры. Так, по данным доклада Областной универсальной научной библиотеки (ОУНБ) им. М. Горького о деятельности муниципальных библиотек Волгоградской области за 2016 г., наблюдается прогрессирующая стагнация темпов и объемов развития фондовых, информационных и финансовых ресурсов библиотек; продолжается с 90-х годов разрушение системы библиотечного обслуживания; старение кадрового потенциала и отсутствие преемственности. Финансируется практически только зарплата, причём её фонд остаётся в лучшем случае неизменным. Оптимизация расправляется с профессионалами и энтузиастами своего дела, рушит сложившийся уникальный облик библиотечных учреждений [2, с. 68]. И это только часть проблем библиотечной сети Волгоградской области. В 2017 г., по материалам информационно-аналитического обзора деятельности библиотек Волгоградской области, ситуация с библиотечным обслуживанием и развитием библиотечной сети не изменилась [6].

Библиотечная сеть, как и в целом библиотечное дело, в нашей стране и в частности в Волгоградской области, нуждается в обновлении концепции развития с учетом новейших цифровых технологий. Анализ исторического советского опыта по реформированию и развитию библиотечного дела, возможно, поможет в разработке более адекватной политики государства в области библиотечного дела. Такая масштабная задача может быть реализована в рамках соответствующего исследования. В настоящей же статье представлена характеристика положения библиотечной сети СССР в Волгоградской области к 1980 г.

Послевоенное время, период восстановления учреждений культуры, в частности библиотек, изучен Т.Н. Орешкиной [7]. Последующее развитие библиотечной сети было отражено в работе А.В. Липатова [3]. Отдельно выделяется исследование Е.В. Лихомановой, в центре которого – непосредственно развитие библиотек Волгоградской области [5]. Дальнейший процесс библиотечного строительства, охватывающий сложный период нашего государства, с 1980-х по 2000-е годы, пока слабо изучен отечественными историками. Также изучение библиотечного строительства в региональном разрезе усложняется отсутствием отчетной документации в Государственном архиве Волгоградской области (ГАВО) от ОУНБ им. М. Горького за 80-е годы. Однако в наличии, в Центре документации но-

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

вейшей истории Волгоградской области (ЦДНВО) (Ф. 6841), имеется обширный материал по работе первичной партийной организации ОУНБ им. М. Горького. Архивные документы позволяют раскрыть работу областной библиотеки под интересным углом.

В 1979 г. сотрудники библиотеки им. М. Горького продолжали работать над повышением уровня библиотечного обслуживания населения в соответствии с задачами, определенными XXV съездом КПСС, постановлениями ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе», «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» и «Основными направлениями развития библиотечного дела в Волгоградской области на 1976–1980 годы» [1, Л. 3]. В минувший отчетный год библиотека направляла свою работу на решение таких задач, как:

- 1) расширение деятельности библиотек по распространению достижений науки и техники, передового опыта, по оперативному обеспечению научно-технической информацией специалистов народного хозяйства, по оказанию дифференцированной помощи читателям с учетом их образовательного уровня, профессиональных интересов и возрастных особенностей;
- 2) работа по формированию состава читателей путем дальнейшего привлечения научных работников, специалистов народного хозяйства, науки и культуры, партийно-советских работников;
- 3) дальнейшее распространение общественно-политической, краеведческой литературы в связи с 37-летием разгрома немецких войск в Сталинграде, 35-летием Победы, Международным годом ребенка и 110-летием со дня рождения В.И. Ленина;
- 4) усиление пропаганды библиотечно-библиографических знаний, совершенствование информационного и справочно-библиографического обслуживания; повышение качества комплектования книжных фондов научной и специальной литературой;
- 5) улучшение научно-методической работы, координация и кооперирование методической работы с библиотеками других ведомств;
- 6) участие в научной работе по библиотековедению и библиографии, постановка, изучение и распространение передового опыта;
- 7) повышение квалификации кадров библиотеки и области.

Сотрудники библиотеки стремились путем пропаганды книги помочь трудящимся Волгограда и области в различных сферах, в достижении плановых показателей и взятых на себя социалистических обязательств. Выполнение же обязательств, принятых коллективом библиотеки, позволило улучшить качество обслуживания читателей, сделать работу библиотеки более интересной и содержательной. Конкретные результаты работы библиотеки, по самым различным направлениям деятельности, выражены в количественных показателях и отображены в сводных таблицах годового отчета.

Из сводной таблицы по основным контрольным показателям деятельности библиотеки мы можем извлечь и проанализировать количественные и качественные характеристики [1, Л. 5, 6]. Сводная таблица показывает информацию: сколько выполнено за 1978 г.; план на 1979 г.; в какой мере он был выполнен и какие показатели запланированы на 1980 г. Такая структура позволяет проследить динамику показателей и характер планирования. К примеру, число читателей по единому читательскому билету в 1978 г. составило – 21519, в плане на 1979 г. – 21950, выполнено в 1979 г. – 22001, запланировано на 1980 г. – 22410. Можно констатировать, что плановые показатели не были превышены, цель была достигнута. На 1979 г. запланированный прирост числа читателей должен был составить 431 (1,964%), но план был немного перевыполнен и составил 2,191% (482). Прирост числа читателей по единому читательскому билету на 1980 г. должен составить, по плану, 1,826%. Что позволяет с уверенностью прогнозировать, что запланированный показатель будет достигнут и вероятнее всего превышен, т. к. в самом плане наблюдается зазор для его перевыполнения.

Общее число читателей, посетивших библиотеку (с учетом всех отделов), в 1978 г. составило 181626, в плане на 1979 г. – 185100, выполнено в 1979 г. – 188758, запланировано на 1980 г. – 191808.

На 1979 г. запланировано увеличение посещений на 1,877%, а на 1980 г. – 1,591%. При этом показатели роста за 1979 г. составили 3,779%. Мы вновь видим, что в структуре плана заложен запас прочности для его выполнения и перевыполнения. Однако, к примеру, количество запланированных и проведенных литературных и музыкальных вечеров стабильно десять. В плане на 1980 г. также десять. Проследживается некая «дежурность» в проведении и планировании литературных и музыкальных вечеров. Дней информации в 1978 г. проведено 45, в плане на 1979 г. – 45, проведено в 1979 г. – 32, запланировано на 1980 г. 35. В случае с днями информации важно учесть, что они малоэффективны в вопросе увеличения количества читателей, о чем не раз упоминается в годовом отчете. Вероятно, по этой причине плановые значения не были выполнены.

Выставки литературы, в том числе выставки-просмотры, проводились примерно в одном и том же объеме, с положительной динамикой. В 1978 г. – 453 и 202, в плане на 1979 г. – 462 и 205, выполнено в 1979 г. – 465 и 200, было запланировано на 1980 г. – 470 и 210. Подобные мероприятия имели положительный эффект, в особенности, если была представлена патентная литература. Всего за год патентным отделом библиотеки было организовано 4 Дня информации, 6 Дней специалиста, 43 выставки-просмотра, на которых было представлено 26837 источников и выдано 1560 экземпляров описаний изобретений. Посмотрело литературу 1183 человека.

В работе с читателями план по основным контрольным показателям был реализован с небольшим перевыполнением. Читатели-специалисты с научными работниками составили 63,73% – это меньше на 0,46%, чем в 1978 г. Отклонение весьма не существенное.

Анализ документа, в котором представлены таблицы по численности читателей (с их обширной классификацией), посещаемости ими библиотеки и выдачи литературы позволили сделать следующий вывод. Самыми читающими являлись учителя, воспитатели, культпросветработники (их род деятельности «требовал» постоянного самообразования). Наиболее эффективно работал отдел городского абонемента. Его основными группами читателей являлись специалисты гуманитарного и технического профиля. За ними, с большим отрывом, шли специалисты народного хозяйства, студенты и инженеры.

В организации обслуживания научных работников и специалистов различных отраслей народного хозяйства, науки, культуры, первоочередной задачей продолжало оставаться привлечение всё большего числа специалистов, работающих в научных учреждениях и на предприятиях. С этой целью библиотека поддерживала повседневную связь с научными учреждениями, предприятиями, организациями; проводила различные мероприятия: Дни специалиста, Дни информации, выставки; организовывались информационные тематические просмотры литературы на научно-практических конференциях и семинарских занятиях. Однако прироста читателей данные мероприятия почти не дают, это так же отмечалось и в годовом отчете библиотеки. В основном, ведущие группы читателей нуждаются в помощи при библиографических поисках, в информации о новых книгах и статьях периодики.

Мероприятия, проводимые библиотекой на различных предприятиях и учреждениях, реализовывались в тесной координации с читальным залом, отделом городского абонемента, отделом информации по культуре и искусству, патентным отделом. В рамках изучения удовлетворения профессиональных запросов различных групп читателей и чтения общественно-политической литературы, проводились анализы чтения. Такой подход позволял улучшать качество работы с читателями, как относительно их запросов, так и относительно уровня их заинтересованности в прочтении общественно-политической литературы.

Отрицательную характеристику имела картина удовлетворения профессиональных запросов и интересов читателей-специалистов, относительно недостаточного количества выпусков издательствами практической литературы. Читатели различных групп высказывали пожелания увеличения количества экземпляров искусствоведческой и литературно-художественной периодики.

В целом ОУНБ им. М. Горького по большинству контрольных показателей, а также по форме и содержанию работы с читателем успешно выполнила план на 1979 г.

Литература

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 6244. Оп. 1. Д. 176.
2. Доклад о деятельности муниципальных библиотек Волгоградской области в 2016г. / сост. М.Ю. Караваева, ред. О.А. Лященко. Волгоград, 2017.
3. Липатов А.В. Деятельность учреждений культуры Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2012.
4. Липатов А.В. Характеристика архивных фондов и документального материала по изучению деятельности учреждений культуры Сталинградской (Волгоградской) области в 1953–1964 гг.: региональный аспект [Электронный ресурс] // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журнал ВГСПУ. 2012. № 5(19). С. 12–16. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1355994555.pdf> (дата обращения: 25.02.2019).
5. Лихоманова Е.В. Развитие библиотек как направление государственной политики в области культуры в 1960-е – 1970-е гг.: на примере Волгоградской области: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014.
6. Муниципальные библиотеки Волгоградской области в 2017 г. / сост. М.Ю. Караваева, ред. О.А. Лященко. Волгоград, 2018.
7. Орешкина Т.Н. Восстановление и развитие учреждений культуры в Сталинградской области: 1943 – начало 1950-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2009.

IGOR KARTASHOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**CHARACTERISTICS OF THE ACTIVITIES OF THE VOLGOGRAD REGIONAL UNIVERSAL
SCIENTIFIC LIBRARY NAMED AFTER MAXIM GORKY FOR 1979
(based on the annual report of the library)**

The article deals with the position of the library network of the USSR in the Volgograd region, on the example of the activities of the Volgograd Regional Universal Scientific Library named after Maxim Gorky. There is characterized the implementation of the resolutions of the 25th CPSU Congress in the field of library construction in Volgograd based on the benchmarks from the archival documents of the State Archive of the Volgograd Region.

Key words: *cultural area, cultural institutions, library, reader, library service, library network, the Volgograd region, Volgograd.*

УДК 902

А.Е. КАРЯКИНА

(*anastasiya.cariakina@yandex.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ
(к постановке проблемы)***

Анализируется процесс развития экспериментальной археологии в России. Выделяется отличие экспериментальной археологии от других полевых методов исследования. Рассматриваются яркие центры экспериментальной археологии в России.

Ключевые слова: *полевые методы исследования, эксперимент в археологии, реконструкция, центры экспериментальной археологии в России, трасология.*

Экспериментальная археология является перспективным направлением современной археологической науки и позволяет опытным путем проверить множество гипотез, изучая различные стороны жизнедеятельности человека.

Эксперимент набирает популярность в археологической науке с каждым годом, являясь средством познания жизни, быта, культуры, религии людей различных эпох. Он представляет ученым широкие возможности для более обширного, точного и наглядного научного исследования. Как и другие научные методы, эксперимент имеет свою давнюю историю, позволяющую проследить применение его в археологии и модернизацию в специальные научные средства [5, с. 6].

Актуальность данной статьи заключается в том, что развиваясь в современной России довольно быстрыми темпами, экспериментальная археология требует четкой систематизации и обобщения уже накопленного опыта.

С конца XIX в. экспериментальная археология начинает приобретать самобытный характер, отходя от постановки небольших экспериментов и реконструкции в лаборатории на новый уровень. Первые полевые эксперименты, которые были направлены на точное воспроизведение поселений каменного и бронзового веков, проводились на берегах Боденского озера в Швейцарии. В России экспериментальная археология развивается с 30-х годов XX в. Основное внимание было сосредоточено на изучении каменного века и технологий расщепления камня, изготовления керамики, обработки кости и бивня мамонта. Не менее пристальное внимание обращено на изучение древней металлургии [6, с. 277].

В экспериментальной археологии можно выделить несколько черт, которые отражают ее отличие от других полевых методов. Так, например, материалы, которые используются в эксперименте, должны быть идентичны тем, которые ранее использовались человеком. Современная материально-техническая база археологического исследования может нарушить «чистоту» эксперимента, исказив историческую реальность древних культур. В качестве примера рассмотрим эксперимент с доисторическим плугом. При его проведении должны соблюдаться первоначальные характеристики данного орудия труда, такие как: тщательное сохранение текстуры древесины, форма режущих краев и правильное изготовление лемеха. Таким образом, проводимый в полевых условиях эксперимент проверяет на практике точность теоретических представлений об объекте исследования [1, с. 67].

Как и любая историческая наука, археология использует общеисторические методы исследования, которые рассматривают изучаемое явление в контексте определенных хронологических особенностей [10, с. 142], однако также обладает набором специальных методов. Одним из важнейших методов в экспериментальной археологии является трасология, развивать который начал С.А. Семенов. Исследователь определил, что на большинстве предметов остаются следы от инструментов, с помощью которых они изготавливались. Открытие этого метода и последующая расшифровка различных

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

следов на предметах помогала ученым экспериментально определять способы производства различных орудий, их назначение [8, с. 54].

В качестве примера трасологии можно рассмотреть находку российского археозоолога М.В. Саблина, который обнаружил на кости верблюда, найденной при раскопках вблизи Ростова-на-Дону, следы использования каменного орудия. Исследователь определил, что данное каменное орудие применяли для того, чтобы ошкурить животное, либо перебить сухожилие на правой задней ноге верблюда около 2 млн лет назад [10].

На современном этапе экспериментальная археология представлена несколькими крупными центрами, где в полной мере проводят опыты по воспроизведению жизни и быта различных древних народов. Одним из них является Музей древностей «Кара-Тобе», который был открыт первоначально как греко-скифское городище еще в начале XIX века П.Н. Шульц производил в 1934 г. исследование холма, а в 80-е годы ежегодно проводились раскопки отдельным отрядом Объединенной Крымской археологической экспедиции [2, с. 21].

С 2000 г. городище «Кара-Тобе» представляет собой музей под открытым небом и международный центр экспериментальной археологии и инновационной педагогики. В данном центре проиллюстрирована культура греческого и скифского народов. Она представлена найденными во время раскопок греческими чашами, амфорами, кубками, а также скифской керамикой и предметами быта. Главным объектом экспериментальной археологии в музее является открытая в 2002 г. Скифская усадьба. Её уникальность заключается в полном воспроизведении методов скифского строительства, которые опытным путем выявлялись со второй половины XX в. Постройка наполнена скифскими предметами, которые были обнаружены и идентифицированы среди культурных свидетельств бытования других народов, населяющих в различные периоды данную крепость. Среди предметов интерьера одним из самых уникальных является гипсовый слепок скифской чаши, который полностью повторяет внешний вид аутентичного артефакта. Также опытным путем воссозданы очаг жилья, настенные росписи, глиняная посуда [7].

Смотровая башня, в которой расположен основной музей «Кара-Тобе», ежегодно пополняется экспонатами, среди которых маркированная римская гиря, наконечники стрел, медные и серебряные монеты, одни из самых редчайших находок – гипсовые слепки златокузнецов. Весь представленный материал является лишь малой частью археологических находок на городище.

Среди памятников экспериментальной археологии необходимо отметить археологическую лабораторию на базе Челябинского государственного университета, основанную Г.Б. Здановичем в 1976 г. Последняя четверть XX века в Челябинской области отмечена многими яркими открытиями. Среди них – укрепленное поселение Аркаим, которое и на современном этапе привлекает внимание исследователей. Сейчас на базе университета продолжается подготовка кадров, как для практической, так и для теоретической работы с экспонатами, это способствует развитию экспериментальной археологии в естественной среде и на базе лаборатории университета [3, с. 64].

Научно-исследовательская работа сотрудников Заповедника «Аркаим» ориентирована на ежегодную организацию археологических и этнографических полевых изысканий. Уникальным объектом экспериментальной археологии среди множества памятников заповедника является курган «Темир». Археологи досконально воспроизвели как внутренний, так и внешний вид кургана, опираясь на найденный в Чесменском районе Челябинской области сарматский курган IV в. до нашей эры. Усыпальница кочевников представляет собой трехступенчатую насыпь, опирающуюся на деревянное перекрытие. В погребение был добавлен длинный проход, который являлся для древних сарматов необходимым для проведения обряда подзахоронения родственников умершего. Курган «Темир» – уникальный восстановленный археологический комплекс, один из масштабных памятников погребального искусства сарматов [4].

В 2012 г. в Ульяновской области на территории туристического объекта «Археопарк» в с. Новая Беденьга была проведена конференция «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век» [11]. Уче-

ные обсуждали такие темы, как теория и практика эксперимента в археологии, технологии обработки камня, история керамики, история древней цветной и черной металлургии, экспериментальная археология и музей под открытым небом. Особое внимание ученые и исследователи обращали на развитие экспериментальной археологии в России и странах СНГ, проблемы интеграции фундаментальных научных исследований в образование и общественную жизнь. По результатам конференции был опубликован сборник статей. Научные изыскания иллюстрируют процесс реализации региональных экспериментальных исследований. Так, например, мы можем полностью проследить процесс изготовления каменных орудий в период неолита в Среднем Поволжье, процесс изготовления горна на городищах Сибири, опытное изготовление деталей бронзового века на территории раскопок в Украине.

Таким образом, мы можем отметить, что, зародившись в России в начале XX в., экспериментальная археология продолжает своё развитие, аккумулируя усилия специалистов-археологов из разных регионов. Иллюстрацией результатов научно-исследовательской деятельности ученых в данной области являются различные археологические парки, музейные комплексы, на базе которых проводятся эксперименты по определению назначения найденных артефактов, технологической специфики процессов их изготовления, а также быта древних людей.

Литература

1. Брайан М. Фаган, Кристофер Р. ДеКорс. Археология. В начале. М.: Техносфера, 2007.
2. Внуков С.Ю. Раскопки городища и некрополя Кара-Тобе у г. Саки в 1998 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. 1999. № 8. С. 207–211.
3. Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: Крокус: Южно-Уральское кн. изд-во, 2007.
4. Курган «Темир» // Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arkaim-center.ru/turizm/turizm/ekskursionnye-obekty/kurgan-temir/> (дата обращения: 30.03.2019).
5. Малинова Р.А., Малина Я.А. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. М.: Мысль, 1988.
6. Мартынов А.И. Археология. 5-е изд. М.: Высш. шк., 2005.
7. Музей Кара-Тобе // [Официальный сайт музея Кара-Тобе]: сайт. URL: <http://kara-tobe.ru/> (дата обращения: 30.03.2019).
8. Семенов С.А. Первобытная техника: (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работа). М.: Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1957.
9. Смоленский Н.И. Теория и методология истории. 2-е изд. М.: Издат. центр «Академия», 2008.
10. Трасология // НаукаPRO: научно-просветительский проект. [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka-pro.ru/trasologija> (дата обращения: 30.03.2019).
11. Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век: материалы Междунар. полевой науч. конф. (с. Новая Беденьга, Ульяновский р-он Ульяновской обл., 6–12 авг. 2012 г.,) / состав. и науч. редактор С.А. Агапов. Ульяновск, 2013.

ANASTASIYA KARYAKINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

DEVELOPMENT OF EXPERIMENTAL ARCHEOLOGY IN RUSSIA (to the challenge problem)

The article deals with the analysis of the development's process of experimental archeology in Russia.

There is revealed the difference of experimental archeology from other field methods of research.

There are considered the main centers of experimental archeology in Russia.

Key words: *field methods of research, experiment in archaeology, reconstruction, centers of experimental archeology in Russia, traceology.*

УДК 94(47).084.9

А.Е. КИЙКОВА

(arina.kiykova.96@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СССР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.***

Анализируется проведение социальной политики Советского государства во второй половине 1950-х гг., направленной на преобразования повседневной жизни сельского населения. Делается акцент на рассмотрение таких важных отраслей, как здравоохранение, образование, жилищное благоустройство, социальное обеспечение, которые являются основой нормальной жизнедеятельности сельских жителей.

Ключевые слова: сельское население, социальная политика, здравоохранение, образование, жилищное благоустройство, статус «крестьянин-колхозник».

Ко второй половине 1950-х годов почти закончился восстановительный период в Советском государстве. Однако социальное положение сельского жителя все еще оставалось тяжелым. Крестьянин-колхозник был вне системы государственного обеспечения, на него не распространялись пенсионное обеспечение и льготы, выплаты ему тоже не перечислялись, в отличие от других категорий населения. Таким образом, советское руководство данного периода постепенно отказывается от всех привычных методов управления колхозами и начинает распространять систему социального обеспечения и на сельское население.

Одним из первых направлений по решению вопроса в сфере социального обеспечения сельского населения была политика в области здравоохранения. Советское руководство понимало, что военное положение страны и последовавший ему восстановительный период обнажили проблему здравоохранения, поэтому требовалось усиление охраны здоровья для граждан СССР [2, с. 213–215].

Существовали различные проблемы в области здравоохранения сельского населения, а именно отсутствие лечебных аудиторий, рентгенодиагностических кабинетов, электрокардиографических кабинетов, дефицит лекарств, дефицит больничных коек, и в целом больниц, все это, конечно же, усложняло обследование пациентов и их лечение [10, с. 56–58].

Ситуация стала изменяться только после пленума ЦК КПСС 1953 г., в котором много раз подчеркивалась необходимость приближения специализированной медицинской помощи к сельскому населению [11, с. 189]. Первым своим шагом было строительство больничных комплексов, строились они как за счет бюджета государства, так и за счет личных средств колхозного населения. Одним из нововведений был также запрет на размещение медицинских пунктов в частных квартирах, такой вид медицинского обслуживания был распространён до 1953 г. Впоследствии в 1960 г. принимается постановление «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» [5, с. 473], благодаря которому был определён оптимальный размер коечного фонда как сельских, так и городских больниц. В сельских населённых пунктах число коек в укрупнённых районных больницах составляло 100–150 и более. В городах же около 350–450 коек и более в зависимости от количества населения [Там же, с. 475].

Уже к концу 1950-х годов сельские жители постепенно начали ощущать результаты законодательных инициатив руководства СССР в области здравоохранения. Улучшение медицинского обслуживания сопровождалось модернизацией материально-технической и кадровой базы здравоохранения. Больницы практиковали удлинённый рабочий день, для того чтобы сократить очереди посетителей, также в качестве эксперимента выступала предварительная запись к врачам, осуществлялся прием по выходным.

Итогом всей проделанной работы в области медицинского обслуживания являлся тот факт, что сократилось количество жалоб как сельского, так и городского населения на органы здравоохранения, сохранились данные, которые говорят о снижении заболеваемости как обычной, так и инфекционной [10, с. 81–83].

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Следующим шагом советского руководства в решении социальных вопросов в отношении сельского населения было развитие системы образования. В 1958 г. принимается закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [9, с. 167], в соответствии с которым начиная с пятнадцатилетнего возраста подростки должны были получать образование и совмещать теорию с производительным трудом. При проектировании и проведении реформы исходили из тезиса, что школа должна готовить человека к жизни, поэтому образование не должно быть оторвано от производства [Там же, с. 169].

Ранее решения XX съезда КПСС 1956 г. дали четкие указания о направлениях политехнического обучения в школах. Под политехническим образованием понималось: обеспечение школьников знаниями и навыками об основных отраслях народного хозяйства. Поэтому разработчики данной модели образования вели многочисленные дискуссии для того, чтобы определить наиболее важные отрасли как в промышленном производстве, так и в сельском хозяйстве. На уроках больше внимания начинает уделяться естественным предметам, таким как физика, химия, биология, математика. Одновременно со всеми программами начинается материальное оснащение учебных кабинетов. В деревенских школах материальное обеспечение школы возлагалась на местные бюджеты. Местные же органы адресовали данные обязанности колхозам и предприятиям, тем самым в стране складывалась практика шефства над школами в лице колхозов и промышленных предприятий. Прежде всего данное шефство выражалось в предоставлении школам финансовой помощи [3, с. 83–87].

На 1957 г. количество учащихся в общеобразовательных школах составляло 28212 млн, из них около 10 млн в сельских школах. По данным ежегодника Росстата, к концу 1950-х годов благодаря реформе образования, в стране имелось около 200 тыс. школ с производственным образованием [4, с. 92–93].

Важным направлением социальной политики являлось решение круга вопросов, связанных с жилищным благоустройством сельского населения. В постановлении ЦК КПСС от 31 июня 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» [8, с. 332–333] отмечалось, что Советское государство добилось больших успехов в решении жилищного вопроса. Жилищный фонд был почти восстановлен и даже немного увеличен, по сравнению с довоенным. Сообщалось, что за период 1951–1957 гг. жилищное строительство широко развернулось в селах. За данный период сельской интеллигенцией и колхозниками было построено почти 5,8 млн жилых домов. Также утверждалось, что в поселках городского типа общий жилищный фонд увеличился почти в 3,8 раза. Однако все же в сельских местностях жилищное строительство отставало от потребностей, причиной чего была неудовлетворительная организация самого строительства, а также была очень слабая производственно-техническая база. Не во всех колхозах имелись строительные бригады, которые работали бы постоянно, между колхозами почти не создавалось объединённых строительных бригад, что в свою очередь также затрудняло строительство жилищных площадей. Ощущалась и нехватка строительных материалов. Строительные и промышленные организации недостаточно эффективно использовали для строительства жилья местные материалы (камыш, солома), а также промышленные отходы (котельные и металлургические шлаки, золы) [1, с. 245].

На поддержку сельского населения во второй половине 1950-х годов было направлено создание пенсионных и страховых фондов в некоторых колхозах, которые за счет своих средств оказывали помощь инвалидам и престарелым. Меньше половины колхозов оказывали помощь в 1958 г. в порядке пенсионного обеспечения, но уже в 1959 г. около 71% колхозов осуществляет пенсионное обеспечение по старости, выплачивают пособия по нетрудоспособности временной, а также выплачивались пособия по беременности и родам [7, с. 245]. Важным событием стало то, что крестьянин получал паспорт, в 1954 г. разрешили выдавать паспорта людям, живущим постоянно на селе, но работающим в городах. В 1958 г. сельские жители, отправляющиеся на сезонные работы, получили право на получение краткосрочного паспорта, который действовал на время заключения договора [1, с. 167].

Таким образом, во второй половине 1950-х годов в рамках социальной политики, проводимой советским руководством, сельскому населению уделялось серьёзное внимание, что в целом способствовало улучшению его положения.

Литература

1. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву, середина 40-х – нач. 60-х гг. М.: Наука, 1992.
2. Законодательство по здравоохранению. Т. IV. М., 1960.
3. К итогам дискуссий по вопросам политехнического обучения в средней школе // Советская педагогика. 1957. № 1. С. 83–87.
4. Котряхов Н.В. Педагогический ручной труд в русской школе // Советская педагогика. 1985. № 4. С. 123–126.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1946–1955). Т. 8. М.: Политиздат, 1985.
6. О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций. Закон СССР. Принят Верховным Советом СССР 31 марта 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 10.
7. О ежемесячном авансировании и дополнительной оплате труда в колхозах. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. // Правда. 1956. 10 марта.
8. О развитии жилищного строительства в СССР. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 31 июля 1957 г. // Собрание постановлений Правительства СССР. № 9. М.: Госполитиздат, 1957.
9. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР: Закон. Принят на сессии Верховного Совета СССР 24 декабря 1958 г. // Известия. 1958. 26 дек.
10. Петрова В.Я. Проблемы сельского быта в деятельности партийных организаций Нижнего Поволжья (1965–1975 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1988.
11. Хрущев Н.С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Доклад на пленуме ЦК КПСС 3 сентября 1953 г. М.: Госполитиздат, 1955.

ARINA KIYKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

RURAL POPULATION IN SOCIAL POLICY OF THE USSR IN THE SECOND HALF OF 1950S

The article deals with the realization of social policy of the Soviet state in the second half of 1950s, directed to the transformation of everyday life of rural population. There is emphasized the observation of such important spheres as health protection, education, housing improvement, social support that are the basis of normal human life of countrymen.

Key words: *rural population, social policy, health protection, education, housing improvement, status of peasant-collective farmer.*

УДК 94(470.45).084.8

Т.А. КОРОТКОВА

(tnkorotkova.96@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ПОМОЩЬ ГОРОДОВ И ОБЛАСТЕЙ РЕСПУБЛИК СССР
ВОССТАНАВЛИВАЕМОМУ СТАЛИНГРАДУ
И ОБЛАСТИ В 1943 Г.***

Исследуются научные труды региональных историков советского и современного периодов, где фрагментарно рассматриваются вопросы, связанные с участием союзных республик и городов СССР в восстановлении Сталинграда и области. Используются материалы региональной периодической печати за 1943 г., а также источники личного происхождения непосредственных участников описанных событий. Представлены результаты, раскрывающие разнообразные формы практической помощи республик и городов в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинградская битва, восстановительный период, шефская помощь, всенародная поддержка.

На данный момент все еще не существует комплексного исследования роли союзных республик и городов СССР в восстановлении Сталинграда и его области. Имеющиеся работы либо узконаправленные, и лишь частично затрагивают тему, либо носят достаточно поверхностный характер, а также есть работы, которые ограничены территориально, и либо совсем не затрагивают процессы, происходившие в Сталинграде, либо только в самых общих понятиях. Таким образом, задачами данной статьи являются: рассмотреть, как осуществлялась помощь республик и городов в рассматриваемый период; охарактеризовать формы практической помощи возрождаемому Сталинграду на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Региональные исследователи различных вопросов восстановительного периода указывают на колоссальный материальный и финансовый ущерб, нанесенный хозяйственному, жилищно-коммунальному и культурно-бытовому комплексам города и области – 19186,9 млн руб. [1, с. 23].

Положение осложнилось и демографическим фактором. К моменту ликвидации вражеской группировки Сталинград практически остался без населения. Из 480 тыс. населения (до войны) в нем осталось 32181 человек [Там же, с. 24].

Сразу же после освобождения города развернулась работа по его расчистке от завалов, снарядов, авиабомб, разбитой техники и мин, сбору трофейного оружия и бесхозного имущества, уборке трупов, ремонту и строительству дорог и мостов. В ней принимали участие все жители, советские солдаты, военнопленные. Кроме того, огромную помощь в восстановлении Сталинграда и области оказали государство и народы СССР.

Беспрецедентный по своим масштабам размах работ, развернувшихся в Сталинграде и области, поставил вопрос о привлечении новых источников финансирования, материально-технического обеспечения, об организации всесторонней помощи в восстановлении города и области. С этой целью в феврале 1943 г. в ЦКВКП (б) состоялось совещание секретарей обкомов партии областей и республик Поволжья, на котором обсуждались практические меры по осуществлению шефства областей и республик над районами Сталинграда и области [9, с. 266].

Огромную роль в восстановлении Сталинграда и области играли непосредственное содействие и поддержка других городов, областей, краёв, автономных и союзных республик, колхозов, комсомольских организаций, населения на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Необходимо подчеркнуть, что в большом и трудном деле восстановления разрушенного хозяйства жители Сталинграда и области чувствовали поддержку всего народа. Если в дни сражения отовсюду на Волгу шли эшелоны с надписью «Для защиты Сталинграда», то после битвы двинулись потоки грузов, на которых было написано: «Для восстановления города – героя» [3, с. 217]. Вся страна, защищавшая Сталинград, поднимала его из руин и пепла.

Так, в начале февраля 1943 г. на митингах, посвящённых победе советских войск под Сталинградом, жители Туркменской ССР выступили с инициативой помочь освобождённому городу в восстановлении разрушенного хозяйства. Так, коллектив Ашхабадского механизированного стекольного завода решил сверх плана дать 30 вагонов стекла; рабочие Ашхабадского тепловозного депо решили перечислить однодневный заработок на приобретение подарков защитникам Сталинграда, кроме того, они изготовили для железнодорожников Сталинградской области инструменты и запасные части [5, с. 445].

Сразу после окончания Сталинградской битвы работники лесной промышленности Коми АССР взяли обязательства заготовить и вывезти сверх сезонного плана древесину для восстановления разрушенного города. В феврале 1943 г. в фонд восстановления Сталинграда поступили первые 11 тыс. м² древесины [Там же, с. 200].

2 марта 1943 г. Сталинградская правда информировала читателей об оказании практической помощи ташкентских железнодорожников в восстановлении Сталинградского железнодорожного узла, а также об отправке в Сталинград 15 вагонов путевого, паравозного инструмента, различных строительных материалов, культурно-бытового инвентаря и медикаментов [6].

В Татарской АССР 11 марта 1943 г. была создана республиканская комиссия по оказанию помощи Сталинграду и области из 12 баз по сбору для сталинградцев материальных ценностей. 28 марта 1942 г. в город из Казани был отправлен первый эшелон в составе 62 вагонов со строительным материалом, оборудованием, инструментом весом 1560 т. На восстановительные работы выехало 156 квалифицированных рабочих [5, с. 253].

В письме, опубликованном в «Сталинградской правде» 29 марта 1943 г., жители Казани писали, что считают «своим патриотическим долгом принять активное участие в восстановлении Сталинграда. Наша помощь будет возрастать изо дня в день, и принимать всё более широкие размеры» [7].

Помимо материальных ценностей жителями республики было собрано 3 млн 357 тыс. 632 руб. [4, с. 393]. Республика взяла шефство над восстановлением Дзержинского района Сталинграда, Городищенского и Красноармейского районов области [5, с. 394].

28 марта 1943 г. Ашхабад направил в Сталинград эшелон из 66 вагонов, в 5 из которых было упаковано оконное стекло; в 24 – железнодорожное оборудование; вагон аптекарской посуды; 3 тыс. термосов; 5 тыс. ламповых стекол; 952 плуга и 1022 бороны, огородных семян на 200 гектаров земель; 15 вагонов ваты, 3 тыс. комплектов постельных принадлежностей; работники детских садов, текстильной, шелкомотальной и швейной фабрик, стекольного завода им. Профинтерна, Ашпищеторга собрали полный комплект оборудования для двух детских садов города; МТС выделили трактора, плуги и другую сельскохозяйственную технику [Там же, с. 411].

В марте 1943 г. коллектив студентов и преподавателей Ижевского (Коми АССР) зооветтехникума направили в фонд возрождения Сталинграда 10 тыс. рублей на восстановление учебных заведений города, а в мае 1943 г. на стройки города из республики приехали 25 работников различных специальностей [Там же, с. 200].

В марте – апреле пленумы партийных комитетов Горьковской, Кировской, Куйбышевской, Пермской, Саратовской, Челябинской и многих других областей приняли специальные решения об оказании помощи Сталинграду и области [2, с. 275]. 19 апреля 1943 г. жители Ленинграда в помощь восстанавливаемому Сталинграду направили 40 вагонов со строительными механизмами, электро-

моторами, телефонной и радиотехнической аппаратурой, который был доставлен в город спустя месяц [5, с. 259, 265]. Так, 1 мая от шефствующих областей поступило 200 вагонов грузов, а в середине июня – около 700 [3, с. 217].

В июне 1943 г. жители Удмуртской АССР направили в Сталинград 60 квалифицированных специалистов на восстановление жилищно-коммунального хозяйства города [5, с. 415].

К августу 1943 г. жители Казани направили в Сталинград различного хозяйственного оборудования и вещей на сумму 2859 тыс. рублей, деньгами – 2 млн 593 тыс. руб.; обуви – 11 тыс. 900 пар; книг – 20 тыс. экземпляров; белья и одежды – на 153 тыс. руб.; 20 тыс. шт. детских игрушек; 65 копий кинофильмов [Там же, с. 394].

Помощь в восстановлении Сталинграда и области приобрела необычайно широкий размах. Огромный объем работ, выполняемых на возрождение данного региона, стал возможен благодаря помощи народов СССР и в первую очередь жителей Москвы, Саратова, Куйбышева, Казани, Горького, Свердловска, Иркутска, Мурманска, Иваново, Камчатской области, Коми АССР, братских республик – Грузии, Азербайджана, Киргизии, Таджикистана, Белоруссии, Украины (Харькова, Киева) и многих других. Так, Москва направила в город архитекторов и строителей [4, с. 44; 5, с. 55, 182, 200].

Сталинградская правда 14 ноября 1943 г. опубликовала статью, в которой говорилось о том, что город возрождается ускоренными темпами в значительной степени благодаря всенародной поддержке и практической помощи республик и городов СССР, в Сталинграде «восстановлено 221750 м² производственных площадей, отремонтировано 2170 единиц разного оборудования, частично вошли в строй предприятия, выпускавшие продукцию для фронта и населения (заводы «Красный Октябрь», им. Сакко и Ванцетти, гидролизный, швейные фабрики им. Крупской и имени 8 Марта, кондитерская фабрика, мясомолкомбинат, холодильник, мельницы, хлебозаводы). Восстановлена деятельность 102 артелей и мастерских промкооперации инвалидов. Восстановлено и построено 337107 м² жилой площади, 10 больниц, 44 школы, восстановлен медицинский институт, 27 яслей, 68 детских садов. Вступили в строй магистрали южного и центрального водопроводов. Частично восстановлены трамвайные линии» [8].

3 декабря 1943 г. школы Кировской, Молотовской областей и города Иркутска взяли шефство над школами Сталинграда. Из Иркутска для одной из Сталинградских школ было отгружено оборудование и письменные принадлежности, а для эффективного преподавания Иркутским облОНО была выделена группа высококвалифицированных педагогов. Школы Кировской области направили в Сталинград 2 вагона учебно-методических пособий и школьного оборудования. Жители Горьковской области отправили тысячу парт и полное оборудование для средней школы [5, с. 301].

Таким образом, помощь союзных республик и городов и областей РСФСР началась практически сразу после завершения Сталинградской битвы. Значительное количество (24 области РСФСР, а также 8 республик СССР и 9 автономных республик) откликнулись на призыв оказать всестороннюю помощь возрождаемому Сталинграду. Формы практической помощи были самыми разнообразными: доставка в Сталинград и область продовольствия, предметов первой необходимости, сельскохозяйственной продукции и крупного и мелкого рогатого скота для восстановления животноводства; строительных материалов; промышленного, сельскохозяйственного, медицинского, бытового, школьного и культурного оборудования; школьных учебников, научной и художественной литературы; отправка специалистов на стройки города, а также творческих кадров на возрождение культурной сферы; перечисление значительных денежных средств, которые, в конечном итоге способствовали значительному ускорению хода восстановительных работ. Кроме того, уже через 4–5 месяцев после окончания битвы, разрушенные предприятия города, частично восстановленные, вновь стали давать продукцию фронту. Помощь, оказанная городами и народами СССР Сталинграду и области в рассматриваемый период, подготовила материально-техническую базу и для его дальнейшего развития.

Литература

1. Болотова Е.Ю., Орешкина Т.Н. Учреждения культуры Сталинградской области в 1943–1950 гг.: восстановление и развитие: моногр. Волгоград: Перемена, 2014.
2. Волгоград. Четыре века истории. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989.
3. Красавин В.С., Бородин А.М., Логинов И.М. Подвиг Сталинграда. Волгоград: Нижн-Волж. кн-во. 1975.
4. Кузьмина Э.В. Восстановление Сталинграда. 1943–1950. Волгоград: Издатель, 2002.
5. Сталинградская битва: июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия / под ред. М.М. Загорулько и др. Волгоград: Издатель, 2007.
6. Сталинградская правда: орган Сталинградского райкома, крайкома ВКП(б), райисполкома, горисполкома, крайсовпрофа и горсовпрофа. № 54. 1943. 2 марта.
7. Сталинградская правда. 1943. 29 марта. № 78.
8. Сталинградская правда. 1943. 14 нояб. № 191.
9. Чуянов А.С. На стремнине века: Записки секретаря обкома. М.: Политиздат, 1977.

TATYANA KOROTKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

ASSISTANCE OF CITIES AND REGIONS OF THE SOVIET LANDS TO RECOVERABLE STALINGRAD AND ITS REGION IN 1943

The article deals with the scientific works of regional historians of Soviet and our times where there are considered the issues connected with the participation of the union republics and cities of the USSR in the rehabilitation of Stalingrad and its region. There are used the materials of regional periodic press of 1943 and the sources of individual origin of first-hand participants of the events.

There are presented the results, revealing different forms of hands-on assistance of republics and cities in the given period.

Key words: the Great Patriotic War, the battle of Stalingrad, the period of rehabilitation, patronage assistance, national help.

УДК 902

Е.В. КУЛАЧКИНА
(kkulachkina@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ
СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ
СУХАЯ МЕЧЁТКА***

Рассматривается история изучения всемирно известного памятника археологии среднепалеолитической стоянки Сухая Мечётка, расположенной на территории г. Волгограда. Особое внимание уделяется исследованиям 1952 и 1954 гг., которые были проведены палеолитическим отрядом Сталинградской археологической экспедиции. Определена ведущая цель Нижневолжской экспедиции ИИМК РАН, проводившей исследования на памятнике в 2018 г.

Ключевые слова: стоянка «Сухая Мечётка», памятник археологии, средний палеолит Нижнего Поволжья, эпоха мустье, археология.

Археологическое наследие Волгоградской области представлено уникальными памятниками археологии, которые вызывают большой научный интерес не только у отечественных, но и зарубежных исследователей. К числу таких всемирно известных памятников археологии относят среднепалеолитическую стоянку «Сухая Мечетка», которая располагается в балке Сухая Мечетка на территории Тракторозаводского района г. Волгограда. Первоначально она носила название Сталинградской, но в настоящее время её принято называть – «Сухая Мечётка» (см. рис. 1.) [8, с. 14–15].

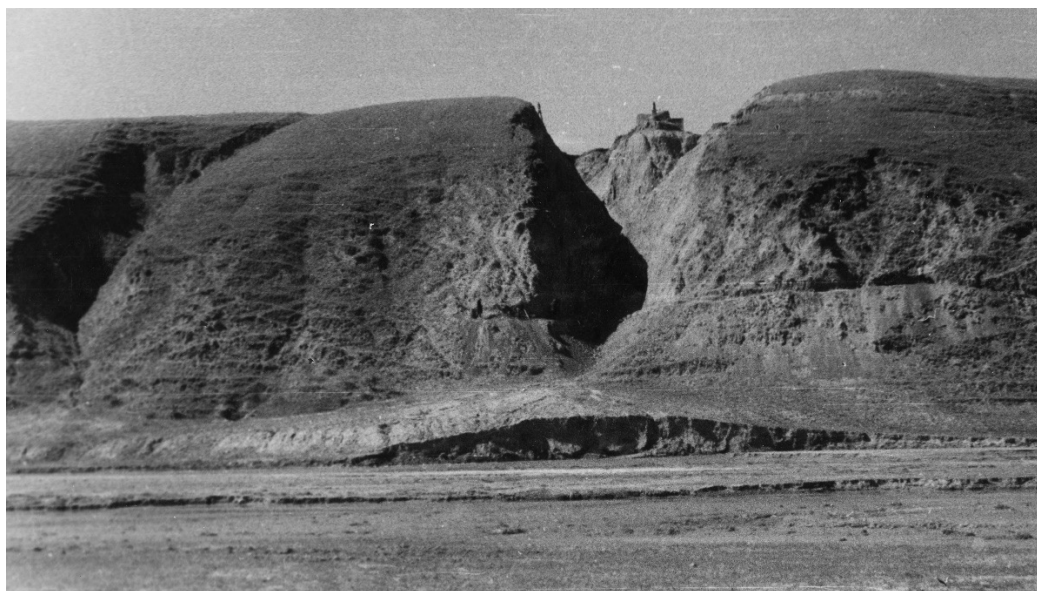

Рис. 1. Общий вид на стоянку «Сухая Мечётка»

По архивным данным первые палеолитические орудия труда и обломки костей ископаемых животных были найдены геологом М.Н. Грищенко в августе 1951 г. при осмотре балки Сухая Мечётка.

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ка. Однако в публикации С.Н. Замятина «Сталинградская стоянка» первооткрывателем поселения древнего человека был назван геолог А.И. Коптев [2, с. 76–77]. В этом же году находки были переданы С.Н. Замятину, компетентному специалисту-палеолитчику, который отнес их к мустьерской эпохе палеолита. Это заключение имело определяющее значение ввиду того, что находки этой эпохи были нехарактерны для восточноевропейского региона [8, с. 15].

Значение стоянки преимущественно возросло после её исследования, проведенного археологами С.Н. Замятиным и А.А. Формозовым по поручению Института истории материальной культуры АН СССР в 1951 г. Несмотря на тяжелые зимние условия, им удалось установить, что здесь располагается стоянка мустьерского человека в непереотложенном состоянии [5, с. 1]. Сделанное заключение относилось к стоянке Сухая Мечётка к уникальным объектам археологического наследия, поскольку большинство памятников данной эпохи находились в переотложенном состоянии, т. е. их культурный слой был поврежден воздействием природных стихий [8, с. 15].

Процесс изучения требовал незамедлительных действий по причине экстенсивных работ по строительству Волжской ГЭС, которые могли нанести непоправимый урон культурному слою стоянки [1, с. 3].

В силу выявленных обстоятельств, ученые предприняли оперативные действия по изучению тогда ещё Сталинградской стоянки. В 1952 г. был организован палеолитический отряд Сталинградской археологической экспедиции, приступивший к работе в конце апреля (см. рис. 2) [5, с. 3].

Рис. 2. Эпизод из процесса работ

Руководителем отряда был назначен С.Н. Замятин – специалист, обладающий большим багажом теоретических и практических знаний по эпохе палеолита. Необходимо подчеркнуть, что его полевые исследования во многом создали базу источников для изучения палеолита Восточной Европы.

По данным отчета за 1952 г., в состав отряда входили: руководитель отряда С.Н. Замятин; научные сотрудники, в числе которых М.З. Паничкина и А.А. Формозов; лаборанты – Д.Д. Леонов, Э.Р. Рыгдылон, В.А. Тихомирова, Л.А. Фадеев (принимавший участие в последнем месяце работ) и шофер – С.М. Корнев [Там же]. В раскопках участвовали рабочие-землекопы (ежедневно в среднем

было занято 30–35, в отдельные дни – свыше 60 человек), местные жители поселков Рынок и Спартановка, а также с началом каникул учащиеся старших классов школы, находящейся территориально в том же районе, где велись раскопки [5, с. 8].

Продвижению работ по изучению стоянки активно способствовала 11-я экспедиция Гидропроекта, в состав которой входили главный археолог В.И. Панова и старшие сотрудники – В.В. Лодочникова, А.И. Коптева и Н.П. Синякова. В силу своей специальности, они постоянно консультировали сотрудников отряда, а также предоставляли геологические инструменты [Там же, с. 4].

Уже на начальном этапе работ археологи столкнулись с рядом серьезных трудностей, которые впоследствии были решены неординарными способами, не применяемыми ранее на практике. Во-первых, культурный слой стоянки залегал под 20-метровой толщей геологических отложений, перекрывающих доступ к слою со следами деятельности древнего человека. Во-вторых, эти отложения отличались большой твердостью, что исключало изучение стоянки быстрыми темпами при использовании только ручного труда. Учитывая вышеуказанные причины, было принято решение применить механизированные средства [8, с. 15–16].

После консультации со специалистами по взрывным работам было решено взорвать верхний балласт на рыхление. Работы были проведены под пристальным наблюдением специалистов, поскольку малейшие отклонения могли повредить культурный слой стоянки. Это был первый опыт применения взрывных работ на памятнике археологии [7]. Данные работы увенчались успехом и культурный слой не был поврежден. Работы были выполнены благополучно, но они оставили после себя разрыхленный слой грунта, который мешал продолжению раскопок. Тогда возникла идея удалить мешавшую землю при помощи бульдозера (см. рис. 3). Однако получить его оказалось не так уж и просто. Бульдозер мог использоваться только в то время, когда он не был задействован на работах Мостопоезда. Спустя некоторое время он вышел из строя и был направлен на ремонтные работы, а получить другой не представлялось возможным. Эти обстоятельства диктовали существенное торможение процесса работ, но от значительного слоя рыхленной земли за достаточно сжатые сроки избавиться удалось [5, с. 8–9].

Рис. 3. Процесс работы бульдозера на стоянке Сухая Мечётка

Каменные орудия, обнаруженные на стоянке, отличались достаточно хорошей сохранностью. Это объясняется двумя причинами: во-первых, орудия труда древнего человека не подвергались ника-

кому перемещению; во-вторых, огромная толща геологических отложений перекрывала доступ к культурному слою стоянки.

Основная масса каменных орудий состояла из двух форм – скребел и ручных остроконечников наиболее распространенных типов. По количественному соотношению остроконечники преобладали над скреблами (см. рис. 4) [5, с. 35].

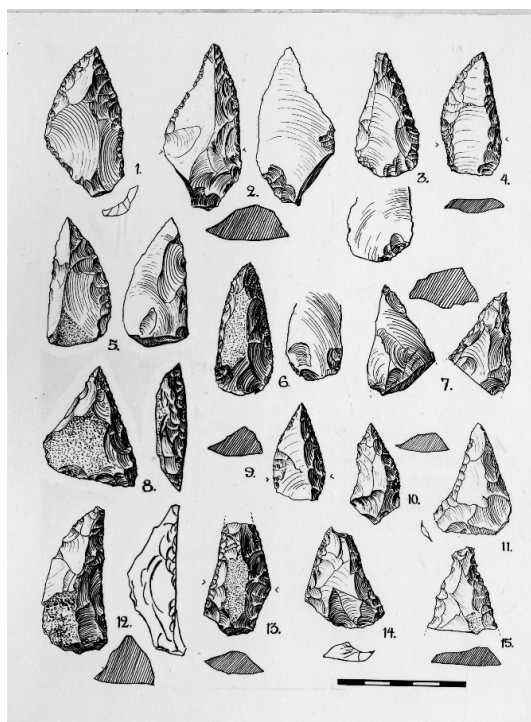

Рис. 4. «Ручные остроконечники», найденные на стоянке «Сухая Мечётка»

Найденные каменные орудия труда представляли собой группу массивных режущих инструментов, отличающихся от остроконечников рабочим концом, который находился не на средней оси, а сбоку от неё. Вероятно, они служили для энергичной работы, т. к. отмечены следы сработанности, а затем вторичной подправки рабочего конца. Как считал С.Н. Замятнин, прием подправки путем резцевого скола применялся только обитателями стоянки Сухая Мечётка [5, с. 36–37].

Отрядом было собрано большое количество отщепов, отделенных от ядрищ, но не подвергавшихся вторичной обработке, также огромное число разного вида осколков от крупных до мелких, не имеющих определенной формы, а представляющих собой отбросы при изготовлении каменных орудий [Там же, с. 32].

Коллекция, собранная на стоянке в 1954 г., не внесла каких-либо новых данных о технике первобытных обитателей Сухой Мечётки, но существенно пополнила сборы предыдущей экспедиции [6, с. 13].

В целом инвентарь каменных орудий был представлен теми же типами орудий и в том же процентном соотношении, что и инвентарь 1952 г. [6, с. 14].

Группа двусторонне-обработанных орудий была выявлена снова в относительно небольшом количестве, но на этот раз орудия были представлены превосходными крупными экземплярами листовидной формы [Там же].

Скребла имелись в меньшем числе и распадалась на две серии – с выпуклыми рабочим краем и прямым. Последняя серия была представлена несколько лучше, чем в предыдущих раскопках [6, с. 15].

При осмотре собранных каменных орудий были обнаружены примечательные находки. На двух экземплярах была выявлена патина трёх разных видов, говорящая о разновременности обработки поверхности отдельных частей орудия (см. рис. 5) [6, с. 15].

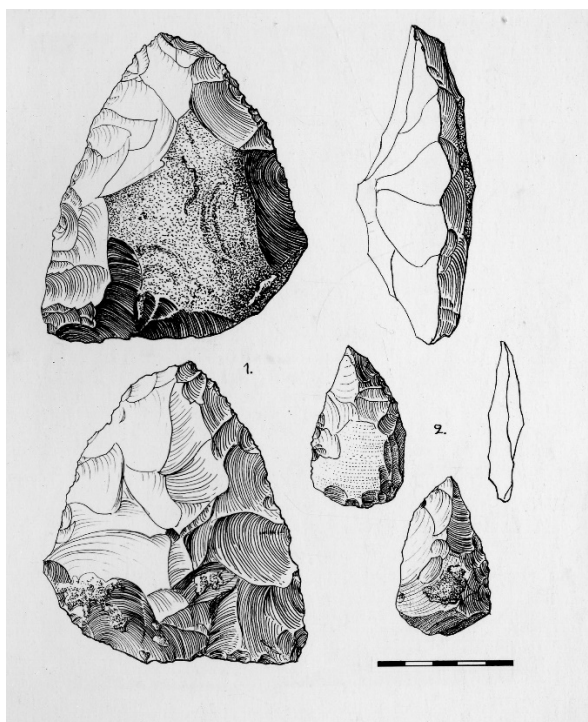

Рис. 5. Экземпляры орудий с двойной патиной, найденные на стоянке «Сухая Мечётка»

Большая часть поверхности носила тот же характер, что основная масса находок: на отдельных участках сохранилась заглаженная поверхность кремневой конкреции, имевшаяся ещё до обработки камня человеком. Сохранились также участки поверхности, на которых содержалась интенсивная серная патина с блестящей поверхностью [6, с. 15].

В отчете акцентировалось внимание на то обстоятельство, что на одном из орудий эта блестящая патина перекрывала участок поверхности, на котором ясно прослеживалась древняя обработка в виде нескольких крупных фасеток и вторичной ретуши по краю. В связи с чем, можно сделать вывод, что обитатель стоянки нашёл в окрестностях своего поселения древнее нижнепалеолитическое орудие и использовал его как сырьё для изготовления нужных ему изделий [Там же, с. 16].

Костный материал, собранный на стоянке, в отличие от каменных орудий, имел плохую сохранность [5, с. 13]. Такая тенденция была прослежена как в 1952 г., так и в 1954 г.

Количественные сборы костных остатков были относительно небольшие, видовой состав списка животных отличался скромностью. Остатки костей животных представляли собой мелкие обломки и осколки костей [Там же].

Предварительные предположения о характере фауны проводились на основе частичного просмотра материала еще во время работ профессором В.И. Громовым [5, с. 28].

За изучение костного материала, собранного на стоянке, взялся профессор Н.К. Верещагин, который проводил анализ остатков на базе Зоологического института АН СССР в Ленинграде [6, с. 12].

Основным промысловым животным являлся зубр. Следующим по многочисленности животных на стоянке была сайга, далее мамонт и самые скромные костные остатки принадлежали лошади [4, с. 11].

Добыча производилась путем коллективной облавы, которой способствовала удачная форма рельефа, дававшая возможность осуществлять охоту в окрестностях стоянки [5, с. 30].

По преобладанию в охотничьей добыче остатков бизона было выявлено сходство стоянки «Сухая Мечётка» и Ильской. Остатки промысловых животных – мамонта, лошади, сайги и благородного оленя – были также обнаружены при раскопках Ильской стоянки [6, с. 12].

Из анализа фаунистических остатков Н.К. Верещагину удалось сделать вывод, что климат и ландшафт в эпоху существования стоянки отличался от современного [Там же].

Ландшафт района был преимущественно степной, а климат засушливый и континентальный. Профессор А.А. Чигурьева и Н.Я. Хвалина изучили растительные остатки и подтвердили вывод, сделанный Н.К. Верещагиным. По мнению ученых, во время существования стоянки в её окрестностях должны были преобладать участки с безлесной и полупустынной растительностью. Лесная растительность была представлена преимущественно хвойными и распространялась по склонам балок и речным долинам. Преобладали сосна, ель, береза, в меньшей степени липа [6, с. 12–13].

Было выявлено, что древний человек, обитавший на стоянке, использовал для своих костров древесину. Это подтверждалось находками микроскопических остатков древесины с округлыми окаймленными порами, обнаруженных в образцах [4, с. 13].

В августе 2018 г. были возобновлены раскопки на стоянке «Сухая Мечётка» Нижневолжской экспедицией (НВЭ-18), которая была организована специалистами из Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

Благодаря четкому геологическому залеганию культурного слоя стоянки удалось отнести её к ресс-вюрмскому межледниковью. Этот факт позволил определить возраст стоянки в пределах 100–130 тыс. лет, но точного возраста учёные на данный момент назвать не могут из-за пробелов в изучении памятника [8, с. 24]. По этой причине в первую очередь работы направлены на определение точного возраста стоянки «Сухая Мечётка». Как полагает А.К. Очередной, сотрудник ИИМК РАН, руководитель НВЭ-18, возраст стоянки будет существенно меняться ввиду несовершенности методов научного датирования, которые были применены ранее.

В начале сентября того же года была обнаружена кость зубра. Эта находка заставила исследователей сделать следующее предположение. Возможно, памятник является не однослойным, как считалось ранее, а двухслойным, поскольку находка залегала на 1.70 м ниже слоя, который был раскопан С.Н. Замятниным [3].

Среднепалеолитическая стоянка «Сухая Мечётка» относится к числу уникальных археологических объектов, расположенных на территории Волгоградской области. Её изучение крайне необходимо для понимания полноты картины заселения региона человеком, а также специфики его проживания и трудовой деятельности.

Литература

1. Археология Нижнего Поволжья: в 4 т. Т. I. Каменный век / под общ. ред. А.С. Скрипкина. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2006.
2. Бухтоярова И.М., Килейников В.В. Фонд С.Н. Замятнина в научном архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН // История археологического собрания МАЭ. Верхний палеолит. Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН., 2014. С. 76–80. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/05/978-5-88431-267-8/> (дата обращения: 27.03.2019).
3. Возобновлены археологические раскопки стоянки каменного века в Сухой Мечетке // ГТРК «Волгоград-ТРВ». «Вести. Итоги дня» от 30 авг. 2018 г. [«Волгоград 24» – региональный телеканал]: сайт. URL: <http://volgograd24.tv/novosti/VozobnovleniarheologicheskieraskopkistoyankikamennogovekavSuhoiMechetke/#main-block> (дата обращения: 30.03.2019).
4. Малов Н.М. Археология Поволжья: учеб. пособие. Саратов, 2012.
5. Отчет Сталинградской арх. Экспедиции ИИМК АН СССР 1952 г.
6. Отчет Сталинградской арх. Экспедиции ИИМК АН СССР 1954 г.
7. Палеолитическая стоянка в балке Сухая Мечётка // Из цикла программ «Городские истории» ГТРК «Волгоград-ТРВ». от 23 мая 2012 г. [Молодёжный Археологический клуб «Легенда»]: сайт. URL: https://vk.com/video-1436561_162756822 (дата обращения: 7.04.2019).
8. Скрипкин А.С. История Волгоградского края от каменного века до Золотой Орды. Волгоград: Издатель, 2008.

EKATERINA KULACHKINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**HISTORY OF STUDYING THE ARCHEOLOGY MONUMENT
OF THE MIDDLE PALEOLITHIC SITE
OF SUKHAYA MECHETKA**

The article deals with the history of studying a worldwide renowned archeology monument of the Middle Paleolithic site of Sukhaya Mechetka, situated at the territory of Volgograd. There is paid special attention to the researches of 1952 and 1954, which were carried out by the paleolithic team of the Stalingrad archeologic expedition. There is defined the leading aim of the Lower Volga region expedition IHMC RAS, researching the monument in 2018.

Key words: *site of Sukhaya Mechetka, archeology monument, the Middle Paleolithic of the Lower Volga region, Moustier epoch, archeology.*

УДК 94(47)191

Д.И. ЛОЗИН
(dil199734587@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СТАЛИНГРАДА В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД*

*Анализируется положение инженерно-технической интеллигенции Сталинграда в восстановительный период.
Определяется суть понятий «интеллигенция» и «инженерно-техническая интеллигенция».
Выявляются условия жизни и работы, а также роль инженерно-технической интеллигенции в восстановлении Сталинграда.*

Ключевые слова: инженерно-техническая интеллигенция, восстановительный период Сталинграда, инженерно-технические работники, интеллигенция, производство.

Выявление роли представителей инженерно-технической интеллигенции в восстановлении и развитии Сталинграда в период 1943–1950 годов невозможно без выявления существенных характеристик понятия «инженерно-техническая интеллигенция».

Общее понятие «интеллигенция» является одним из самых трудноопределимых на данном этапе развития исторической науки. В зависимости от основного критерия, определяющего понятие, выделяют социально-функциональный подход, в соответствии с которым классифицируют интеллигенцию по характеру ее труда – профессионального, умственного и реализующего определенные социальные функции, и этический подход, рассматривающий интеллигенцию как духовную элиту нации, «хранительницу» и основного производителя общечеловеческих и национальных ценностей. Первый подход не позволяет четко отделить интеллигенцию от служащих, второй же затруднителен при историческом исследовании, т. к. не позволяет выделить четкие линии сравнения. Именно поэтому на современном этапе исследователи рассматривают данный вопрос в рамках комплексного междисциплинарного подхода, который выделяет в данном понятии внешний признак, основанный на социально-профессиональных свойствах определения, а также внутренний признак, имеющий основанием нравственно-этические характеристики понятия «интеллигенция». По мнению исследователя Г.А. Будник, сочетание данных признаков логично и емко отражает важнейшие черты интеллигенции [3].

В то же время, если в определении термина «интеллигенция» исследователи пришли к формальному единству, то в работах, посвященных технической интеллигенции, авторы достаточно редко дают определение данному термину. В рамках исторических работ было выявлено два достаточно четких определения данного понятия. Первое из них принадлежит историку М.В. Зелеву, который отмечает, что данная группа интеллигенции отличается от других функциональным содержанием своего труда, связанного с решением практических задач обеспечения материального производства какого-либо продукта. На основе данной характеристики М.В. Зелев дает следующее определение термина «инженерно-техническая интеллигенция» – «социальная группа, профессионально занятая квалифицированным умственным трудом по организации и эксплуатации производства, требующим высшего и среднего технического образования» [5, с. 2]. Основываясь на данном определении, Е.В. Тронина уточняет, что помимо организации и эксплуатации, важной функцией инженерно-технической интеллигенции является научно-техническая подготовка материального производства. Также Е.В. Тронина считает уместным включать в категории инженерно-технической интеллигенции практиков, т. е. лиц, выполняющих работу дипломированных специалистов на основе практического опыта и не имеющих высшего или среднего образования [11]. Учитывая острый кадровый голод и недостаток квалифицированных специалистов, имеющих специальное образование после Великой Отечественной

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

войны, и широкое распространение в связи с этим практиков на производстве, считаем включение данной категории лиц в инженерно-техническую интеллигенцию уместным.

Таким образом, можно определить инженерно-техническую интеллигенцию как социальную группу, осуществляющую организацию, эксплуатацию и научно-техническую подготовку производства. Данное определение позволяет оценить роль этой социальной группы в деле восстановления Сталинграда на завершающем этапе Великой Отечественной войны и после её окончания.

В исторической науке накоплен довольно обширный материал о различных аспектах восстановительного процесса. Большое количество исследований проведено учеными Волгоградского государственного социально-педагогического университета [1, с. 147], о чем говорилось в октябре 2018 г. в ходе работы круглого стола, посвященного 75-летию начала восстановительных работ в Сталинграде.

В работах историков создана картина Сталинграда, прошедшего войну. К началу 1943 г. город был полностью разрушен. После успешной обороны города и начала контрнаступления в Сталинграде осталось лишь 175 тыс. кв. м полуразрушенного жилья или 9,5% [4, с. 353]. В ходе артобстрелов и бомбардировки города с воздуха было уничтожено 41685 домов, в которых проживало около 500 тыс. человек. Городское хозяйство было полностью разрушено. Не сохранилось целым ни одно из 126 предприятий города, с лица земли были стерты 48 заводов города, в том числе были практически уничтожены предприятия общегосударственного значения, такие как: Сталинградский тракторный завод (СТЗ), завод «Красный Октябрь» (ЗКО), а также завод «Баррикады» [7, с. 30]. Общий ущерб, нанесенный Сталинградской области, по подсчетам исследователей, превысил 19 млрд руб. [2, с. 23].

Исходя из вышесказанного, становится понятна роль инженерно-технической интеллигенции в восстановлении и дальнейшем развитии Сталинграда. Без специальных технических знаний осуществлять руководство восстановлением города и производства, организовывать процесс выпуска материальных благ, необходимых как городу, так и всему государству, и при этом осуществлять качественное развитие технических средств практически невозможно. Однако в годы войны число высококвалифицированных специалистов значительно уменьшилось, сократился их выпуск средними и высшими учебными заведениями. Так, на 1 марта 1943 г. на заводе «Красный Октябрь» числилось 176 человек, из них рабочих – 125, инженерно-технических работников (ИТР) – 17. В июне этого же года в коллективе завода было 2218 человек. Из них рабочих – 1722 человека, ИТР – 167 человек [8, с. 38]. К 1946 г. укомплектованность предприятий Сталинграда инженерами и техниками составляла 33,5%. Более всего ИТР не хватало крупным заводам, таким как «Баррикады», «Красный Октябрь» и СТЗ. Историк Н.В. Кузнецова в своей работе отмечает, что большинство инженерно-технических должностей в данный период занимали практики, которые справлялись со своими задачами лишь при стабильных условиях производственного процесса, однако не могли решать задачи, связанные с модернизацией и качественной перестройкой производства [7, с. 127]. Позитивные сдвиги в решении кадрового пополнения предприятий ИТР произошли лишь в начале 1950 годов за счет расширения выпуска специалистов вузами и техникумами. Так, с 1948 по 1952 г. удельный вес дипломированных ИТР вырос на заводе «Баррикады» с 32% до 35%, на «Красном Октябре» – с 37% до 42%, на СТЗ – с 28% до 35%. В то же время образовательный уровень инженерно-технических работников легкой и пищевой промышленности практически не повысился [Там же, с. 128].

Условия жизни и работы инженерно-технической интеллигенции объяснялись последствиями ведения в Сталинграде военных действий. Практически полностью были разрушены как жилые, так и производственные помещения, полностью отсутствовала инфраструктура города. Однако, если восстановление производственного хозяйства Сталинграда, вследствие необходимости выпуска материальных продуктов, имеющих общегосударственное значение, велось более ускоренными темпами, то строительство жилых площадей не удовлетворяло потребности населения. Так, по данным Н.В. Кузнецовой, за 1943 – май 1945 г. было восстановлено и построено в 2 раза меньше государственных жилых площадей, чем производственных. За это же время численность населения города возросла

до 248 тыс., что соответственно вело к дефициту жилых площадей как для жителей Сталинграда в целом, так и для ИТР в частности [6].

Для рассмотрения условий жизни и работы инженерно-технической интеллигенции показателен пример Центральной заводской лаборатории (ЦЗЛ) завода «Красный октябрь». В 1943 г. ЦЗЛ была практически полностью разрушена. Прибывший из эвакуации начальник лаборатории В.А. Иванченко, а также кадровые сотрудники завода (М.П. Лапшова, Ю.И. Пономарева, И.П. Синицын, А.Н. Семенов, А.В. Головченко, В.И. Кузнецов и др.) для начала осуществления своих непосредственных обязанностей были вынуждены самостоятельно приступить к восстановлению лаборатории. Так, за короткий промежуток времени силами сотрудников ЦЗЛ была проведена очистка от завалов и мусора 314 кв. м площади подвалов и одной трети части лабораторных помещений первого этажа. После очистки от завалов работники лаборатории приступили к восстановлению стены здания. Только за один месяц сотрудники ЦЗЛ изготовили и заложили в пробоины стен 73 тыс. кирпича. Для выполнения своих непосредственных обязанностей работникам лаборатории необходимы были стеклянные изделия, которые они были вынуждены изготавливать самостоятельно из перегоревших электроламп. Инженер химик ЦЗЛ И.П. Синицын, вместе с начальником химической лаборатории Ю.И. Пономаревой, также кустарным способом для химического анализа наладили из имеющихся в наличии материалов изготовление некоторых химических реактивов [8, с. 146]. На период 1943–1944 г. сотрудники лаборатории проживали в подвальных помещениях и на лестничных клетках ЦЗЛ. Позже для них было благоустроено одно большое подвальное помещение под общежитие [9, с. 148].

За 1945–1950 гг. в жилищное и культурно-бытовое строительство Сталинграда было вложено свыше 1551 млн руб., на которые было построено 822 тыс. кв. м жилья или около половины разрушенного жилого фонда. Однако уровень решения жилищной проблемы для населения, а следственно и для инженерно-технической интеллигенции оставался достаточно низким. В исследованиях отмечается, что даже к 1951 г. лишь около 29% всей жилой площади приходилось на многоэтажные дома, 23% составлял одноэтажный ведомственный фонд, состоявший в основном из временных сборно-щитовых домов и частично (16%) из каркасно-засыпных бараков [6].

Положительной стороной послевоенного положения ИТР была система оплаты труда. В историческую литературу вошли данные, что зарплата инженерно-технических работников нижеволжского региона до 1950 г. в два раза превышала среднюю зарплату рабочих и служащих нижеволжских предприятий, что, соответственно, играло положительную роль в материальном и статусном положении инженерно-технической интеллигенции [7, с. 143].

Говоря о роли ИТР в восстановлении и развитии Сталинграда, необходимо заметить, что она проявлялась в различных сферах. Рассматривая непосредственные обязанности инженерно-технических работников можно выявить их достижения в восстановлении технического оборудования. Например, сотрудниками ЦЗЛ завода «Красный октябрь» за 1943–1944 годы были восстановлены и запущены в действие механическая лаборатория, слесарная мастерская и мастерская точной техники, ими был отремонтирован разрывной пресс «Лозенгаузен», который имел большое значение для эффективного функционирования завода. В тоже время представители лаборатории, понимая сложности, стоявшие перед жителями практически разрушенного города, старались применить свои знания для облегчения их быта. Так, осенью 1943 г. на заводе «Красный Октябрь» ощущался острый недостаток хозяйственного мыла, что грозило развитию антисанитарии. Инженер-химик И.П. Синицын, работающий в ЦЗЛ, для изготовления мыла применил сохранившиеся в одном из цехов растительные масла. Благодаря этому центральная заводская лаборатория выпускала по 40 кг мыла для обеспечения заводских рабочих [8, с. 149]. В 1945 г. сотрудниками ЦЗЛ М. Парфеновым и мастером ремонтно-строительного цеха А.Ф. Стащуком была построена стеклоплавильная печь, работавшая на мазуте. Благодаря данной печи была создана возможность изготавливать для завода стеклянную посуду и снабжать ею другие промышленные предприятия [10].

Большую роль ИТР играли в подготовке новых кадров заводов. Так, в мае 1944 г. при участии инженерно-технической интеллигенции через сеть технической подготовки было пропущено 683 человека, из них: на целевых курсах – 382 человека, групп техникума – 201 человека, групп повышения квалификации – 24, а также путем индивидуального обучения 16 человек. Также в первой половине 1944 г. был создан учебно-курсовой комбинат (УКК), который был в состоянии проводить обучение 70% всех рабочих завода. Начальником УКК был назначен опытный кадровый инженер завода П.Э. Дарманиян, заведующий учебной частью комбината – инженер Е.С. Шаров [9, с. 133].

Инженерно-техническая интеллигенция принимала активное участие в разработке новых видов машин, которые имели большое значение не только для Сталинградской области, но и для всего государства в целом. Так, в 1949 г. Сталинградский тракторный завод начал подготовку к переходу на производство нового трактора с дизельным двигателем «ДТ-54», который был мощнее, надежнее и удобнее в эксплуатации, чем его предшественник «СТЗ-НАТИ». В его создании и подготовке к выпуску участвовало большое количество ИТР. Так, по решению городского и областного комитетов ВКП(б), на СТЗ были направлены 27 лучших конструкторов с других предприятий города, на ряде заводов и в механическом институте созданы конструкторские группы для проектирования нужных механизмов. Свыше 440 конструкторов и технологов были переведены на сдельную и сверхурочную работу. В результате данных усилий уже к концу октября – началу ноября подготовка к выпуску «ДТ-54» в основном закончилась. За его создание и внедрение в производство главный инженер СТЗ В.А. Каргополов и главный конструктор А.К. Платонов были удостоены Государственной премии СССР [7, с. 68]. Значительный вклад инженерно-техническая интеллигенция внесла и в рационализацию производства. Так, в 1949 г. группа энтузиастов во главе с изобретателем И.П. Иночкиным, а также в содружестве с инженером-конструктором П.А. Бириним, запустила первую после войны автоматическую линию, позволившую в два раза увеличить производительность труда при обработке корпусов уплотнения [7, с. 69].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, инженерно-технические работники Сталинграда периода восстановления являются одними из представителей интеллигенции, т. к. обладают специальным средним или высшим образованием, или же большим практическим опытом, позволяющим им осуществлять техническую подготовку, организацию и эксплуатацию производства, а также, учитывая стремление ИТР помочь жителям города в решении бытовых и иных проблем, высокими нравственными качествами. Во-вторых, условия жизни и работы инженерно-технической интеллигенции Сталинграда мало отличались от условий других социальных слоев за исключением более высокой оплаты труда, существовавшей на период с 1943 по 1950 годы. В-третьих, говоря о роли ИТР в восстановлении и дальнейшем развитии города, можем заключить, что она проявлялась как в выполнении ими своих непосредственных полномочий, таких как ремонт технических средств, организация производства и т. д., так и в осуществлении ими на основе своих специальных знаний широкой помощи жителям города.

Литература

1. Болотова Е.Ю. Актуальные проблемы российской истории на страницах журнала «Известия ВГПУ» (обзор публикаций 2003–2012 гг.) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2012. № 11(75). С. 145–148.
2. Болотова Е.Ю., Орешкина Т.Н. Учреждения культуры Сталинградской области в 1943–1950 гг.: восстановление и развитие: моногр. Волгоград: Перемена, 2014.
3. Будник Г.А. Формирование интеллигенции в советской высшей школе 1945–1985 годов: На материалах Центрального района России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2004.
4. Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда, 1589–1967. М.: Наука, 1968.
5. Зелев М.В. Инженерно-техническая интеллигенция Среднего Поволжья в 1928–1941 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2001.
6. Кузнецова Н.В. Восстановление жилого фонда Сталинграда в 1943–1953 годах // Вестник ВолГУ. 2003. Сер. 4. Вып. 8. С. 12–19.

7. Кузнецова Н.В. Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953). Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2002.
8. Спорышков П.Н. Завод «Красный Октябрь» в годы Великой Отечественной войны. 1943 г. (рукопись, 149 с.) // Музей истории завода «Красный Октябрь». НВФ 524/4.
9. Спорышков П.Н. Завод «Красный Октябрь» в годы Великой Отечественной войны. 1944 г. (рукопись, 205 с.) // Музей истории завода «Красный Октябрь». НВФ 524/5.
10. Спорышков П.Н. Завод «Красный Октябрь» в годы Великой Отечественной войны. 1945 г. (рукопись, 93 с.) // Музей истории завода «Красный Октябрь». НВФ 524/6.
11. Тренина Е.В. К вопросу об определении термина «Инженерно-техническая интеллигенция» // Вестник Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. 2005. № 7. С. 146–155.

DMITRIY LOZIN

Volgograd State Socio-Pedagogical University

ENGINEERING AND TECHNICAL INTELLIGENTSIA OF STALINGRAD IN THE RECOVERY PERIOD

The article deals with the state of the engineering and technical intelligentsia of Stalingrad in the recovery period. There is defined the essence of the definitions “intellectual society” and “engineering and technical intelligentsia”. There are revealed the living and working conditions and the role of engineering and technical intelligentsia in the recovery of Stalingrad.

Key words: *engineering and technical intelligentsia, the recovery period of Stalingrad, engineering staff, intellectual society, manufacturing.*

УДК 93.908

Ю.М. МАЛАХОВА
(malakhovaym@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**СОСТОЯНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ ШКОЛ
ЦАРИЦЫНСКОЙ (СТАЛИНГРАДСКОЙ) ГУБЕРНИИ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ***

Исследована материально-техническая база школ Царицынской (Сталинградской) губернии в первые годы установления советской власти. Анализируются источники финансирования школьных учреждений, выявляются особенности данного процесса в Царицынской (Сталинградской) губернии.

Ключевые слова: материально-техническая база, школы, бюджет, учебные пособия, заработная плата, народное образование, финансирование.

Начало XX в. – период глобальных перемен в истории российского государства, которыми были охвачены все отрасли социальной жизни страны. Приход к власти большевиков, установление новой диктатуры привели к изменению курса государственной политики во всех сферах, в том числе и в образовании. В нашем исследовании мы рассмотрим состояние материально-технической базы школ Царицынской (Сталинградской) губернии в первые, самые сложные годы установления советской власти.

Исследуемые хронологические рамки работы были связаны с такими важными событиями, как Гражданская война, военный коммунизм, новая экономическая политика, голод в Нижнем Поволжье. Ситуация в Царицынской губернии в эти годы также характеризовалась чрезвычайно сложным положением. Голод 1921–1922 гг., который охватил губернию, отразился и на работе образовательных учреждений, сеть которых сократилась, а качество работы ухудшилось. В 1921/1922 учебном году работало всего 14% школ, заработная плата учителям не выплачивалась по пять–шесть месяцев, в школах не хватало мебели, письменных принадлежностей, учебной литературы, керосина [3, с. 67].

Данная обстановка зафиксирована и в Постановлении 5-го губернского съезда Советов по докладу Губернского отдела Народного образования о состоянии народного образования от 8 декабря 1922 г., в котором говорилось: «Работа губернского отдела народного образования проходила весьма в тяжелой обстановке экономического расстройств и плохого финансирования, в силу чего кризис народного образования достиг небывалых размеров...» [6, с. 54].

Состояние школ на 1922/1923 учебный год оставалось стабильным, но довольно тяжелым. Несмотря на то, что осенью 1922 г. была проведена специальная кампания по засеву общественных полей для школ с целью передачи дохода с засеянных участков земли на нужды народного образования, выделяемых средств на содержание школ не хватало. Хотя учебный год и начался вовремя, его плодотворной работе мешало отсутствие учебных пособий, приспособленных для учебной работы помещений и писчей бумаги. В связи с чем была проведена широкая агитационная работа, направленная на передачу содержания школ за счет средств местного бюджета.

В результате данной работы только по Царицынскому уезду 56 школ I-й ступени и 1 школа II-й ступени были переданы на финансирование местного бюджета [5, л. 13]. В конце 1922/1923 учебного года здесь было открыто значительное количество школ: насчитывалось 126 школ I ступени, в которых обучались 226 учеников и 5 школ II ступени с численностью учащихся 27 человек [9, л. 103].

Однако, партийные документы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Волгоградской области свидетельствуют о том, что данные меры не позволили в полной мере решить имевшиеся проблемы материально-технического характера. Согласно проверкам и докладным запискам о состоянии народного образования в том же Царицынском уезде, само положение школ находилось

* Работа выполнена под руководством Белицкой М.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

в плохом состоянии: здания не были отремонтированы полностью, некоторые находились в полуразрушенном состоянии и нуждались в капитальном ремонте. И это – центральный уезд, в других уездах губернии положение школ было еще сложнее. На заседании президиума Уездного комитета РКП от 8 июня 1923 г. было отмечено, что в Царицынском уезде имелась слабая материальная база для работы образовательных учреждений, которую необходимо было расширять [5, Л. 14]. Для подготовки зданий школ к новому 1923/1924 учебному году Уездный отдел Народного образования возбудил ходатайство перед Губернским отделом народного образования о ремонте школ за счет других разрушенных зданий, данному примеру последовали и другие уезды губернии.

На заседании президиума Царицынского Губернского комитета РКП обсуждались вопросы, касаемые бюджета ГубОНО. Отчисления в бюджет по-прежнему оставались незначительными, что не позволяло перекрывать долги по развитию народного образования. В связи с этим необходимо было одобрить предложенную уездными отделами Народного образования компанию по ремонту школ местными усилиями, при этом учитывать материальное состояние населения на местах.

Тяжелое положение сохранилось и в 1924 г. Губерния получила 600 млн рублей, но данной суммы было недостаточно для перекрытия расходов ГубОНО, т. к. задолженность на 1 ноября 1924 г. составляла 12 млрд рублей. Это – без расходов на ноябрь 1924 г. [11, Л. 228]. Несмотря на все финансовые трудности, благодаря предпринятым мерам, в губернии в 1924 г. работало больше 700 школ из 1050, а их материально-техническое положение улучшилось: проблемы ремонта зданий были в значительной степени решены, а на повестку дня стали выходить вопросы их оснащения [Там же]. На заседании президиума Царицынского Губкома РКП(б) Литвиненко отмечал, что необходимо было уже начинать снабжать все открытые и восстановленные школы не только денежными средствами, но материально-техническим оборудованием и учебными пособиями. Из-за чего процесс обучения пока ещё шел вяло, часто срывался из-за отсутствия учебников. Иногда наблюдались случаи расхищения и так скверного школьного имущества.

В 1925 г. наблюдался переход на плановую, более углубленную и систематическую работу во всех направлениях развития народного образования. В связи с тем, что 31 августа 1925 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О введении всеобщего начального образования», возникавшие проблемы старались устранять быстро и своевременно, но с учетом материального положения ГубОНО. На основе данного постановления Царицынский Губком народного образования приступил к разработке плана введения всеобщего начального образования [1, с. 12].

Исходя из данных доклада Бюро фракции Уездного исполнительного комитета об итогах истекшего 1925/1926 учебного года, наглядно видно, что сеть школ и материально-техническое оснащение учреждений образования заметно стабилизировалось. За этот учебный год в губернии открылось 7 договорных школ, что позволило увеличить на 8% охват детей школой [4, Л. 117]. Что касается материально-технического оснащения, то этот учебный год стал началом восстановительного периода. Во многих школах Царицынской губернии был сделан капитальный ремонт. В отличие от 1924/1925 учебного года учебниками были снабжены 80% начальной школы и 45–50% старшей [Там же]. Письменными принадлежностями были обеспечены все без исключений образовательные учреждения. Чего нельзя было наблюдать в прошлом учебном году, где письменными принадлежностями были обеспечены 15–20% школ. Также в школах не наблюдалось, как и в прошлые годы, перерывов на каникулы в зимнее время из-за отсутствия топлива. Что касается продолжительности учебного года, то здесь – «ряд мероприятий организационного и административно-хозяйственного порядка позволил довести длительность учебного года в сельской школе до 140 дней, а в городской до 150 дней. <...> Программы школ в среднем пройдены на 70–75%» [4, Л. 117]. Большую помощь в ремонте, оборудовании и удовлетворении хозяйственных нужд школ оказывали местные жители. Была произведена реорганизация школ II-й ступени путем профессионализации вторых концентров. Внедрялись строгий контроль и плановость в финансировании и распределении средств, направленных на развитие школьной сети.

Несмотря на трудности, связанные с сокращением бюджета ГубОНО и трудным материальным положением, в 1926 г. в сфере народного образования в целом по губернии были достигнуты существенные результаты, связанные с организацией руководства сетью школ, их количественным ростом и качественным повышением учебной работы [8, Л. 23].

Перед началом нового учебного года, а именно 21 августа 1926 г. состоялось заседание Бюро Сталинградского комитета ВКП(б), на котором были выявлены следующие недостатки в деле народного образования: «недостаточный процент охвата детей школой, слабая квалификация значительной части работников просвещения, частая смена работников управленческих аппаратов политпросветучреждений, слабая инвентаризация учреждений, совершенно неудовлетворительное состояние школьных зданий и малая емкость их, слабая реализация бюджетных ассигнаций, особенно на учебно-хозяйственные нужды» [10, Л. 115].

В ходе данного заседания местные власти постановили, что для улучшения дела народного образования необходимо было: расширить существовавшую сеть учреждений в строгом соответствии с перспективными планами введения всеобщего начального обучения, ликвидации неграмотности среди населения и развитием хозяйства губернии. На 1926/1927 учебный год из средств местного бюджета предполагалось выделить не меньше в процентном соотношении, чем на прошлый учебный год. Фракции Губернского исполнительного комитета предлагалось проработать вопрос о школьном строительстве, создать фонд на эти нужды путем выделения средств из местного бюджета и получения долгосрочной ссуды из банка [Там же].

Таким образом, проанализировав процесс развития сети школ на территории Царицынской (Сталинградской) губернии в первые годы советской власти, мы пришли к следующим выводам: материально-техническая база школьных учреждений в начале 1920-х годов находилась в довольно тяжелом положении, многие здания школ были разрушены в ходе Гражданской войны, средств на их восстановление не было, кроме того у Губернского отдела Народного образования были огромные долги, которые он был не в силах погасить; первая положительная тенденция в сфере народного образования отмечалась к концу 1923/1924 учебного года, свидетельствовавшая о начале поиска путей выхода из кризисной ситуации, помощь была найдена в сельской местности, где были увеличены отчисления от самообложения; ситуация начала выравниваться только к концу 1925 – началу 1926 г., после принятия постановления о всеобщем начальном образовании. Однако, в целом по Царицынской (Сталинградской) губернии в исследуемый период состояние материально-технической базы школ оставалось затруднительным.

Литература

1. Ашенова Т. М. Формирование системы законодательства об образовании в советской России в 1917–1930 гг. // дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.
2. Белицкая Е.В. Становление и развитие сети высших профессиональных учебных заведений в Нижневолжском крае в 1930-е годы. // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2012. № 3(67). С. 28–32.
3. Болотов Н.А., Белицкая М.А. Особенности развития вузов педагогического профиля в Нижнем Поволжье в 1930-е гг. // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2018. № 7(130). С. 183–188.
4. Доклад Бюро фракции УИК об итогах 1925–1926 учебного года // ЦДНОВО. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 52. Л. 117.
5. Доклад о Народном образовании тов. Балабанова // ЦДНОВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 13–15.
6. Культурное строительство в Волгоградской области, 1917–1941 гг.: сб. документов и материалов. Волгоград: Ниж-Волж. кн. изд-во, 1980. Т. 1. С. 40.
7. Мельникова В.В. Народное образование края в XIX – первой четверти XX в. 2-е изд. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2005. С. 163.
8. Протокол № 11 заседания коллегии агитпропа Сталинградского губернского комитета ВКП(б). Доклад о работе ГубОНО т. Козырева. // ЦДНОВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 156. Л. 23.
9. Протокол № 12 заседания президиума Укома РКП от 8.06.1923 г. Царицын. Доклад УОНО. Докладчик Балабанов // ЦДНОВО. Ф. 2. Оп. 1. Ед.хр. 30. Л. 103.
10. Протокол № 40 заседания Бюро Сталинградского Комитета ВКП(б) от 21.08. 1926 // ЦДНОВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 115.
11. Протокол № 89 заседания президиума Царицынского Губкома РКП(б) 31.10.1924 г. Доклад тов. Литвиненко // ЦДНОВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 228.

YULIA MALAKHOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**CONDITION OF MATERIAL AND TECHNICAL BASIS OF THE SCHOOLS
OF THE TSARITSYN (STALINGRAD) PROVINCE IN THE FIRST
YEARS OF THE SOVIET SYSTEM**

The article deals with the research of the material and technical basis of the schools of the Tsaritsyn (Stalingrad) province in the first years of the Soviet system. There are analyzed the sources of funding the educational institutions. There are revealed the peculiarities of the process in the Tsaritsyn (Stalingrad) province.

Key words: *material and technical basis, schools, budget, teaching guide, salary, public education, funding.*

УДК 93

В.С. МОРОЗОВА

(vika.morozova94@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАК НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ*

Рассматривается понятие персональной истории. На основе теоретического анализа литературы по данной теме приводятся примеры источников, выделяются особенности, а также анализируется современное развитие такого исторического направления как персональная история.

Ключевые слова: *персональная история, исторический источник, историческая биография, мемуары, воспоминания, Сталинградская битва.*

Персональная история – это направление исторической науки, предметом исследования которой является история жизни человека во всей ее уникальности [4].

Так, главной задачей историка, который занимается изучением персональной истории, является не описание, не просто передача мыслей автора источника, а глубокое понимание их смысла. Для этого необходим подробный анализ содержания и условий их формирования. В этом случае особую значимость имеют источники личного происхождения, а именно воспоминания, мемуары, дневники, язык которых рассматривается как способ самовыражения человека.

Историк Ю.Л. Бессмертный отмечает, что главное место занимает определенный, конкретный человек, его индивидуальное поведение, его собственный выбор, и исследуется данная проблема ради понимания человеческой уникальности в контексте времени [1].

По мнению историка Л.Н. Пушкарёва, источник является частью исторической действительности, источник содержит в себе информацию о реально существовавшем прошлом, а также дает исследователям возможность познать это прошлое [6].

На наш взгляд, ценность воспоминаний человека для исторической науки определяется их способностью отразить личное отношение автора к событиям, в которых он участвовал, а их субъективность делает данный вид источников особенным и очень важным.

Следует отметить, что без любого исторического источника, независимо от его вида – история невозможна. Также невозможно создать собственный образ прошлого без информации, полученной в результате аналитической работы с источником, и это как раз будет являться задачей историка.

Персональная история использует в качестве источников самые разные материалы, содержащие как прямые высказывания личного характера (письма, дневники, мемуары, автобиографии), так и косвенные свидетельства, фиксирующие взгляд со стороны. Обратимся в качестве примера к такому виду источника как военные воспоминания. Примерами произведений персональной истории являются воспоминания, авторы которых рассказывают о своей жизни [Там же].

Например, в контексте изучения истории Сталинградской битвы, можно упомянуть такие источники, как воспоминания рабочих, записи которых хранятся в Центре документации новейшей истории Волгоградской области, например, воспоминания комиссара рабочего батальона Краснооктябрьского района Сталинграда Рожкова [5]. Автор пишет об истории судеб рабочих «Красного октября», которые стояли на защите своего любимого города и родного завода. Также, в пример можно привести воспоминания представителей различных партийно-государственных органов власти, например, секретаря Краснооктябрьского РК ВКП(б) Сталинграда Кашенцева, который пишет о краснооктябрьцах, о людях, которые обороняли город в такое непростое для него время. Отметим также воспоминания, которые относятся к более узким направлениям, например воспоминания начальника 4-го отде-

* Работа выполнена под руководством Болотова Н.А., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ления Краснооктябрьского РОВД Сталинграда Левина о работе милиции в дни обороны Сталинграда. Во всех источниках центральной фигурой изучения выступает человек, существовавший в определенных исторических условиях [5].

Данный аспект был рассмотрен также многими авторами, например, в статье Н.А. Болотова и В.Н. Попова «Вклад СССР в завершение Второй мировой войны: разгром Квантунской армии», авторы исследуют роль главнокомандующего войсками Дальневосточного стратегического направления А.М. Василевского в разгроме Квантунской армии [2].

Следует отметить учебно-методическое пособие для проведения уроков Победы, посвященных подвигу Героя Советского Союза Алексея Петровича Маресьева, под редакцией Н.А. Болотова, в который включены и обобщены архивные документы, материалы музейных фондов и личных архивов, которые связаны с жизнью советского летчика Великой Отечественной войны. Данное пособие рассказывает об основных страницах биографии летчика, о становлении его личности [3].

Необходимо также выделить учебно-методическое пособие, в котором содержатся материалы для проведения уроков Победы, посвященных Сталинградской битве, в частности, авторы уделяют особое внимание роли военачальников, а именно А.М. Василевского, Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского [8].

Яков Федотович Павлов – один из самых известных героев Сталинградской битвы, командуя группой бойцов, организовал оборону жилого дома в центре Сталинграда, этот дом вошел в историю как дом Павлова. Этот подвиг навсегда останется в памяти каждого. К 100-летию со дня рождения Я.Ф. Павлова был выпущен сборник, в котором содержатся статьи и исследования, связанные с историей Сталинградской битвы и личностью Героя Советского Союза [7].

Проблема персональной истории также была освящена в статье В.С. Морозовой «Источники личного происхождения о военной истории (на примере Сталинградской битвы)». В ней автор отмечает, что военные воспоминания особо интересны, т. к. их авторы являлись участниками событий предвоенного и военного периодов, и в значительной степени сами оказывали влияние на их ход. Также в воспоминаниях исследователь может найти информацию о ходе планирования, подготовке и осуществления крупнейших операций войны. Автор отмечает, что к военным мемуарам относятся не только воспоминания военачальников и солдат, а также письма и воспоминания рабочих, которые трудились в такое непростое время. В своих работах автор также отмечает, что в настоящее время актуальность приобретает вопрос сохранения исторической памяти о событиях Сталинградской битвы, предотвращении фальсификаций в ходе её изучения, т. к. в них содержится фактический материал, а также оценки авторов, очень ценные для исследователей Сталинградской битвы [5].

У авторов военных воспоминаний важной частью жизни выступает их военное прошлое, но, как правило, такого типа мемуары начинаются с повествования о том, что происходило с автором до войны. Через военные мемуары создается история «повседневной жизни» военачальников, а изложение ведется от первого лица, где сам автор находится в центре повествования, и историк таким образом «проживает» жизнь автора воспоминаниями.

Л.П. Репина, изучая персональную историю, особое место уделяет типологии исторических биографий. Так, первый тип назван «модальная биография», в котором биографии используются как статистические сведения в рамках социологии, социальной антропологии. Второй тип – «контекстуальная биография», где главным аспектом выступает атмосфера и исторические события конкретной общественной эпохи, в которой реализует себя личность. Третий тип характеризует жизнь личности на грани нормы или нарушения распространённых форм поведения. Последний четвёртый тип биографического жанра назван «герменевтическим», который ориентирует исследователя на понимание жизни личности, особенностей черт характера, мотивов поведения, намерений и замыслов, степени их реализации [6].

Рассмотрим некоторые ограничения, свойственные в настоящее время персональной истории. Первое ограничение заключается в том, что современный человек, увлеченный общением в социальных сетях и жизнью в виртуальном мире, теряет желание фиксировать и передавать свои мыс-

ли в письменной форме. Второе ограничение заключается в том, что в настоящее время произведения персональной истории, как правило, создаются в литературной форме, а главные герои выступают как обычный силуэт в контексте большой эпохи [6]. Самое главное – видеть и слышать человека, ведь что может быть ценнее для потомков и близких людей, чем голос живого предка или близкого человека, видеть его жизнь, слушать о его жизни. Таким образом, мы приходим к выводу, что персональная история каждого человека должна представлять собой видео-историю жизни человека и иметь форму видеоизображений, которые можно наблюдать на экране со звуковым сопровождением.

Третье ограничение – недостаточное количество историков для создания персональной истории каждого человека. Путь преодоления третьего ограничения видится в превращении каждого человека в историка, создающего персональную историю близкого ему человека, который обладает наиболее сильными мотивами к созданию истории, имеет доступ к архивным документам героя истории [Там же].

Среди особенностей персональной истории следует выделить следующие:

- предметом исследования в персональной истории является «история одной жизни», иными словами сам человек (автор);
- задача исследователя – глубокое понимание смысла мыслей автора;
- персональная история использует в качестве источников как письма, дневники, мемуары, автобиографии, так и косвенные свидетельства, фиксирующие взгляд со стороны на жизнь того или иного человека;
- в настоящее время такое направление как персональная история имеет ряд ограничений.

Подводя итог, отметим, что произведение персональной истории может стать полноценным и надежным свидетельством пребывания человека на Земле. Цель персональной истории – это достижение исторического бессмертия каждого человека путем создания и сохранения истории его жизни.

Литература

1. Бессмертный Ю.Л. Метод // Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т: Рос. акад. наук, 2000. С. 23.
2. Болотов Н.А., Попов В.Н. Вклад СССР в завершение Второй мировой войны: разгром Квантунской армии // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та, 2015. № 3(98). С. 252–258.
3. Жизнь как подвиг: учебно-методическое пособие для проведения уроков Победы, посвященных подвигу Героя Советского Союза Алексея Петровича Маресьева с приложением на электронном носителе / под. ред. Н.А. Болотова и др. 2-е изд. Волгоград: Волгоградская гос. акад. последипломного образования, 2016.
4. Кцоева С.Г. Персональная история как метод исследования научных взглядов Карла Ясперса // Альманах современной науки и образования. 2012. № 3. С. 74–77.
5. Морозова В.С. Источники личного происхождения о военной истории (на примере Сталинградской битвы) // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2017. № 6(17). С. 22–24. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1512922647.pdf> (дата обращения: 15.04.2019).
6. Репина Л.П. Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999. Т. 2. С. 7–13.
7. Уроки памяти. К 75-летию Сталинградской битвы. М.: Дрофа, 2018.
8. Уроки Победы. Сталинградская битва: учебно-метод. разработки / авт.-сост. Н.А. Болотов. 2-е изд. М.: Просвещение, 2016.

VICTORIA MOROZOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

PECULIARITIES OF PERSONAL HISTORY AS THE DIRECTION OF THE HISTORICAL STUDIES

The article deals with the notion of personal history. There are given the examples of the sources, revealed the peculiarities and analyzed the current development of such historical direction as personal history based on the theoretical analysis of the literature concerning the theme.

Key words: *personal history, historical source, historical biography, memoirs, recollections, the Stalingrad battle.*

УДК 94(47+57)»1917/1991»

Н.В. НЕКЛЮДОВ
(neklyudov010@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**АТАМАНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА КАЛЕДИНА
(18 июня 1917 – 29 января 1918 гг.)***

*Рассматривается деятельность первого Выборного атамана (с момента восстановления традиции в 1917 г.)
Войска Донского – Алексея Максимовича Каледина. Определяются основные черты политики атамана.
Выявляются изменения Войскового Правительства в указанный период.*

Ключевые слова: *А.М. Каледин, Выборный атаман, Войсковое Правительство,
Большой Войсковой Круг, Войско Донское.*

В апреле 1917 г. начал свою работу первый Донской казачий съезд. Перед этим съездом были намечены две основные задачи: выработать основные начала нового устройства Дона; ограничить власть установившегося в ходе революции Донского исполнительного комитета. Единогласно на съезде провозгласили необходимость восстановления старинных институтов: Войскового круга и должности Выборного Войскового Атамана.

В мае в Новочеркасске началась компания Круга по поиску подходящих кандидатур на пост Выборного Атамана Войска Донского (первого с момента восстановления традиции, прерванной царем Петром I).

В это время в Новочеркасск прибыл А.М. Каледин, уволенный из армии за «непонимание духа времени» [6]. Председатель президиума М.П. Богаевский на одном из заседаний предложил кандидатуру А.М. Каледина, заявив, что «это тот человек, вокруг которого объединится Дон» [Там же]. Однако сам А.М. Каледин некоторое время не принимал этого предложения, понимая всю сложность сложившейся обстановки. На выборах 18 июня 1917 г. из 700 голосов свыше 600 получил именно он [4].

Через два месяца после избрания А.М. Каледин отправился в Москву на совещание в составе делегации, представляющей интересы всех казачьих войск России. Государственное совещание было созвано Временным Правительством 13–15 августа 1917 г. Целью совещания было выяснение настроений в стране. «Сильное впечатление» [6] на всех присутствующих произвело выступление А.М. Каледина, который зачитал Декларацию [3] от имени всего казачества, всех двенадцати казачьих войск.

Политическую программу атамана А.М. Каледина, М.П. Богаевского и Войскового Правительства в отношении казачества и населения Донской Области можно охарактеризовать в следующих общих чертах: 1. Идея объединения всего казачества, всех двенадцати Казачьих Войск. В отдельных Войсках восстанавливались Войсковые Круги и Рада, выборные Войсковые Атаманы. В Петрограде – Совет Союза всех Казачьих Войск. 2. Неприкосновенность Войсковых и юртовых казачьих земель. 3. Отчуждение, за вознаграждение, частновладельческих земель в пользу коренного неказачьего населения. 4. Введение Земства. Местное самоуправление на равных правах казачьего и неказачьего населения. 5. Казачьи Войска – неразрывная часть Российского государства, единой свободной демократической страны с широким развитием местного автономного права. Форма правления должна быть установлена новым Учредительным Собранием. 6. Поддержка казаками Временного Правительства, которое должно созвать Всероссийское Учредительное Собрание, решениям которого должны все подчиниться. 7. Верность Союзникам в войне [6].

Таким образом, А.М. Каледин был убежденным сторонником народоправства, он полагал, что «управление областью, опираясь только на одну часть населения невозможно» [Там же] (необходимо сказать, что донское крестьянство составляло практически половину всего населения Донс-

* Работа выполнена под руководством О.Н. Савицкой, кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

кой области), а потому «необходимо привлечь к управлению представителей всего населения» [6]. Это, в свою очередь, указывает на то, что управление Донской областью строилось на демократических началах.

Донское правительство в эпоху атаманства А.М. Каледина несколько раз подвергалось изменениям. На I Большом Донском казачьем круге, который состоялся в Новочеркасске 26 мая – 18 июня 1917 г., было принято решение о создании Войскового Правительства [2] – высшего исполнительного органа на территории Войска Донского. Председателем Правительства назначили атамана Каледина, заместителем Председателя Богаевского. Членами Войскового Правительства были старшины войска, избранные по 2 представителя от каждого округа и представленные Кругу.

По приезду в Новочеркасск с Московского Государственного Совещания А.М. Каледин выехал с 18–25 августа 1917 г. в северные округа Донской области, т. к. оттуда приходили тревожные сообщения о недороде урожая, развитии тайного винокурения, а также чтобы провести беседу с казаками по поводу предстоящих выборов в Учредительное собрание. 25 августа 1917 г. адъютант доставил А.М. Каледину телеграмму, составленную А.Ф. Керенским, в которой тот требовал немедленно арестовать атамана Каледина и доставить его в Москву [6]. А.М. Каледин вынужден был прервать поездку по северу Дона и срочно выехать в Новочеркасск.

5 сентября 1917 г. в Новочеркасске открылась чрезвычайная сессия II Большого Войскового Круга, на которой обсуждался вопрос о «мятеже» А.М. Каледина. Атаман сообщил Кругу, что не знал о выступлении Л.Г. Корнилова [Там же]. Большой Войсковой Круг реабилитировал своего атамана, и 10 сентября 1917 г. выслал резолюцию Временному Правительству об отказе в выдаче А.М. Каледина в Москву.

Стоит отметить, что большинство фронтового и станичного казачества не поддержало выступление Л.Г. Корнилова. Тем самым выражая поддержку Временному Правительству и существующему революционно-демократическому порядку. Лидеры Войска Донского во главе с А.М. Калединым хотя и разделяли праворадикальные идеи Л.Г. Корнилова, учли мнение основной массы казачества и приняли их политический выбор.

В октябре после захвата большевиками власти в Петрограде, А.М. Каледин созывает экстренное заседание Войскового Правительства. Правительство не признав власти большевиков, объявляет, что до восстановления законной власти в России «Войсковое Правительство принимает на себя всю полноту исполнительной государственной власти в Донской области» [1].

В декабре 1917 г. А.М. Каледин говорил, что не признав власти комиссаров, Правительство вынуждено было создать государственную власть на территории Войска Донского, к чему, по его словам, донское казачество раньше не стремилось, «желая лишь широкой автономии» [6], а не отделения от России.

В декабре, после установления советской власти в Ростове и Таганроге, А.М. Каледин и М.П. Богаевский созывают Войсковой Круг для необходимости перестройки Войскового Правительства. Вместо 14 старшин, избираемых округами, создается небольшое правительство из 7 человек, избранных самим Кругом. Первое правительство подает в отставку.

В декабре 1917 г. было создано и Донское Областное Коалиционное Правительство. Оно должно было ведать делами Донского Края, касающимися всего населения Донской Области. Войсковое Правительство при этой системе должно было решать чисто казачьи дела [Там же]. Объединенное Правительство действовало с 5 января до 29 января 1918 г., когда было распущено А.М. Калединым, а власть его была передана Городской Думе, Новочеркасскому станичному правлению и военному комитету.

Интересно проследить взаимоотношения атамана А.М. Каледина и генерала М.В. Алексева, прибывшего на Дон, чтобы сформировать Добровольческую Армию. Объявив в октябре 1917 г. Дон независимым от советской власти, атаман А.М. Каледин и Войсковое Правительство получили от Государственного Банка 30000000 рублей на нужды борьбы с большевиками [Там же]. Половину этих общегосударственных сумм (15000000 рублей) А.М. Каледин и Войсковое Правительство переда-

ли Добровольческой Армии, зарождающейся на Дону [6]. Все прибывшие на Дон военные чины считались беженцами, бежавшими от большевиков, и как таковые, размещались в особых общежитиях. Атаман также предоставлял добровольцам оружие и амуницию.

Отношение местного населения к добровольцам было неоднозначным. 30 декабря 1917 г. Донской Областной Крестьянский съезд, состоящий из крестьян, иногородних, городских, потребовал разоружения и роспуска Добровольческой Армии, но атаману А.М. Каледину и его помощнику М.П. Богаевскому удалось настоять на пересмотре решения. После собеседования Областной Крестьянский съезд отменил постановление и заключил компромиссное соглашение: оставить Добровольческую Армию неприкосновенной в целях защиты Донской Области от большевиков и для борьбы за Учредительное Собрание, при этом армия должна находиться под контролем Объединенного Правительства, и в случае зарождения контр-революционных элементов их необходимо было изгнать за пределы Области.

26 ноября 1917 г. в Ростове-на-Дону произошло выступление большевиков (прибывших черноморских матросов), которые захватили в городе власть и объявили Донскому правительству ультиматум с требованием признать советскую власть [Там же].

2 декабря 1917 г. атаман А.М. Каледин подавил восстание и взял Ростов-на-Дону частями, верными Донскому правительству, а также при помощи небольшого отряда Добровольцев Алексева [Там же]. Городскому населению А.М. Каледин говорил: «Мне не нужно устраивать оаций. Я не герой и мой приход не праздник. Была пролита кровь и радоваться нечему. Мне тяжело. Я исполняю свой гражданский долг...» [Там же, с. 51].

С каждым днем обстановка на Дону ухудшалась. Нажим большевиков усиливался, силы же Донского правительства постепенно уменьшались, поскольку казачьи части все чаще поддавались большевистской пропаганде и отказывались воевать. На защиту Дона, как правило, вставала молодежь, в лице юнкеров, кадетов и гимназистов [6].

28 января 1918 г. Войсковой Атаман А.М. Каледин обратился с последним воззванием к донским казакам. Атаман предупреждал казаков о надвигающихся войсках большевиков через Таганрог на Дон, призывал встать на защиту края и отправиться в отряды казаков-добровольцев [5]. Ответной реакции от казачьего большинства атаман не получил.

29 января 1918 г. А.М. Каледин пригласил всех членов Правительства во дворец на экстренное заседание, описал сложившуюся в Донской Области обстановку, прочитал телеграмму Л.Г. Корнилова об уходе Добровольческой Армии на Кубань, а также заявил о снятии с себя атаманских полномочий [Там же]. Правительство сняло с себя все полномочия вслед за Атаманом и передало по его предложению свою власть городскому самоуправлению, Новочеркасскому Городскому Правлению и Военному Комитету. В этот же день в два часа дня А.М. Каледин застрелился.

Интерпретировать последний поступок А.М. Каледина следует как сигнал тревоги, гневный упрек казачеству, попытку отрезвить родных казаков и вернуть их на путь борьбы с большевизмом. Возможно, это был акт бессилия перед невозможностью изменить ситуацию и одновременно не предавать своих убеждений.

А.М. Каледин не принял власть большевиков, считал её незаконной, а потому передал донскому правительству всю полноту государственной исполнительной власти. Для борьбы с большевиками он дал укрытие на Дону зарождающимся антибольшевистским силам, вошел вместе с Л.Г. Корниловым и М.В. Алексеевым в Триумвират.

Мы полагаем, что А.М. Каледин был одной из крупнейших фигур на политической арене России в июне 1917 – январе 1918 г. Как политик А.М. Каледин предлагал конкретную праворадикальную политическую программу по дальнейшей нормализации общественно-политической жизни в стране, которую представил на Государственном совещании в августе 1917 г. Однако сам Алексей Максимович Каледин не видел себя в роли всероссийского политика, все силы он направлял на исполнение обязанностей Выборного атамана Войска Донского. Так, особенно болезненным для него стало то, что основная масса донского населения не разделяла его идей по дальнейшему устройству Области Войска Донского, что послужило поводом для принятия решения об уходе из жизни.

Литература

1. Борохова И.М., Буханова Л.И., Перелыгина В.Л. [и др.] Борьба за власть Советов на Дону 1917–1920 гг.: сб. документов. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1957. С. 145.
2. Брызгалова И.Г. Разработка земского самоуправления в казачьих районах Дона, Кубани и Терека после февраля 1917 г. // Проблемы казачьего возрождения: сб. науч. ст. / отв.ред. А.И. Козлов. Ростов н/Д, 1996. Ч. 2. С. 54.
3. Государственное совещание: 1917 г. в документах и материалах. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 73.
4. Донская летопись: сб. материалов по новейшей истории Дон. казачества со времени Рус. революции 1917 г. Белград: Изд-во Дон. ист. комис., 1923. С. 20.
5. Кручинин А.С., Кузнецов Н.А., Трамбицкий Ю.А. [и др.] Белое движение: в 2 т. М.: АСТ, 2017. Т. 1.
6. Мельников Н.М. А.М. Каледин – герой Луцкого прорыва и донской атаман. Мадрид: Родимый край, 1968.

NIKITA NEKLYUDOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

ATAMAN'S WORK OF ALEXEY KALEDIN (June 18 1917 – January 29 1918)

The article deals with the work of the first elected ataman (from the moment of the tradition's renewal in 1917) of the Don Cossack Host – Alexey Kaledin. There are defined the basic features of the ataman's policy. There are revealed the changing of the Army Government in this period.

Key words: *Alexey Kaledin, elected ataman, the Army Government, the Big Cossack assembly, the Don Cossack Host.*

УДК 908

С. И. НОСКОВ

(assrussich@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**«... ПОНИЖЕ ГОРОДА САРАТОВА И ПОВЫШЕ ГОРОДА ЦАРИЦЫНА...»*:
К ИСТОРИИ ГОРОДА КАМЫШИНА****

Рассматривается ранняя история крепости Камышенка (сейчас г. Камышин): причина её постройки, стратегическое значение в регионе и её захват крепости казаками С. Разина. На основании анализа источников выдвигается гипотеза о контроле донскими казаками Камышинского волока в период 1670–1697 гг.

Ключевые слова: *стрельцы-годовальщики, Степан Разин, «воровские» казаки, крепость Камышенка, волок.*

Сложные отношения Российского государства с донским казачеством имели различные грани на всем протяжении процесса огосударствления последнего. Река Волга являлась тем рубежом, где на протяжении периода последней трети XVI – начала XVIII вв. пересекались их интересы. Если в середине XVI в. русское правительство активно использует помощь казачества, то уже к 70-м гг. XVI в. резко изменяет свою политику.

Для военной колонизации новоприсоединенных поволжских территорий Московским правительством с 1555 г. использовались разъездные станицы и сезонные «острожки», комплектовавшиеся казаками и стрельцами [1, с. 5]. Особенностью военной колонизации Нижнего Поволжья являлась необходимость контроля русла Волги для безопасного движения по ней промысловиков, купцов и государственных людей. Основная опасность на воде исходила от проникавших с Дона «воровских» казачков; по берегам – от кочевников.

Таким образом, стратегическое расположение форпостов на Волге в XVI–XVII вв. играло ключевую роль в контроле над целыми регионами. К таким стратегически важным, «запирающим» выход на Волгу, относились оборонительные сооружения в устьях, впадающих в нее рек, имеющих близкое сообщение с системой рек Донского бассейна.

Однако недостатками данной сторожевой системы являлось отсутствие контроля над движением по степи и руслу Волги зимой, а также малочисленность в навигационный период несения дозора. Так перечисленные обстоятельства привели к появлению на Волге ряда постоянных крепостей, часть из которых получила название разъездных станиц.

Несмотря на это, возведенных крепостей, расположенных слишком далеко друг от друга, оказалось недостаточно для перекрытия всех стратегических точек контроля в Поволжье. По этой причине Камышинский волок, особенно после первой четверти XVII в., обретает огромную популярность в казачьей среде и ставит перед правительством необходимость основания там еще одной крепости.

На это обстоятельство указывал еще в 1636 г. путешественник Олеарий: «Дальше с правой стороны находится гора и река Камышинка. Эта река вытекает из реки Иловли... По этой реке, как говорят, донские казаки со своими мелкими лодками направляются к Волге. Поэтому это место и считается крайне опасным в отношении разбойников. Здесь мы на высоком берегу направо увидели много водруженных деревянных крестов. Много лет тому назад русский полк бился здесь с казаками, которые хотели укрепить это место и закрыть свободный проход по Волге. В этой стычке, как говорят, пали с обеих сторон 1000 человек, и русские были здесь погребены» [3, с. 336].

* Слова из старинной казачьей песни о р. Камышинке.

** Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Подтверждая вышесказанное Олеарием, голландец Стрюйс в 1669 г. подчеркнул цель возведения новой крепости: «При устье реки Еруслана видел город Камышин. Москвитяне построили его в 1668 году для того, чтобы пресечь путь казакам, которые, проходя по Еруслану (т. е. Камышинке) для того чтобы попасть на Волгу, грабили все, что попадалось там. Но, не смотря на эту предосторожность, хотя они не входят в эту реку так легко, как прежде, все-таки продолжают плавать, переправляя лодки на четырехколесных повозках чрез пространство от шести до семи миль. В конце этого расстояния находят возможность объезжать вокруг островов, лежащих вдоль Волги» [9].

Таким образом, основание Камышинской крепости произошло в 1668 г. по причине, как было сказано выше, усиления движения «воровских» казаков на Волге. Сам факт воздвижения крепости указывает на то обстоятельство, что здесь пребывал постоянный гарнизон стрельцов, около 300 человек, из которых формировалась стрелецкая слобода [8]. В связи с возникновением чрезвычайных обстоятельств, гарнизон усиливался стрельцами-годовальщиками, т. е. вспомогательными отрядами стрельцов из соседних городов.

Сложившаяся обстановка в Поволжье в третьей четверти XVII в. требовала усилить Камышинский гарнизон отрядом астраханских стрельцов-годовальщиков, на время постройки крепости. Причем, как только необходимость отпала (крепость построили), отряд отозвали обратно, о чем мы читаем в отписке полкового воеводы М. Прозоровского астраханскому воеводе И. Прозоровскому [5, с. 113]. Все эти переброски правительственных военных отрядов были совершены в конце весны – начале лета 1668 г. При этом, как указано в приведенном источнике, правительственные войска стягивались в Астрахань из других городов. Однако уже в 1670 г. Камышинскую крепость захватывают «воровские» казаки Степана Разина.

В крепости, на момент ее взятия, находился постоянный московский гарнизон, приписанный к Дмитровскому приказу [4, с. 184]. Простояв два дня в крепости, казаки «всякую казну да 4 пушки полковых да 2 огненные пушки медные и воеводу Еуфима Панова и камышенских служилых людей взяли с собою. И побрав торговых людей струги, которые за ними, воровскими казаками, стояли на Камышенке, пошли со всем к Царицыну. И того ж де, государь, числа Камышенской город сажгли, а оставили де на камышенском городище 4 пушки чюдинные, железные» [Там же].

Причем, эти служилые, под Саратовом, повстречавшимся им рыбакам, рассказывают, как «московские стрельцы <...>, которые были на <...> великого государя службе на Камышенке. И воротили де их те московские стрельцы назад, а сказали де им, что де вор Стенька Разин с воровскими казаки город Комышенку выжех, а воеводу камышенского Еуфима Панова повесели. И они де, стрельцы, из города Камышенки ушли. А идет де он, вор Стенька, Волгою к Саратову, да и конница де с ним берегом идет же да Саратова за 60 верст об Охматове острове» [6, с. 219].

Эта последовательность событий, излагаемая в источнике, раскрывает не только эпизод казачьего движения под предводительством С. Разина, но и фрагмент длительной борьбы в Поволжье между правительством и казачеством за контрольные точки в регионе.

Мы не располагаем документальными сведениями о том, что происходило на месте сожженной крепости в период 1670–1697 гг., по той причине, что на протяжении этого времени правительству не удавалось восстановить контроль в районе волока [10, с. 199]. Таким образом, у нас есть все основания предположить, что «воровскими» казаками волок продолжал использоваться.

На это указывают следующие обстоятельства. Во-первых, Я. Стрюйс замечает, что, несмотря даже на постройку Камышинской крепости, «воровские» казаки находили возможность пробраться на Волгу, недалеко от этой крепости. Что не умаляло значение этого форпоста, но подчеркивало актуальность Камышинского волока в среде «воровского» казачества.

Во-вторых, казаки сожгли эту крепость, поскольку она им все-таки мешала и, отходя к Царицыну, оставили на городище четыре пушки, судя по всему, для собственной охраны волока.

В-третьих, очевидно, что волок оставался известен в широкой среде донского казачества долгое время. В начале XVIII в. казаки станиц: Бурлуцкая, Неврюевская, Черногаевская [7, с. 55], по уточнен-

ным данным – Сиротинская [2, с. 112], захватывают г. Камышин, демонстрируя тем самым свое «покровительство» над городом и местом, которое он «запирал». Чтобы представить себе значимость Камышинского волока в округе, достаточно упомянуть о расстоянии, на котором эти станицы отстоят от г. Камышина: первые три – приблизительно 110 км, четвертая – 230 км.

Была ли эта широкая известность следствием стихийной колонизации междуречья или способом сообщения между «воровскими» донскими и поволжскими городками – сказать трудно. Однако есть основания предполагать, что казаки продолжали использовать волок на протяжении всего периода 1670–1697 гг., пока не началась отстройка города при Петре I.

Литература

1. Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М.: Унив. тип., 1846.
2. Мезин С.А. Спорные вопросы ранней истории Камышина // Вопросы краеведения. Вып. 13: Материалы XXI и XXII краеведческих чтений. Волгоград, 2012.
3. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003.
4. Отписка головы московских стрельцов В. Лаговчина в приказ Тайных дел о взятии восставшими казаками Камышенки и о посылке разведчиков для собирания сведений об осаде казаками Астрахани // Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. док.: в 4-х т. (1954–1976 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1.
5. Отписка полкового воеводы М. Прозоровского астраханскому воеводе И. Прозоровскому о своем скором прибытии в Астрахань // Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. док.: в 4-х т. (1954–1976 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1.
6. Отписка тамбовского воеводы Я. Хитрово в Разрядный приказ о сожжении отрядом казаков Камышенки и продвижении казаков вверх по Волге // Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. док.: в 4-х т. (1954–1976 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1.
7. Пополнительные сведения, к истории города Камышина принадлежащие, отобранные чрез предания стариков, ныне во граде живущих // Царицынский и Камышинский уезды в описаниях краеведов (1727–1928). Т. 7. / под ред. М.М. Загорулько, И.О. Тюменцева. Волгоград: Издатель, 2010. С. 54–56.
8. Стрелецкая служба в XVII в. [Электронный ресурс] // Русский архив. 1895. № 1. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1660-1680/Strelec_sluzba/text.htm (дата обращения: 21.03.2019).
9. Стрюйс Ян. Путешествие по России голландца Стрюйса / пер. П. Горченко. 1880. [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1017945/11/Stryuys_-_Puteshestvie_po_Rossii_gollandca_Stryuysa.html (дата обращения: 21.03.2019).
10. Тюменцев И. Камышенский караул и крепость // Отчий край. 1994. № 2.

SERGEY NOSKOV

Volgograd State Socio-Pedagogical University

“... A LITTLE LOWER SARATOV AND A LITTLE HIGHER TSARITSYN ...”: TO THE HISTORY OF KAMYSHIN

The article deals with the early history of the fortress “Kamyshenka” (Kamyshin at present): the cause of its building, its strategic values in the region and the seizure of the fortress by the cossacks of Stepan Razin. There is given the hypothesis of controlling Kamyshin portage by Don Cossack in 1670–1697, based on the sources’ analysis.

Key words: *strelets for a year, Stepan Razin, “thievish” Cossacks, the fortress “Kamyshenka”, portage.*

УДК 94(47).043

Е.И. ПЕРЕСЫПКИНА

(peresyapkinaeugenia@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОТРАЖЕНИЕ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

*Предприняты попытки рассмотреть источники для изучения торговых
и дипломатических связей между Россией и Англией в XVI в.*

Ключевые слова: *Иван Грозный, Эдуард VI, русско-английские
отношения, XVI век, историография.*

История зарождения и развития русско-английских отношений приходится на XVI в. и соответствует тем же историческим закономерностям и дипломатическим процессам, которые происходили между Россией и другими странами Европы. Следует отметить, что период монголо-татарского нашествия и ордынского ига является временем изоляции, когда русские княжества не имели торговых и дипломатических связей с другими странами. В конце XV – начале XVI вв. происходит завершение процесса объединения земель вокруг Москвы, усиление Московского государства, а также установление дипломатических отношений со странами Запада.

Благодаря регулярным путешествиям, совершаемым английскими купцами, а также грамотно выстроенной русской и английской дипломатии, в Москве в XVI в. появились первые английские специалисты ремесла и торговли, и были заключены договоры между представителями двух стран. На протяжении всего XVI в. происходит дальнейшее расширение границ сферы торгового и политического взаимодействия, в посольском приказе появляются письменные отчёты купцов и путешественников о том, что могло бы заинтересовать верховную власть в отношениях между державами.

Особенно актуально рассмотрение зарождения взаимодействия двух великих держав в контексте современных международных отношений. Например, для того чтобы понимать динамику и закономерность их развития. Англия и Россия взаимодействуют свыше 450 лет, начиная с периода правления Ивана IV и Эдуарда VI. В указанный период они развивались неоднозначно. В частности, в настоящее время насчитывается более 50 межправительственных соглашений. Особое место среди них занимают Договор о принципах отношений между Соединенным Королевством и Россией, заключенный 9 ноября 1992 г., а также Декларация о партнерстве между Российской Федерацией и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии от 12 сентября 2011 г. [15, с. 167].

На современном этапе, несмотря на продолжающиеся и развивающиеся российско-британские связи после прекращения холодной войны, все же остается большая доля политической напряженности. На данный момент ведется диалог двух стран на высшем уровне, развиваются, начатые еще в XVI в., торговля и инвестиции, все это происходит на фоне ряда противоречий двух стран в современной геополитике. Все вышесказанное обусловило выбор нами темы данной работы, ее научную, политическую и практическую актуальность.

В отечественной и британской историографии существует ряд работ, в которых изучаются русско-английские дипломатические, торговые и культурные связи в первоначальный период их формирования, который относится ко второй половине XVI в. Данный период характеризуется расцветом английского абсолютизма эпохи Тюдоров, и времени правления Ивана Грозного, активная внешняя политика не ограничивалась в данный период рамками только торгово-экономических и политических интересов двух стран [9, с. 139].

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

У истоков отечественной историографии, рассматриваемой нами темы, стоит Н.М. Карамзин, который отмечал период с 1555–1815 гг., при написании «Истории государства Российского» анализировал дипломатическую переписку русского и английского дворов, описывая его как удачный в развитии русско-английских отношений [4].

Несомненно, существенный вклад в изучение данной темы внесли представители петербургской исторической школы. Академик И.Х. Гамель работал не только в российских, но и в британских архивах, в результате чего им были даны ценные сведения не только о зарождении отношений, но и о процессе развития русско-английской торговли [2, с. 22].

Исследователь данной темы Ю.В. Толстой работал в Лондонском Королевском архиве, в главном архиве МИДа России в Москве, результатом этого является целый ряд научных статей. Главным результатом его творчества становится труд «Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593» [14], данная работа была высоко оценена историками и отмечена Уваровской премией. Примечательно то, что из 82 архивных документов, опубликованных ученым, 67 были переведены им лично с английского языка на русский.

Расширяет исследования в данной области петербургский историк С.М. Середонин, предметом его изучения становится английская «россика», представляющая собой произведения англичан о России в XVI в. [12, с. 131]. И.И. Любименко также занималась разработкой данной темы, является автором монографии «История торговых сношений России с Англией», вышедшей в свет в 1912 г., помимо накопленной к началу XX в. источниковой базы использовала информацию, хранящуюся в Британском музее в Великобритании [7, с. 98].

В середине XVI в. происходит установление регулярных отношений между Россией и Англией, свидетельства о которых мы можем проследить в записках англичан о России, написанных в результате визитов в политических, торговых и культурных целях. Так, центральное место среди подобного рода источников ученые отводят сочинениям Джерома Горсея. Отечественные историки XX в. изучают по данным сочинениям время правления Ивана Грозного и Бориса Годунова, т. к. в них содержатся уникальные сведения о политической борьбе и особенностях русско-английских отношений XVI в. [13, с. 407]. Отечественный историк и филолог Я.С. Лурье высказывается о произведениях Джерома Горсея как о важнейшем источнике русской истории XVI в. [6, с. 128]. В то же время Н.И. Павленко обнаруживает у Горсея «мелкие и крупные неточности», отмечает ошибки в описании церемонии коронации Федора Ивановича, делая акцент на том, что он являлся непосредственным участником данного события [8, с. 98]. В свою очередь, М.А. Алпатов подчеркивает стремление Джерома Горсея дать объективную оценку правлению Ивана Грозного [1, с. 293].

В начале 1970-х годов А.А. Севастьянова подготавливает новое издание сочинений Дж. Горсея, рассматривая происхождение текста записок, включающих в себя три сочинения («Путешествия сэра Джерома Горсея», «Торжественная коронация Федора Ивановича», «Трактат о втором и третьем посольствах мистера Дж. Горсея») [13, с. 407]. Исследователь прослеживает этапы написания произведений Горсея, говорит о его архиве при работе с устными источниками, которые имеют следы позднего редактирования, а также о документах на русском языке, включающих в себя деловую переписку, копии писем, относящихся к англо-русским дипломатическим и торговым связям 80-х гг. XX в. [11]. При выполнении перевода А.А. Севастьянова пытается устранить кажущиеся ей неточности перевода в произведениях, такие важнейшие для понимания смысла английские термины: “parliament”, “council”, “nobility”, “gentlemen”, т. к., по ее утверждению, они нередко переводились произвольно, а разные русские выражения могли соответствовать одному и тому же английскому. Дж. Горсея, также упрекают в том, что в его произведениях отсутствует трактовка русских сословно-чиновных терминов.

Обращаясь к монографии А.А. Зимина о России середины 1570–1590 гг., следует отметить позицию автора о том, что в записках нет строгой последовательности, а описание некоторых фактов

не подтверждается какими-либо достоверными источниками. Автор отмечает, что «интересные наблюдения о России того периода, который там провел Дж. Горсей, перемежаются у него со всевозможными домыслами». Данная позиция объясняется тем, что «Путешествия», над которыми Дж. Горсей работал в конце 1560–1590-х гг. окончательную публикацию приобретают лишь к 20-м гг. XVII в. [3, с. 32].

Происхождению и интерпретации записок посвятил ряд своих трудов ленинградский исследователь В.А. Колобков. Историк признавал сложность состава «Путешествий», однако оставлял открытым для исследования вопрос об их структуре, происхождении, а также датировке текстов. Автором отмечалась особенность авторской работы Дж. Горсея: несмотря на отсутствие датировок в тексте «Путешествий», пропущен год жизни английского дипломата [5, с. 125].

По замечанию Я.С. Лурье, «дипломату Горсею не повезло в историографии», т. к. оценки его работы и личности у разных историков были неоднозначными [6, с. 128].

На наш взгляд, на современном этапе научно-исследовательской деятельности не прослеживается фундаментальных трудов и исследований по рассматриваемой нами теме. В качестве примера можно привести проведенный в Санкт-Петербурге VI Международный петровский конгресс, приуроченный к году культуры России и Великобритании, 500-летию установления дипломатических отношений между двумя странами [10, с. 57]. На практике оказалось, что из 64 представленных выступлений, только 5 докладов в общих чертах относились к выбранной нами теме и были связаны с историей возникновения взаимоотношений двух государств и динамикой развития их в XVI–XVII в. [Там же].

Зарубежная историография проблемы становления и развития русско-английских отношений также включает в себя целый ряд работ. Энтони Кросс утверждал, что лишь с XVIII в. гриздается значимость для Великобритании взаимодействия с Россией во многих сферах: торговой, военной, дипломатической, в оценках британских авторов [17, с. 2]. Самыми популярными в изучении исследователей являлись вопросы, касающиеся дипломатии и Московской торговой компании. В монографии Т. Виллина отражена подробная информация о начальном периоде истории пребывания на русском рынке английской компании [18]. Так же фундаментальным исследованием, в котором прослеживается история двусторонних отношений, является работа М. Андерсона «Британское открытие России: 1553–1815» [16].

Отражение эпохи зарождения русско-английских отношений в исторической литературе свидетельствует о важности этого направления в общем контексте истории двух стран. Анализ источников и литературы позволяет нам понять и проследить характер взаимоотношений между двумя странами, с момента их возникновения.

Литература

1. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М.: Наука, 1973.
2. Гамель И.Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях / соч. акад. И. Гамеля. Ст. 1–2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865–1869. 2 т. С. 22.
3. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. М: ОЛМА Медиа Групп, 2012.
5. Колобков В.А. Мемуары Джерома Горсея о России XVI в. // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг (Воспоминания и дневники): сб. науч. тр. Л., 1987.
6. Лурье Я.С. Английская политика на Руси в конце XVI в. Л., 1947.
7. Любименко И.И. Английские торговые компании в России в XVI в. Историческое обозрение. СПб.: тип. М.М. Стасюлевич, 1916. Т. 16.
8. Павленко Н.И. К истории земских соборов XVI века // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 98.
9. Питулько Г.Н. Англичане в России XVI века: опыт изучения первоначального этапа русско-английских связей // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. 2017. Т. 3. № 1. С. 139–158.
10. Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей: Материалы VI Междунар. петровского конгресса. (г. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 г.). СПб.: Изд-во «Европейский Дом». 2014.
11. Севастьянова А.А. Предисловие // Горсей Дж. Записки о России: XVI – начало XVII в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 15–16, 22.

12. Середонин С.М. Известия англичан о России во второй половине XVI века // Министерство Народного Просвещения. 1885. № 12. С. 131–133.
13. Солодкина Е.Н. Записки Дж. Горсея и Дж. Флетчера о России в оценках отечественных историков XX в. // Вестник Тамбовского ун-та. 2008. № 2(58). С. 407–410.
14. Толстой Ю.В. Обзор первых сорока лет сношений между Россией и Англией (1553–1593). СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875.
15. Циденков К.М. Британо-российские отношения на современном этапе // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. № 5. С. 167–173.
16. Anderson M.S. Britains discovery of Russia. 1553–1815. London, 1958.
17. Cross A. Anglo-Russica: Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Oxford, 1993. P. 2.
18. Willan T.S Early History of the Russia Company, 1553–1603. Manchester, 1956.

EUGENIYA PERESYPKINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**REFLECTION OF RUSSIAN-ENGLISH DIPLOMATIC RELATIONS
IN NATIVE AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY**

*The article deals with the attempts of considering the sources for the study of trade
and diplomatic relations between Russia and England in the XVIth century.*

Key words: *Ivan the Terrible, Edward VI, Russian-English relations,
the XVIth century, historiography.*

УДК 904

А.В. ПИСЬМАРОВА

(pismarova1407@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ ИЗУЧЕНИЯ БУС ЗОЛОТОЙ ОРДЫ*

Рассматривается процесс формирования научно-методологического аппарата, создавшего перспективы дальнейшего изучения бус Золотой Орды. Анализируются условия, определившие необходимость разработки научно-методологической базы исследования и перспективы её реализации.

Ключевые слова: археология, бусы, Золотая орда, классификация, типология.

Становление золотоордынской археологии Нижневолжского края относится к XIX в., соответственно, в этот период уже происходит процесс накопления археологического материала, связанного с культурой Золотой Орды. С 30-х годов начинаются репрессии краеведов, в том числе тех, кто занимался археологическими изысканиями. Так, например, в 1935 г. возникло «дело сталинградских краеведов», в результате которого археологическая деятельность была ограничена. С этого времени археология почти на три десятилетия стала «столичной» наукой, а краеведение в целом ограничилось рамками музейной работы [4], что естественным образом мешало археологическим исследованиям памятников Золотой Орды. Уже к середине XX в. резко возросло количество археологических находок, однако в материалах первых исследований не удаётся найти подробной информации о собранных артефактах на золотоордынских памятниках. Одной из причин существования данной ситуации является отсутствие в это время сформированного методологического аппарата археологических исследований.

Так, при крупномасштабных исследованиях Царёвского городища не фиксировались стратиграфические наблюдения и места индивидуальных находок, не составлялись планы раскопов, не собиралась информация о массовом керамическом и остеологическом материале. В.П. Соколов в своей монографии, посвящённой деятельности Саратовской учёной архивной комиссии, акцентирует внимание на факте отсутствия в рассматриваемый период инструкций по ведению археологических исследований, что негативно отразилось на результатах деятельности комиссии [7]. Также Е.А. Флейман в своём исследовании, посвящённом развитию краеведения в Поволжье, выделяет ряд причин, обуславливающих низкий уровень археологических исследований [10]. Одной из причин он называет отсутствие общих для всех исследователей правил, и как следствие – факты неквалифицированных раскопок и дилетантских реставраций.

В результате, к середине XX в. назрела необходимость не только развития практических навыков археологов (формирование профессиональных кадров – археологов), но и также совершенствования методов исследования, разработки классификаций и типологий, способствующих изучению бусинного материала на новом уровне (анализ и развитие теоретических положений о роли бусинного производства на территории Золотой Орды).

Большое значение для этого процесса имела деятельность А.В. Арциховского [1]. В своём исследовании славянских курганов он проанализировал погребальный инвентарь, разделив его на группы, типы и отделы. Так, например, бусы А.В. Арциховский разделяет на группы по материалу, на типы – по поперечному сечению, а на отделы – по продольному сечению. Данная классификация была использована большим количеством исследователей при изучении бусинного материала.

Так, Г.А. Фёдоров-Давыдов, взяв за основу принцип А.В. Арциховского, предложил собственную классификацию бус [8]. Он ввёл новые критерии классификации – по материалу и технологии.

* Работа выполнена под руководством Сухоруковой Е.П., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Также им были проанализированы стили, истоки, орнаментальный декор, технологии изготовления предметов материальной культуры Золотой Орды, в том числе и бус. В дальнейшем Г.А. Фёдоров-Давыдов разработал систему типологизации, применимую к археологической науке относительно любого вида артефактов [9]. В пособии «Статистические методы в археологии» исследователь определил понятия «тип», «типология», «классификация» и описал этапы названных процессов. Им также была высказана мысль, что типология – это последний этап классификации, представляющий собой проверку верности разработанной классификации. Данное пособие определило возможность анализа археологического материала на уровне формирования классификаций и типологий, применимых относительно артефактов, которые ранее детально не анализировались, выделяя при этом признаки разного характера (типичные, нетипичные).

Анализ стеклянных бус, найденных в Золотоордынских городах Поволжья, представлен в работах Н.Н. Бусятской [2, 3]. В основе её классификации бус золотоордынских городов лежит понятие типа как устойчивого ряда признаков. На группы бусы подразделяются с учетом технологических особенностей их изготовления, на отделы – по поперечному сечению, на типы – по продольному сечению. В качестве дополнительных характеристик типа были использованы цвет, прозрачность стекла, наличие или отсутствие орнамента. Важно отметить, что Н.Н. Бусятская занималась не только типологическим, но и химико-технологическим анализом стеклянных изделий. По способам изготовления она разделяет бусы на 3 группы: бусы, полученные накручиванием на твердую основу (металлический или деревянный стержень) расплавленной стеклянной массы; бусы из разрезанной стеклянной трубки; бусы, изготовленные из разноцветных обломков стекла, спрессованных в горячем состоянии [2]. На основе химического анализа бус Н.Н. Бусятская приходит к выводам относительно состава используемого для производства бус стекла и о работе мастеров золотоордынских городов.

Позднее М.Д. Полубояриновой была разработана типология каменных бус [6]. Материалами для её исследований послужили археологические находки из культурного слоя г. Болгара и золотоордынских городов Нижнего Поволжья. В своём исследовании М.Д. Полубояринова пользуется принципами, разработанными А.В. Арциховским (разделение на отделы и типы). Она анализирует соотношение количества каменных и стеклянных бус в золотоордынских городах и приходит к выводу о немногочисленности бус из камня, особенно датируемых временем существования Золотой Орды.

Таким образом, до 30-х годов (на начальном этапе изучения культуры Золотой Орды) наблюдался процесс накопления археологического материала, который определил возможности дальнейшего исследования бус и бусинного производства на более высоком уровне. С середины XX в., после периода угасания археологической деятельности в Нижнем Поволжье, исследователями предпринимаются попытки по систематизации и анализу накопленного археологического материала золотоордынской культуры. Результатом данной деятельности является формирование научно-методологической базы исследования бус и бусинного производства на территории Золотой Орды, что создало предпосылки для дальнейшего анализа бусинного материала и обоснования на его основе теоретических положений, касающихся различных аспектов бусинного производства и роли бус в жизни населения Золотой Орды [5].

Литература

1. Арциховский А.В. Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930.
2. Бусятская Н.Н. Стеклянные бусы Селитренного городища // Сов. археология. 1973. № 1. С. 217–224.
3. Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XI вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 38–72.
4. Галкова О.В., Назаров А.А., Савицкая О.Н. К вопросу об археологической карте Волгоградской области [Электронный ресурс] // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журнал ВГПУ. 2010. № 4(9). URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/209_st.pdf (дата обращения: 25.02.2019).
5. Письмарова А.В. Современный этап изучения бусинного производства Золотой Орды // Проблемы археологии Восточной Европы: материалы XIII Всерос. археолог. конф. студентов и аспирантов / отв. ред. Е.В. Вдовченков. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2018. С. 190–194.

6. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА, 1991.
7. Соколов В.П. 25-летие Саратовской учёной архивной комиссии. 1886 12/XII 1911 г.: Ист. очерк. Саратов: тип. Союза печ. дела. 1911.
8. Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. [Электронный ресурс]. URL: http://historylib.org/historybooks/German-Alekseevich-Fedorov-Davydov_Kochevniki-Vostochnoy-Evropy-pod-vlastyu-zolotoordynskikh-khanov/ (дата обращения: 25.02.2019).
9. Фёдоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа, 1987.
10. Флейман Е.А. Краеведение в Поволжье. Кострома: КТИ, 1995.

ANASTASIYA PISMAROVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**FORMATION OF SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL BASIS
OF STUDYING THE BEADS OF THE GOLDEN HORDE**

The article deals with the process of formation of scientific and methodological means having created the perspectives of the further studying the beads of the Golden Horde. There are analyzed the conditions having determined the necessity of the development of scientific and methodological basis of research and the perspectives of its implementation.

Key words: *archeology, beads, the Golden Horde, classification, typology.*

УДК 930.272

В.Е. САХАРОВА

(tuuyaaauken@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ИВАНА III: ОТРАЖЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Рассматриваются вопросы, связанные с историографией периода правления Ивана III. Анализируются основные работы историков, посвященные заключительному этапу формирования государства.

Ключевые слова: государство, централизация, Москва, политика, историк.

Правление Ивана III – один из переломных этапов истории нашего государства. С его именем связано множество фундаментальных преобразований: завершающий этап «собирания земель» вокруг Москвы, становление государственного аппарата и законодательства централизованного государства, обретение суверенитета – освобождение от ордынского ига и много других, не менее важных событий и процессов, составивших основу дальнейшего развития России в XVI в. При этом, на фоне исторических деятелей XVI–XVII вв. значение Ивана III долгое время было недооценено.

Задача нашего исследования состоит в том, чтобы рассмотреть комплекс источников и литературы по теме, что позволит определить роль эпохи Ивана III в общем процессе развития Российского государства в конце XV – начале XVI вв. Выявление новых подходов к анализу мероприятий внутренней и внешней политики Ивана III в современной отечественной историографии позволит составить полный и объективный исторический портрет выдающегося государственного деятеля периода становления централизованного Российского государства.

Иван III не случайно считается одним из выдающихся государственных деятелей России. С его именем связано много важных достижений во внутренней и внешней политике. Итак, внешняя политика Ивана Великого носила как оборонительный, так и завоевательный характер. Однако при любых обстоятельствах государь проявлял себя как гибкий и тонкий политик. Рассмотрим подробнее северное, западное и восточное направления его международной деятельности. Русско-шведская война 1495–1497 гг. считается одним из важных мероприятий северного направления. Главной причиной столкновения стран послужило сопротивление Ивана III монополии Ганзы – крупного союза торговых городов северо-западной Европы – на торговлю в Балтике. Московской Руси тоже был необходим выход к морю. Военные действия нельзя назвать ожесточенными так же, как и результаты нельзя назвать грандиозными. В марте 1497 г. со шведами было заключено перемирие на 6 лет. Вопрос о торговле через Балтийское море оставался открытым. Западное направление было отмечено противостоянием с Великим княжеством Литовским. На западных границах Руси Литва была единственным существующим противником Московского государства, поэтому война изначально была неизбежна. В ходе двух войн 1487–1497 и 1500–1503 годов Москве удалось одержать победу. Были присоединены некоторые территории с городами Гомель, Брянск, Вязьма. Восточное направление связано с освобождением от ордынского ига и противостоянием с Крымским ханством. В 1472 г. хан Большой Орды Ахмат предпринял неудачный поход на наши территории. После этого Иван III перестал выплачивать дань хану Большой Орды. В 1480 г. Ахмат вновь движется на Русь. Ситуация осложнялась ухудшением отношений с западными соседями и внутренними усобицами – заговором против государя. Над русским войском Иван принял начальство лично. Несколько дней враги сражались издалека, пускали стрелы друг в друга. Затем Ахмат развернул свою армию и покинул берег Угры. Отношения между Московским государством и Крымским ханством носили миролюбивый характер. Первый обмен грамота-

* Работа выполнена под руководством Меркурьевой В.С., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ми произошел в 1462 г., а в 1474 г. был заключен союзный договор, знаменующий взаимную дружбу. Хан Менгли-Гирей помогал Ивану III во время конфликтов с Литвой, совершая опустошительные набеги на вражеские территории. Также ханство сотрудничало с Москвой во время борьбы с Большой Ордой. До конца правления Ивана III отношения этих государств оставались союзническими.

В годы правления Ивана III осуществлялась политика присоединения к Москве удельных княжеств: Ярославское (1463–1468), Ростовское (1474), города Дмитров (1472) и Углич (1491). Однако были и ярые противники идеи собственной зависимости от Москвы. Это история Новгородского и Тверского завоеваний.

Законотворческая деятельность Ивана III, создание Судебника 1497 г. – это важнейшая веха в истории государства, т. к. теперь на всей его территории было установлено единое законодательство. Принятие Судебника было обусловлено рядом причин:

- усиление власти великого князя;
- возрастание влияния боярства;
- появление аппарата управления централизованным государством;
- пережитки феодального законодательства.

Принятие Судебника – одна из решающих мер укрепления политического единства.

Политическое объединение государства сопровождалось его культурным развитием. После нашествия Орды строительное ремесло пришло в упадок. По приглашению великого князя в Москву прибывали итальянские творцы. Особо выделялся из них Аристотель Фиоринти, являющийся автором проекта Московского Кремля, а также выстроивший знаменитый Успенский собор. Масштабное строительство носило и оборонное направление. Был перестроен новгородский кремль, возведена крепость Ивангород. Укреплялись крепостные сооружения Пскова, Старой Лядоги, Нижнего Новгорода.

В годы правления Ивана III мы видим возрастающий интерес к литературе. Яркими памятниками того периода являются «Хождение за три моря» купца Афанасия Никитина, «Сказание о Дракуле» дипломата Федора Куницына.

В исторической науке мы наблюдаем цикличность изучения личности и деятельности Ивана III. Условно, историографию проблемы можно разделить на три больших периода.

Первый из них – XIX в. Отражение эпохи завершения объединительного процесса и становления российской государственности в рамках фундаментальных трудов выдающихся дореволюционных историков, таких как Д.И. Иловайский, Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев [7, 9, 10, 13, 18]. Их исследования были построены на анализе широкой группы источников, прежде всего актов и летописного материала. Большое внимание было уделено характеристике личности правителя.

Говоря о научных изысканиях XIX в., нельзя не отметить особо Государственную школу, с которой связаны имена видных историков К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина [8, 22]. Теоретиков данной школы интересовали взаимоотношения народа и государства в историческом процессе, что является значимой характеристикой эпохи складывания централизованного государства.

Историки XX в. уделяли эпохе Иван III не так много внимания, сосредоточившись на рассмотрении социально-экономического развития, что нашло отражение в работах К.В. Базилиевича, Г.В. Вернадского, Л.Н. Гумилева, А.А. Зимина, В.Б. Кобрин, С.Ф. Платонова, Л.В. Черепнина [2, 4, 5, 6, 11, 16, 21].

В настоящее время актуально возвращение к изучению правления Ивана III и истории средневековой России. Выдающимися исследователями являются Ю.Г. Алексеев, Н.С. Борисов, А.Л. Корзинин, Ю.В. Кривошеев, Р.Г. Скрынников, А.А. Хорошкевич, Т.В. Черникова [1, 3, 12, 14, 17, 20]. Сейчас наблюдается тенденция возвращения к некоторым наработкам дореволюционной историографии с применением новейших методов и подходов к анализу исторического материала. В современной России историки останавливаются конкретно на личности правителя, оценивают его вклад в историю отечества.

Подробнее хотелось бы остановиться на исследователях XIX в. – Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев [9, 10, 18].

Николай Михайлович Карамзин первым прославил имя Ивана III, очень тепло и лестно отзываясь о нем. Фундаментальный труд историка вмещает целый том, описывающий деятельность указанного правителя. Том разбит на главы, каждая из которых подробно раскрывает политику Ивана III в определенный промежуток времени. Н.М. Карамзин начинает повествование со слов похвалы «история наша приемлет достоинство истинно государственной». «Иоанн явился на театре политическом в то время, когда новая государственная система вместе с новым могуществом государей возникала в целой Европе» [9]. Автор уделяет внимание всем деталям: обстоятельствам вступления Ивана на престол, событиям его детства, характеру государя, двум его бракам. Благодаря Н.М. Карамзину, мы получаем обширное представление о личности Ивана III, несколько идеализированное, но все же объективное. Дается описание абсолютно любой деятельности государя. Труд Карамзина – своеобразная летопись – погодная запись событий и процессов эпохи правления Ивана Великого.

В.О. Ключевский в своих сочинениях дает важнейшее описание социально-экономических процессов эпохи Ивана III, которые он рассматривает в XXV–XXVII лекциях [10]. Правление самого же государя он относит к III периоду развития русской истории. Несомненный плюс у В.О. Ключевского в том, что он пишет «основной факт» после определенного смыслового контекста, а также делает выводы по каждой лекции. У него мы видим такие интересные данные как идея происхождения божественной власти, идея национального государства. В.О. Ключевский считал, что разрыв русской народности – дело плохое, видел необходимость политического и народного единства. Он рассмотрел эту идею через призму политики Ивана III. Интересно то, что территориальные приобретения Ивана III автор объединяет с приобретениями Василия III, что вполне целесообразно. В период правления Ивана Великого В.О. Ключевский отмечает рост политического сознания (про душу и костюм). В.О. Ключевский останавливается на новых титулах – государь всея Руси (который Иван первым отважился показать миру) царь – производное от цесарь [Там же].

С.М. Соловьев и его «История России с древнейших времен». По ходу чтения мы отмечаем необычайную фактологическую полноту изложения. Местами сочинение автора похоже на перепись источников. Ивану Великому С.М. Соловьев посвятил 5-й том своей 3-ей книги [18]. Также отметим деление информации о правителе на смысловые группы (Новгород Великий, София Палеолог, Восток, Литва), в отличие от Н.М. Карамзина, который свое изложение делит по годам. Особенно нам хотелось бы отметить главу «Внутреннее состояние русского общества во времена правления Иоанна III». В ней очень подробно описаны такие детали, как народное право, уровень общественной нравственности, литература и искусство, нравственность духовенства, духовенство и церковь в целом.

Следует отметить, что изучение эпохи Ивана III в контексте общего развития России на заключительном этапе объединительного процесса является очень важным и интересным. Отражение его роли и значения в исторических источниках и литературе – это высокая оценка, данная Ивану III его потомками.

Литература

1. Алексеев Ю.Г. Иван Великий: Первый «Государь всея Руси». М.: Эксмо, Яуза, 2017.
2. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Территория. 2001.
3. Борисов Н.С. Иван III. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2018.
4. Вернадский Г.В. История России. Россия в Средние века. Тверь, М.: Леан Аграф, 1997.
5. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-пресс, 2003.
6. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982.
7. Иловайский Д.И. История России: в 5 т. М.: Типография М.Г. Молчанова, 1890. Т. 2.
8. Кавелин К.Д. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб. Н. Глаголев, ценз., 1990. Т. 2.
9. Карамзин М.Н. История Государства Российского. М.: Эксмо, 2009.
10. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций в 3 кн. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
11. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М: Мысль, 1985.
12. Корзинин А.Л. Государев двор Ивана III // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2017. Вып. 7. С. 134–150.

13. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2011.
14. Кривошеев Ю.В. Русская средневековая государственность. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2010.
15. Мавродин В.В. Древняя и средневековая Русь. СПб.: Наука, 2009.
16. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории Профессора Платонова. СПб.: Столичная Скоропечатня, 1899.
17. Скрынников Р.Г. Иван III. М.: АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига, 2006.
18. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн.1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Голос, 1993.
19. Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
20. Хорошкевич А.А. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М.: Наука, 1980.
21. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки соц.-экон. и полит. истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960.
22. Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. СПб.: Тип. «Т-ва печ. станка», 1906.

VERONIKA SAKHAROVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

HISTORIC PORTRAIT OF IVAN III: THE REFLECTION IN CURRENT HISTORIOGRAPHY

The article deals with the issues connected with the historiography of the reign of Ivan III. There are analyzed the basic works of historians, devoted to the concluding stage of state's development.

Key words: *state, centralization, Moscow, politics, historian.*

УДК 930.1 (091)

А.А. СЕРЁЖНИКОВ
(rdawon2012@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВОСПОМИНАНИЯ С.З. ЕРМАН КАК ИСТОЧНИК К ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ Я.З. ЕРМАНА*

Впервые в научный оборот вводятся мемуары, которые ранее не были использованы полностью, о ранних годах жизни известного революционера-большевика, одного из руководителей установления советской власти в Царицыне – Якова Зельмановича Ерман (1896–1918 гг.). Они написаны его сестрой и являются новым историческим источником по биографии брата.

Ключевые слова: Я.З. Ерман, С.З. Ерман, В.Н. Юдин, воспоминания, большевики, Царицын, революция 1917 г.

Впервые в научный оборот вводится новый, ранее нигде не использованный письменный исторический источник «Воспоминания С.З. Ерман» (переписка с В.Н. Юдиным). Все это стало возможным благодаря фонду личного происхождения, который находится в Государственном Архиве Волгоградской области под номером Ф.Р.-6534. В данном фонде находится 451 единица хранения и он связан с Василием Николаевичем Юдиным. Василий Николаевич – волгоградский журналист, писатель, член Союза журналистов СССР. К сфере его интересов, помимо журналистики, относится и писательское дело, в основном на историческую тему. Его перу принадлежит целый ряд документальных книг, среди которых есть книги, связанные с революционной историей нашего города. Для этого В.Н. Юдин несколько лет изучал материалы областных и государственных архивов, вступал в переписку с очевидцами событий, читателями, журналистами и издательствами. Все эти материалы и многие другие отразились в его фонде.

Итогом его исследований революционных событий в Царицыне стала книга «Яков Ерман» [2], вышедшая в 1965 г. В его фонде хранится множество материалов, которые относятся к процессу написания этой книги. Среди них можно выделить печатные рукописи, выписки из документов учреждений, переписки с очевидцами событий или с их родными, переписки с читателями и издательствами. В процессе подготовки к написанию книги В.Н. Юдин собрал обширный материал, но многое из того, что он собрал, не было опубликовано, не только в книге, но и даже в последующие годы. В советское время этот материал для книги оказался не репрезентативным и не востребованным из-за целого ряда идеологических и политических причин. В настоящее время, нам как исследователям, представляется возможным использование данных материалов для их дальнейшего изучения и введения в научный оборот новых сведений и фактов.

Материал, который представляет для нас интерес в нашем исследовании, это воспоминания сестры брата Якова Ерман – Сары. В переписку с ней В.Н. Юдин вступил с начала 60-х годов XX в. и продолжалась она менее 4 лет вплоть до написания книги, для которой эти воспоминания и были предназначены. К сожалению, в архиве сохранилось лишь одно письмо, которое Сара Ерман прислала В.Н. Юдину, в нём она попыталась максимально ёмко ответить на все вопросы, которые ей задавал автор. Своё письмо она разделила на 11 смысловых частей и в каждом пункте отвечала на вопросы, которые ей ранее автор задавал в письме.

В первом и втором пунктах Сара Ерман пишет: «Уважаемый товарищ Юдин! На часть вопросов, которые вы ставите – вы найдете ответы в моем письме, которое было в своё время отправлено в Музей Царицына» [1, л. 17]. Далее она рассказывает о том, где родился и воспитывался Я. Ерман, о братьях и сестрах, о родителях. Заканчивается этот пункт воспоминанием: «когда Якова ругали по поводу

* Работа выполнена под руководством Савицкой О.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

того, что он прятался в укромном углу и вместо того, чтобы делать уроки – он зачитывался произведениями Толстого» [1, л. 17].

В третьем и четвертом пунктах описывается Сарой учеба Я. Ермана в реальном училище и гимназии, затем момент его поступления в институт: «Учился он в Петербургском политехническом университете им. Петра I, куда он поступил по жеребьевке – несмотря на то, что окончил Екатеринославскую гимназию с золотой медалью. Для евреев была установлена 3% норма и среди желающих поступить было очень много медалистов» [Там же, л. 18]. Затем описывается его участие в литературных диспутах, которые проходили в Екатеринославле и его арест в Петрограде. О жизни и деятельности брата в Петрограде Сара знала очень мало, о чем и писала В.Н. Юдину в письме.

Пятый и шестой пункты посвящены более личному – родителям Я. Ермана и невесте Лизе Меланид. У Сары Ерман сохранились следующие воспоминания об отношении Якова к родителям: «Интересно указать на такой эпизод – для того, чтобы скрыть от родителей, что он арестован, он просил товарищей регулярно посылать домой родителям открытки, сообщал которым что у него всё благополучно, он здоров» [Там же, л. 19]. В этих же пунктах она подробно уделяет внимание биографии Лизы Меланид, о том где она родилась и выросла.

В седьмом и восьмом пунктах письма Сара Ерман описывает взрослую жизнь Лизы, её знакомство с Яковом. Детально описывается её приезд в Царицын летом 1918 г., о том где она жила в этот период.

Девятый пункт является последним, в котором С. Ерман описывает свои воспоминания о брате, в конце она пишет: «Вот и все, что я могу Вам сообщить, одновременно с этим посылаю в Музей несколько удостоверений личности Якова» [Там же, л. 19].

Затем в десятом и одиннадцатом пунктах письма Сара Ерман перечисляет материалы и документы, которые она может отправить В.Н. Юдину, либо с которыми он может ознакомиться в музее Обороны Царицына, в который она передала ранее доступные ей воспоминания и материалы.

В конце своего письма Сара Ерман поставит “P.S.” и напишет: «Поручений Вы мне больше не давайте. Я всё время болею и фактически ничего выполнять не могу» [Там же, л. 22]. Этими строчками закончится длинное и информативное письмо. В приложениях к этому письму будут многочисленные фотоснимки, которые С. Ерман прислала В.Н. Юдину, которые он наряду с воспоминаниями, так и не смог в полной мере задействовать и опубликовать в своей книге.

Долгое и плодотворное изучение революционных событий в Царицыне 1917 г., а также роль лидеров царицынских большевиков во всех этих процессах, позволили В.Н. Юдину дать политический портрет Я. Ерману. Сделал он это в духе того времени, в котором писал, оставляя потомкам свою работу, которая носит скорее публицистический жанр, чем научный.

Личность Я. Ермана можно отнести к новому поколению революционеров, чья молодость и начало политической деятельности пришлось на трудные годы Первой мировой войны. Прибыв в Царицын в апреле 1917 г. в возрасте 21 года, для него политическая карьера в этом городе оказалось стремительной и успешной. Свою должность он получил всего лишь после четырехмесячного пребывания, из солдат – в руководители местной исполнительной власти, став председателем Городской думы. После Октябрьской революции, которая была осуществлена в Царицыне без кровопролития, мирным путем, Я. Ерман в том же месяце стал председателем исполкома Царицынского Совета рабочих и солдатских депутатов. Успешная политическая карьера лидера царицынских большевиков оборвалась в связи с его гибелью в июле 1918 г.

В своей политической позиции Я. Ерман был убежденным сторонником курса на немедленное осуществление социалистической революции, выдвинутого В.И. Лениным. Его революционные убеждения, насколько можно судить, были искренними. Его острые, зажигательные речи, воля к победе, неординарность личности склоняли на сторону большевиков участников многочисленных митингов. Они слышали в их выступлениях то, о чем мечтали и эти лозунги прочно вживались в их сознание, служили ответом на давно мучившие вопросы. В своих действиях он мог проявлять и политическую гиб-

кость, заключая временные союзы со своими оппонентами, и дальновидность, и стремление не допустить пролития крови.

Роль Я. Ермана в установлении советской власти в Царицыне трудно переоценить. Имея поддержку рабочих царицынских предприятий, солдат и беженцев ему и его соратникам по партии удалось установить в ноябре 1917 г. советскую власть мирным путем. Такой успех не в последнюю очередь зависел и от личности самих большевиков. Имея популярность и авторитет среди населения, они получали на выборах в местные органы исполнительной власти большинство мест, а отсюда уже могли руководить и всем другим процессом.

Память об Я. Ермане в современном Волгограде увековечена всего лишь в нескольких монументах и работах волгоградских скульпторов и художников, среди которых памятник на могиле Я. Ермана и защитников Красного Царицына, установленный по проекту Н.Н. Любимова в 1925 г.

В г. Николаевске Волгоградской области, где Ерман погиб, в городском парке стоит бюст Я. Ермана, выполненный по проекту скульптора В.Г. Фетисова способом бетонного литья, тонированный под металл и расположенный на четырехгранном пьедестале. На мраморной белой плите памятнике короткая надпись: «Яков Ерман – первый председатель Царицынского исполкома». Год установки памятника нам обнаружить не удалось.

Волгоградский скульптор П.Л. Малков к 50-летию Октября создал из кованного алюминия бюст Я. Ермана (1967 г.), который сейчас хранится в его мастерской. Другой волгоградский скульптор, А.Е. Криволапов, в 1990 г. подготовил из гипса модели памятника Я. Ерману, который планировалось установить в нашем городе, и бюста для завода им. Ермана. Обе работы так и остались до конца незавершенными. Одна хранится в мастерской художника, от второй – осталась лишь фотография.

В коллекции Волгоградского музея изобразительных искусств им. И.И. Машкова хранятся портреты Я.З. Ермана и С.К. Минина, выполненные волгоградским художником Б.К. Сивцом в 1982 г. в стиле цветной линогравюры.

На всех портретах черты лица Я. Ермана, известные нам по фотографиям, угадываются, и в тоже время они подчеркнуты обобщенно, воспроизводят образ борца – аскетичного, самоотрешенного, погруженного в глубокое раздумье или произносящего пламенную речь на предполагаемом митинге. В его одежде угадываются приметы времени – солдатская гимнастёрка, кожанка, шинель. На модели памятника рука Я. Ермана поднята к сердцу, которое он, как Данко, отдает людям.

Литература

1. Государственный архив Волгоградской области (далее ГАВО). Ф.Р.-6534. Оп. 15. Д. 33. 23 л.
2. Юдин В.Н. Яков Ерман. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1958.

ALEXANDER SEREZHNIKOV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

RECOLLECTIONS OF SARAH ERMAN AS THE SOURCE TO THE HISTORICAL BIOGRAPHY OF YAKOV ERMAN

The article deals with the first scientific introduction of recollections, which weren't used earlier completely, about early years of life of a famous Bolshevik revolutionist, one of the leaders of the establishment of the Soviet system in Tsaritsyn – Yakov Erman (1896–1918). The recollections were written by his sister and are considered to be a new historical source of her brother's biography.

Key words: *Yakov Erman, Sarah Erman, Vasiliy Yudin, memories, the Bolsheviks, Tsaritsyn, the revolution of 1917.*

УДК 94(470+571):94(4)

А.А. СЕРЁЖНИКОВ
(rdawon2012@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

УСТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-ИСПАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

Дается обзор из истории установления и развития российско-испанских отношений. Рассмотрены особенности дипломатических отношений между двумя странами в разные временные эпохи. Проанализированы труды отечественных авторов, которые занимались вопросами российско-испанских отношений. Прослеживается специфика развития российско-испанских отношений, которая была характерна для всего периода развития российско-испанских отношений.

Ключевые слова: Россия, Испания, СССР, дипломатия, российско-испанские отношения.

Российско-испанские отношения имеют давнюю историю, и интерес отечественных историков к этой проблеме возник еще в XIX в. В работах Н.Н. Бантыш-Каменского, А.С. Трачевского, В.К. Пискорского, М.М. Чулкова, В.А. Уляницкого и др. нашли отражение отдельные эпизоды контактов и связей двух стран [8]. Однако систематическое изучение дипломатических, экономических и культурных связей России и Испании началось лишь в 40-е годы XX в. и было положено работами М.П. Алексева и Т.К. Крыловой [1, 7].

Испанцы и русские, несмотря на огромное расстояние между двумя государствами, всегда испытывали взаимное притяжение, интерес и любопытство друг к другу. Этот интерес к обычаям, духовной культуре, быту стал проявляться ещё в конце XV в., когда в Москве слышали о «шпанской земле» и введении там Фердинандом Арагонским инквизиции. Установление торговых, а также политических связей с Испанией можно отнести именно к данному периоду, когда оба государства переживали период политического объединения, связанного в Испании с завершением Реконкисты, а в России – с освоением русских земель от татаро-монгольского нашествия [5].

Между Испанией и Россией уже в XVI в. начали устанавливаться полезные взаимосвязи. Первая попытка налаживания прямых контактов между нашими странами была предпринята в 1523 г., когда в Мадрид прибыло посольство подьячего Якова Полушкина, доставившего грамоту Василия III императору Карлу I. Император ответил, что обрадован желанием Москвы «пребывать с нами в искренней дружбе и союзе» [Там же].

Вторая половина XVII в. была отмечена упорным стремлением России встать в один ряд с европейскими государствами. Важной вехой в процессе российско-испанского сближения стал 1667 г. В июне 1667 г. царь Алексей Михайлович направил в Испанию посольство во главе со стольником Петром Потемкиным, который вручил испанскому королю Карлу II царскую грамоту, извещавшую о заключении перемирия между Россией и Речью Посполитой, с выражением надежды на укрепление союза христианских государств. Русский царь высказал готовность принять испанских послов. В ответной грамоте Карла II выражалось согласие направить посольство Испании в Москву. Однако обмен между двумя странами постоянными дипломатическими представительствами произошёл позднее, в первой четверти XVIII в. [Там же]. До этого момента, информацией о жизни обоих народов владели и делились в основном те, кто в силу сложившихся обстоятельств непосредственно оказывался в Испании и в России, – это путешественники, купцы, дипломаты. Их соприкосновение с жизнью, бытом, познание прошлого породило чувство общности судеб обоих народов, народов двух стран, расположенных на крайних рубежах – восточном и западном –

* Работа выполнена под руководством Ленивиной Н.О., старшего преподавателя кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Европы и сыгравших в ее долгой истории, по образному выражению исследователя С.П. Пожарской, роль «часовых на бастionaх» христианской цивилизации [4].

Дипломатические связи России и Испании на начальном этапе своего развития протекали достаточно неравномерно. В период с 1730 по 1759 гг. между двумя странами не было дипломатических отношений в связи с нежеланием испанской стороны признать императорский титул за российскими монархами, чуть позже, уже в 1799–1801 гг. причиной перерыва в двухсторонних контактах стало непризнание Испанией избрания Павла I Великим магистром Мальтийского ордена. Ещё одним периодом перерыва в дипломатических отношениях стали 1833–1856 гг. – когда российское правительство отказалось признать легитимность малолетней Изабеллы II, правившей под регентством вдовствующей королевы Марии-Кристины.

Другой период дипломатических отношений между двумя странами, можно назвать период – со второй половины XIX в. и вплоть до Октябрьской революции 1917 г., для него было присуще более спокойное и равномерное развитие. В указанный период стороны предпринимали попытки поставить двухсторонние отношения на более прочную основу, что выразилось в стремлении Испании и России не вмешиваться во внутренние дела друг друга, в случае конфликтов с третьими странами придерживаться благожелательного нейтралитета по отношению к друг другу. Период конца 80-х – начала 90-х гг. XIX в. определялся заинтересованностью Испании в помощи России, это было обусловлено тем, что у Испании обострился конфликт с США по поводу последних испанских владений на американском континенте и она искала поддержки. Россия же в данном случае придерживалась нейтралитета. Этот период завершился в начале 1918 г. с отъездом из Петрограда сотрудников испанского дипломатического представительства, покинувших город вслед за послами стран Антанты. После этого между Испанией и Россией были прерваны всякие связи [2].

С 1925 г. с обеих сторон неоднократно предпринимались попытки восстановить и улучшить отношения, но проблема была в том, что испанцы ставили условием заключить вначале экономические договоры, а Россия не соглашалась с такой последовательностью. Лишь в конце июля 1933 г. была достигнута договорённость об установлении дипломатических отношений, но обмен послами так и не состоялся. А.В. Луначарский, назначенный советским послом, умер в декабре 1933 г. во Франции по дороге в Мадрид. Только с приходом к власти в Испании правительства Народного фронта испанцы предложили советской стороне обменяться послами: в апреле 1936 г. испанский посол в Париже Мадарьяга обратился к советскому послу в Париже В.П. Потемкину с просьбой об обмене дипломатическими миссиями между СССР и Испанией. В июле произошёл мятеж генерала Франко, и в Испании началась Гражданская война, с первого своего дня широко освещавшись в советской прессе. Практически сразу в Испанию отправился в качестве корреспондента Илья Эренбург из Парижа, а Михаил Кольцов присоединился чуть позже, осенью 1936 г. Начали публиковаться очерки из Испании. Очерки – это главный формат советской международной журналистики тех времён. Авторы, участники информационной войны, сочетали черты репортажа, публицистики и некоторых явных форм агитации. Кольцов и сотрудничали с главными газетами Эренбург Советского Союза – «Правдой» и «Известиями».

Выражением отношения советского народа к войне в Испании стал митинг 3 августа 1936 г. Митинг прошёл в Москве на Пушкинской площади и собрал 150 тысяч человек, причём демонстрация носила спонтанный характер, решение о митинге в поддержку Республики было принято утром того же дня (об этом утверждает Михаил Кольцов) [6]. На митинге ораторы призывали оказать всяческую помощь Республике. Рабочие коллективы начали собирать гуманитарную помощь и деньги для Республики, а военнослужащие отправлять заявки о просьбе записаться добровольцем. Именно митинг 3 августа стал стартом их испанской биографии. Советские граждане активно жертвовали деньги и собирали продовольствие для Испании. Со временем, когда дела Республики были совсем плохи, Советская Россия приняла детей испанских коммунистов.

В августе 1936 г. полпредом СССР в Испании был назначен М.И. Розенберг, а в качестве генерального консула в Барселону приехал В.А. Антонов-Овсеенко. В октябре того же года в Москву при-

был испанский посол М. Паскуа. В этом же месяце и было учреждено Генеральное консульство СССР в Барселоне.

5 марта 1939 г. правительство Народного фронта было низложено, и к власти пришла «Национальная хунта обороны». Посол Испании в СССР Педросо заявил, что он не может считать себя представителем правительства, образовавшегося в Мадриде после этого переворота. В СССР должен был остаться испанский консул в Одессе Касануэва. Вскоре дипломатические отношения между двумя странами были прекращены. Для урегулирования возникавших вопросов испанское правительство обращалось к посредничеству правительств Германии и Италии. Таким образом, с 1939 г. последовал длительный, почти 40-летний, перерыв в советско-испанских дипломатических отношениях.

Во Вторую мировую войну Испания придерживалась нейтралитета, но в войне участвовали испанцы. На Ленинградском фронте в составе немецких войск с октября 1941 по октябрь 1943 г. воевала испанская добровольческая «Голубая дивизия». Всего через неё прошло, по разным подсчётам, от 45 до 50 тысяч испанцев, из которых около пяти тысяч погибли на территории СССР. Сражались испанцы и по другую сторону линии фронта, в рядах Красной Армии, но их было крайне мало. По тогдашним законам иностранцы не могли служить в Красной Армии. После поражения республиканцев в Гражданской войне многие бойцы, имевшие обширный опыт боевых действий, нашли убежище в СССР. Когда 22 июня 1941 г. Германия напала на СССР, они были переполнены желанием пойти на фронт, чтобы продолжить борьбу с фашизмом. В регулярную армию их не принимали, но некоторым это все же удалось.

После Второй мировой войны, в 50-х годах между СССР и Испанией начали налаживаться торговые и культурные связи. В мае 1969 г. в Мадриде открылось представительство Морфлота СССР первое официальное советское учреждение после окончания испанской гражданской войны. В 1972 г. в Париже было подписано торговое соглашение, а через год в столицах двух стран начали функционировать торгпредства, причем на них были возложены и консульские функции. Смерть Франко в ноябре 1975 г. способствовала ускорению восстановления отношений. В 1976 г. было подписано соглашение о воздушном сообщении, а в 1977 г. группа МИД СССР во главе с С.А. Богомоловым, действовавшая в рамках советского торгпредства в Мадриде была преобразована в посольство. Правительство Союза Советских Социалистических Республик и правительство Испании согласились установить с 9 февраля 1977 г. дипломатические отношения между обеими странами и обменяться дипломатическими представительствами на уровне посольств [3]. Это соглашение было оформлено путём обмена нотами между членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А.А. Громыко, и министром иностранных дел Испании Марселино Ореха Агирре.

Новый период в развитии российско-испанских пришёлся уже на конец XX в., когда после распада Советского Союза в декабре 1991 г. на заседании Совета министров Испании было принято решение об официальном признании Российской Федерации в качестве правопреемника СССР.

Литература

1. Алексеев М.П. Этюды из истории испано-русских литературных отношений // Культура Испании: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 353–425.
2. Волкова Г.И. Региональная составляющая современных российско-испанских отношений // Десять лет внешней политики России: материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований / под ред. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 2003. С. 482–487.
3. Волкова Г.И., Деметьев А.В. Политическая история Испании XX века. М.: Высшая школа, 2005.
4. Волосюк О.В. Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений: моногр. М.: РУДН, 2011.
5. Из истории российско-испанских отношений // Посольство Российской Федерации в Королевстве Испания. [Электронный ресурс]. URL: https://spain.mid.ru/web/spain_ru/iz-istorii-rossijsko-ispanskih-otnoshenij (дата обращения: 30.01.2019).
6. Кольцов М.Е. Испания в огне. Т. 1. Испанский дневник. Кн. 1–2. (7 нояб. – 30 дек. 1936 г.). М.: Политиздат, 1987.
7. Крылова Т.К. Отношения России и Испании в первой четверти XVIII в. // Культура Испании: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 327–352.
8. Пискорский В.К. История Испании и Португалии. 2-е изд. СПб.: Акц. об-во Брокгауз-Ефрон, 1909.

ALEXANDER SEREZHNIKOV
Volgograd State Socio-Pedagogical University

ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN-SPANISH RELATIONS

*The article deals with the review from the history of establishment and development of Russian-Spanish relations.
There are considered the peculiarities of diplomatic relations between two countries in different periods.
There are analyzed the works of native authors, who dealt with the issues of Russian-Spanish relations.
There are reflected the specific features of the development of Russian-Spanish
relations that were typical for the whole period of the development
of Russian-Spanish relations.*

Key words: *Russia, Spain, the USSR, diplomacy,
Russian-Spanish relations.*

УДК 94(47+57) «1917/1991»

И.Ю. СТАРКОВА

(*missis.starkova2012@yandex.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ИДЕОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА В СССР 1920–1930-Е ГГ.*

Дается обзор на историю огосударствления литературы в 1920–1930-е гг. Анализируются документы, принятые партией в области литературы. Рассматриваются особенности литературного процесса в указанный период, а также предпринимаются попытки выделить этапы государственной политики в литературной сфере.

Ключевые слова: *литература, идеология, партия, социалистический реализм, литературный процесс.*

Культура как сфера жизни общества характеризуется зависимостью от политической системы. Так же и литература 20–30-х гг. XX в. развивалась непосредственно под влиянием партийных установок. 1920–1930-е годы были особым периодом в истории русской литературы, поскольку именно в эти годы литературной сфере отводилась как никогда ранее, настолько значимая роль. Они стали временем становления советской литературы, которая после Октябрьской революции наполнила себя новыми идеалами и сюжетами [4].

Обозначенный период характеризовался переходом от литературных дискуссий к тоталитарному искусству под влиянием идеологических и политических рекомендаций. Литературный фронт был приоритетным направлением идеологической пропаганды и инструментом выполнения государственного заказа, одним из самых влиятельных каналов распространения информации. Литература стала играть решающую роль в плане воспитания социума, и главное назначение новой литературы состояло в общественной пользе [2, с. 9]. В этой связи изучение одного из самых драматичных периодов русской литературы, когда власть оказывала сокрушительное влияние на творчество и жизни многих советских поэтов и писателей, приобретает особую актуальность.

На основе анализа исторических источников мы сделали попытку определить взгляды партии большевиков по отношению к роли и месту литературы в советском обществе, выделить основные этапы государственной политики в литературной сфере.

Еще задолго до Октябрьской революции в русской культуре начали формироваться предпосылки политизированной культуры, ориентированной на классовый интерес. В 1905 г. В.И. Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература» утверждал, что литературное творчество должно быть партийным, т. е. подчиняться классовым интересам пролетариата [3, с. 222].

В письме ЦК РКП(б) «О пролеткультах» (декабрь 1920 г.), которое стало первым документом, определяющим направление политики партии в литературной сфере, мы находим предписание Пролеткульту – объединению пролетарских культурно-просветительских литературных организаций – войти в Наркомат просвещения на правах отдела. Со времени своего возникновения Пролеткульт провозглашал классовый подход к культуре, но претендовал на полную свободу культурного творчества [Там же, с. 210]. В письме критиковались притязания пролеткультовцев на независимость от партийных и государственных органов.

Наряду с Пролеткультом, ведущими литературными организациями и кружками были РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), Всероссийский союз писателей, «Перевал», «Серapiоно-вы братья», имажинисты, ЛЕФ (Левый фронт искусств), «Кузница», конструктивисты и пр. Литературные кружки и группировки выступали индикатором интенсивности литературного процесса 1920-х гг.

* Работа выполнена под руководством Такташевой Ф.А., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Факт их существования и функционирования говорит о том, что в данный период литературный процесс развивался очень динамично [2, с. 10]. Литературное творчество 1920-х годов сохраняло свое многообразие. Писатель В.Т. Шаламов вспоминал, что это было время литературных сражений [3, с. 240].

На совещании в ЦК РКП(б) в мае 1924 г. Н.И. Бухарин говорил: «Мы должны, во что бы то ни стало, лелеять ростки пролетарской литературы, но мы не должны шельмовать крестьянского писателя, писателя для советской интеллигенции... Группировки здесь могут быть многообразны, и чем больше их будет, тем лучше. Они могут отличаться в своих оттенках. Партия должна намечать общую линию, но нам нужна, все-таки, известная свобода движения внутри этих организаций» [5, с. 206].

Еще от 6 июня 1922 г. декретом СНК при Наркомпросе было учреждено Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит). Этот орган был обязан выдавать разрешение на издание произведений (наделялся правом предварительной цензуры) и составлять списки произведений, запрещенных к продаже и распространению [3, с. 234].

Борьба партии за превращение литературы в инструмент политической системы приобрела четкие формы в середине 1920-х гг., когда 18 июня 1925 г. ЦК РКП(б) принял резолюцию «О политике партии в области художественной литературы». В ней говорилось, что партия не может связывать себя приверженностью к какому-либо направлению в области литературной формы [4]. Однако партия предписывала литературной критике вскрывать классовый смысл литературных произведений; главной задачей литературы оставалось идейное единство ее творческих сил на базе пролетарской идеологии [1, с. 53–57].

Данная резолюция была последним документом, предоставлявшим относительную независимость литературы.

В 1930-е годы литература окончательно превратилась в часть государственной политики и главной ее чертой стала идеологизация: литература должна была работать на идею коммунизма. Все, что в эту задачу не вписывалось, подлежало уничтожению – аресты, реквизиции освобождали власть от ненужного балласта «инакомыслия» [7, с. 14]. Тот, кто не принимал новую идеологию – заплатил изгнанием, непечатаемостью книг и даже жизнью. Среди них были И. Бабель, П. Васильев, А. Воронский, И. Катаев, С. Клычков, Н. Клюев, Б. Корнилов, О. Мандельштам, Б. Пильняк, Д. Хармс [3, с. 308].

Необходимо отметить, что поэты и писатели по-разному отнеслись к революции и к установлению советской власти. Они разделились по идейной принадлежности: одни из них приняли революцию, другие отнеслись сдержанно, третьи – отвергнули. Приняли новую власть и в той или иной мере сотрудничали с большевиками поэты: Н. Асеев, А. Блок, В. Маяковский, Н. Тихонов, В. Хлебников; прозаики: М. Горький, А. Серафимович, А. Фадеев, Д. Фурманов.

Характерной чертой обозначенного периода была первая эмиграция (по мнению Л.Г. Березовой и Н.П. Берляковой, пореволюционная эмиграция) поэтов и писателей за рубеж, которая пришлась на годы после революции и гражданской войны. Они стали эмигрантами вопреки своему желанию и составили за границей уникальное сообщество [3, с. 245]. Эмигрировали Г. Адамович, М. Алданов, К. Бальмонт, А. Белый, З. Гиппиус, Б. Зайцев, А. Куприн, Д. Мережковский, Б. Поплавский, А. Ремизов, И. Северянин, И. Шмелев и мн. др. Бегство интеллигенции – наиболее очевидный результат катастрофы, имевший отдаленные последствия для литературы страны. Уехали носители альтернативного мышления, остались деятели культуры, готовые к сотрудничеству с большевиками или подчинению [7, с. 14].

Этапом на пути к тоталитарному управлению литературой стало Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 г. Документ определил, что существование литературно-художественных объединений может создать опасность превращения этих организаций в средство культивирования кружковой замкнутости, а также отрыва от политических задач. Все они подлежали ликвидации и на их месте учреждал-

ся единый Союз Советских писателей. Таким образом, Постановление прекратило соревнование литературных кружков и группировок и послужило основанием для создания новой организации в рамках государственного аппарата [1, с. 172–173].

Была объявлена война всем художественным формам, стилям, течениям, отличным от официальной догмы «социалистического реализма». Как метод, социалистический реализм, который стал универсальным для всей советской культуры, был провозглашен в августе 1934 г. на Первом съезде советских писателей.

Соцреализм определялся как требование от «художника» правдивого, исторически конкретно-го изображения действительности в ее революционном развитии. Подчеркивалось, что это требование должно сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся в духе социализма. Социалистический реализм предлагал критерий отбора сюжетов и героев: все, что могло бы воодушевить массы на строительство нового социалистического общества. Новая социалистическая культура требовала от писателя ненависти к врагам, любви к народу, родине, партии, Сталину. Героем форм художественного творчества в стиле соцреализма должен был стать простой советский человек, который понимал любое решение партии и принимал его как руководство, был счастлив, что живет при советской власти. Ему, чаще всего, противостоял враг – шпион, кулак, священник, заблуждающийся интеллигент [3, с. 305–309].

Основоположником социалистического реализма стал М. Горький. Он считал, что главной задачей социалистического реализма является воспитание социалистического, революционного взгляда на мир. Типичным примером литературного произведения в жанре соцреализма стал его роман «Мать». Среди наиболее известных писателей, которые писали, опираясь на установленный властью метод, были А.А. Фадеев (роман «Разгром»), А.С. Серафимович («Железный поток»), Н.А. Островский («Как закалялась сталь», «Рожденные бурей»), К.А. Федин («Города и годы»).

1930-е годы были отмечены ужесточением цензуры. Главлит получил абсолютную свободу действий, которая определялась Правилами от 21 июля 1936 г., ими предусматривались многократные проверки издаваемого текста, запрет на обозначение точками снятого материала. Отсутствие в этот период иных издательств, кроме государственных, ставило писателя в абсолютную зависимость от диктата идеологии [6].

Навязанная властью политика централизации и унификации литературного процесса создавала серьезную преграду для независимого литературного творчества, в том числе для существования многочисленных группировок и литературных объединений [2, с. 10].

Таким образом, 1920–1930-е гг. XX в. – путь культурной политики советского государства от сравнительно либеральной к откровенно тоталитарной. Общей тенденцией 1920–1930-х гг. стала просветительская и учительская миссия литературы. В это время стали формироваться идеи о пролетарском писателе – «инженере человеческих душ», «о мудром вожде», о новом человеке – строителе социализма. Литература стала учителем советского общества [3, с. 244]. Направления политики партии в отношении литературы выражались, в первую очередь, в решении таких задач, как подъем общего культурного уровня населения, установление литературы на службу коммунистической идеологии путем превращения ее в инструмент пропаганды, формирующей образ мыслей и настроения общества.

Развитие литературного процесса в русле идеологизации и политизации в исследуемый период делится на два периода. 1920-е годы – этап политического плюрализма при диктатуре РКП(б) – ВКП(б), это период относительно независимой литературы, функционирования множества литературных кружков и группировок, которые начинают исчезать к концу 20-х XX в. 1930-е годы – установление тоталитарных основ, которые сопровождались тотальным подчинением литературы под контроль партии, созданием единого государственного механизма, репрессиями в отношении многих деятелей литературы.

Литература

1. Артизов А., Наумов О. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 2002.
2. Балашова Ю.Б., Цветова Н.С. Русская литература XX века: история, художественная идеология, поэтика. СПб.: Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2016.
3. Березовая Л.Г., Берлякова Н.П. История русской культуры: в 2 ч. М.: Владос, 2002.
4. Боголюбова А.С. Очерк художественной культуры советского периода. Арзамас, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://window.edu.ru/resource/221/42221/files/index.html> (дата обращения: 08.04.2019).
5. Егорова Л.П., Фокин А.А., Иванова И.Н. [и др.] История русской литературы XX века. Первая половина: в 2 кн. Кн. 1: Общие вопросы. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2014.
6. Кормилов С.И. История русской литературы XX в. (20–90-е годы). Основные имена. [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kormilov-s-i/istoriya-russkoj-literaturi-xx-veka-2090e-godi-osnovnie-imena> (дата обращения: 10.04.2019).
7. Мазур Л.Г. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917– 1930-е гг.: моногр.: в 2 ч. Ч. 2: Советское общество: культура, сознание, поведение. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019.

IRINA STARKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

IDEOLOGY AND LITERATURE IN THE USSR OF THE 1920–1930S

The article deals with the review of nationalization of literature in the 1920–1930s. There are analyzed the documents having been accepted by the party in literature. There are considered the peculiarities of literature process in the period and there are made some attempts to distinguish the stages of state policy in literature.

Key words: *literature, ideology, party, socialist realism, literature process.*

УДК 94(470+571)»17/1917»

Д.В. ТРЕТЬЯК

(d.v.tretyak99@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УРОВНЕЙ ВЛАСТИ В ВОПРОСАХ СОЦИАЛЬНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТСТАВНЫХ НИЖНИХ ЧИНОВ И ЧЛЕНОВ
ИХ СЕМЕЙ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.
(по материалам Саратовской губернии)***

Проведён анализ законодательных актов и делопроизводственных документов из фондов Государственного архива Волгоградской области по вопросам социальной поддержки отставных нижних чинов и членов их семей в Российской империи во второй половине XIX в. на примере Саратовской губернии. Выявлены особенности функционирования системы социального обеспечения указанных категорий населения.

Ключевые слова: *социальная защита, военнослужащие, отставные нижние чины, военные инвалиды, взаимодействие уровней власти.*

Построение гуманного гражданского общества требует, среди прочего, создания эффективной модели социальной защиты граждан. Чрезвычайно важным компонентом этой системы является социальная поддержка военнослужащих, т. к. на протяжении многих веков они являлись опорой власти, защитниками свободы и независимости страны. Научный и практический интерес представляет опыт взаимодействия органов власти различного уровня, а также благотворительных организаций в системе социальной защиты в различные периоды истории страны.

Как отмечается в статье Е.Ю. Болотовой и О.Н. Савицкой, вниманием волгоградских историков «традиционно пользуются проблемы развития и деятельности органов местного самоуправления на разных этапах исторического развития, органов государственной власти и управления, реализации государственной политики в разных сферах общественной жизни» [2, с. 186]. Сотрудники кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета исследуют вопросы реализации социальной политики на региональном уровне [1], проблемы социальной поддержки ветеранов Великой Отечественной войны [3] и членов их семей [12; 13]. Анализом изменений в сфере поддержки военнослужащих в досоветский период занимаются многие современные российские историки – И.П. Гладких, А.М. Тютченко, П.П. Щербинин, Ю.В. Щербинина и др. Актуальность исследования обоснована необходимостью комплексного междисциплинарного изучения различных аспектов социальной защиты отставных военнослужащих и их семей в различные исторические периоды, а также теоретической и практической значимостью выявления особенностей взаимодействия государственных и местных органов власти в сфере социальной защиты указанной категории населения.

Целью данной работы является изучение мер по обеспечению социальной защиты отставных нижних чинов и членов семей военнослужащих во второй половине XIX в. Задачи исследования включают изучение соответствующих законодательных актов, принятых на государственном уровне, и анализ особенностей их реализации на региональном уровне.

Во второй половине XIX в. в Российской системе социальной защиты военнослужащих существенно расширились объемы помощи, оказываемой нижним чинам. Так, в 1867 г. было принято Положение об устройстве отставных и бессрочно-отпускных нижних чинов [15, с. 997–1004]. Они освобождались от подушной подати и сбора на земские повинности. Приобретенные или построенные ими дома (на что бесплатно выделялись строительные материалы), приносящие менее 100 руб. годо-

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

вого дохода, не подлежали денежным сборам в течение 5 лет. Нижние чины получали единовременное пособие при водворении в городах и селениях, а также еще дополнительное пособие на обзаведение. Те, кому требовался постоянный уход, размещались в богадельнях и благотворительных учреждениях. Было назначено пожизненное содержание по 3 руб. в месяц тем нижним чинам, которые «будут признаны неспособными к личному труду и не будут иметь собственных средств к жизни ни родственников, желающих принять их на свое иждивение». Однако с 1870 г. получающие это пособие лишались права на пенсию из инвалидного капитала, т. к. предполагалось, что необходимую поддержку инвалидам окажет община или городское общество.

Начало русско-турецкой войны 1877–1878 гг. потребовало от органов государственной власти разработки мер по социальной поддержке семей военнослужащих, призванных на войну. По Высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 25 июня 1877 г., члены семей призванных нижних чинов и ратников, если они не имели собственных средств к существованию, могли получить: а) от города или селения – помещение с отоплением; б) от земств на каждого человека в месяц по 1 пуду 28 фунтов муки, 100 фунтов крупы, 4 фунта соли [17, с. 751–755]. В Саратовской губернии типографией губернского управления были напечатаны листовки с правилами получения пособия.

Реализацию обозначенных мер осложняли недостатки функционирования сложившейся системы. К их числу можно отнести недостаточный уровень информированности раненых и отставных нижних чинов о положенных им выплатах. Получение необходимых справок затруднялось чиновничьей волокитой. Местным властям было предписано информировать отставные чины о причитающихся им выплатах и порядке их получения. Однако представители местной власти зачастую сами были недостаточно осведомлены в этих вопросах – нередко были случаи составления справок с существенными нарушениями, что заставляло вышестоящие инстанции отклонять прошения. Переписка с местными властями по поводу отправки необходимых документов затрудняла работу Саратовской Казенной палаты, особенно учитывая тот факт, что лиц, получавших пенсии и пособия, в губернии было почти 10000 [11]. Многие запросы дублировались, что также говорит о несовершенстве системы взаимодействия между уровнями власти.

Информация о проблемах, существующих в порядке получения пенсий и пособий, доходила до высших инстанций. Так, в начале 1880 г. Министр Внутренних дел обращал внимание начальника Саратовской губернии, что нижние чины не знают, что получение пенсии из инвалидного капитала не лишает их права на получение иных выплат. Ему было поручено распорядиться о том, чтобы полицейские «при всяком удобном случае разъясняли раненым нижним чинам» основания для получения 3-х рублевого пособия или призрения в богадельнях, порядок «испрошения пособия» [8]. На региональном уровне губернатор Саратовской губернии неоднократно требовал от представителей местных властей большей исполнительности и внимания к нуждам военнослужащих. 15 марта 1878 г. он обратился к полицейским и волостным правлениям губернии: «по поводу поступающих ко мне в значительном количестве жалоб на невыдачу пособий, я считаю необходимым напомнить..., что всякая медленность, а тем более неправильные действия по призрению будут мною строго и без всякого снисхождения преследоваться» [6].

Размер некоторых видов социальной поддержки (со стороны государства и со стороны благотворительных обществ) строго не регламентировался и определялся «исходя из положения семьи», что повышало роль личного фактора и субъективности в назначении пособий [10; 17, с. 755].

Стоит подчеркнуть, что государственными структурами обеспечивались в основном меры поддержки самих военнослужащих, а оказание помощи членам их семей возлагалось на городские и сельские общества. В Уставе о воинской повинности говорилось, что «обществам, которые не в состоянии будут своими средствами обеспечить нуждающиеся семейства, выдается необходимое пособие из казны» [16, с. 2–29]. Саратовская губернская управа в июле 1877 г. извещала Царицынскую уездную управу о том, что в случае недостатка 2000 руб., ассигнованных на выдачу пособий семьям нижних чинов,

следует «открыть губернской управе кредит из свободных сумм запасного земского капитала, в мере действительной надобности» [5]. Можно отметить, что помощь семьям военнослужащих ложилась тяжелым бременем на бюджет. В связи с этим, Волостным правлениям предписывалось «следить за возвращающимися домой ратниками и нижними чинами и немедленно доносить о том Уездной Управе на предмет исключения их семейств из числа призываемых земством» [7].

Большую роль в системе социального обеспечения военнослужащих играли благотворительные общества. Учрежденный в 1814 г. Александровский Комитет о раненых, действуя лишь за счет благотворительности, выплачивал инвалидные пособия, оказывал помощь в форме пенсионного обеспечения, призрения в богадельнях, выдачи ссуд, улучшения жилищных условий, помощи семьям погибших, бесплатного медицинского обслуживания. Размер пособия зависел от звания и степени утраты трудоспособности. Однако получить это пособие оказывалось затруднительно. Просителям из нижних чинов предписывалось являться в полицейские управления 20-го числа каждого месяца «с указом об отставке и удостоверением от волостного управления о том, что не состоит ли и не состоял ли под судом или следствием и что у них капиталов и недвижимого имущества приносящего годового дохода 100 рублей нет». После предоставления этих документов нижние чины проходили медицинское освидетельствование, затем их заносили в инвалидный список [9].

На средства Российского общества попечения о раненых и больных воинах (с 1879 г. – Российское общество Красного Креста) в нагорной (наибеднейшей) части Саратова был открыт приемный покой, в котором оказывалась помощь «бывше раненым и увечным военного звания» [14, с. 3].

Однако даже с учетом использования средств благотворительных обществ для полного и гарантированного социального обеспечения нуждающихся в поддержке не хватало ресурсов. Так, Российское общество попечения о раненых и больных воинах в августе 1877 г. обратилось с просьбой к местным жителям тех населенных пунктов, которые находятся вблизи госпиталей, о принятии в свои дома выздоравливающих солдат, чтобы «освободить госпитали для принятия вновь поступающих больных» [4].

Таким образом, социальная поддержка отставных нижних чинов и членов их семей в России второй половины XIX в. обеспечивалась как государством, так и обществом (благотворительными организациями, городскими и сельскими обществами). Привлечение ресурсов местного уровня вносило значительный вклад в обеспечение социальной помощи указанным категориям лиц. Однако субъективность в назначении некоторых пособий приводила к значительным различиям в объеме предоставляемой помощи. Кроме того, система социальной поддержки отставных чинов и членов их семей имела существенные организационные недостатки, а основной проблемой стала чиновничья бюрократия, затрудняющая получение пособий.

Литература

1. Болотов Н.А. Социальная политика в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е годы: моногр. Волгоград: Перемена, 2004.
2. Болотова Е.Ю., Савицкая О.Н. Нижнее Поволжье в экономическом, политическом, социокультурном пространстве России XIX–XX вв.: опыт региональных исследований // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. 2011. № 8(62). С. 185–191.
3. Бондаренко И.В., Липатов А.В. Социальное обеспечение и культурное обслуживание фронтовиков и семей военнослужащих в конце 1940-х – начале 1960-х гг.: на примере Сталинграда – Волгограда // Война в судьбах народа: сб. материалов молодёж. конф., посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и приуроченной ко Дню рождения Выborgского р-на Санкт-Петербурга. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 93–97.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 187. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.
5. ГАВО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 63. Л. 3.
6. ГАВО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 129. Л. 34.
7. ГАВО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 129. Л. 59.
8. ГАВО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 209. Л. 4.
9. ГАВО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 209. Л. 8.
10. ГАВО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 209. Л. 14.
11. ГАВО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 209. Л. 26.

12. Липатов А.В., Меркурьева В.С., Такташева Ф.А. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: на материалах Сталинградской области // Известия Волгоград.гос.пед. ун-та. 2017. № 2(115). С. 192–198.

13. Меркурьева В.С. Социальная помощь семьям военнослужащих в Сталинграде в годы Великой Отечественной войны // VII Бартеневские чтения: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 330-летию со дня рождения В.Н. Татищева, 200-летию со дня рождения С.А. Геденова, 175-летию со дня рождения В.О. Ключевского. 2016. С. 227–231.

14. Отчет Саратовского местного управления и Камышинского местного комитета общества попечения о раненых и больных воинах за 1876 г. [Саратов: б.и. б.г.]. 1877.

15. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). СПб.: Тип. II. Отделения СЕИВК, 1871. Собрание II. Отделение I. Т. XLII. № 44745.

16. ПСЗ РИ. СПб.: Тип. II. Отделения СЕИВК, 1876. Собрание II. Отделение I. Т. XLIX. № 52983.

17. ПСЗ РИ. СПб.: Тип. II. Отделения СЕИВК, 1879. Собрание II. Отделение I. Т. LII. № 57503.

DARIA TRETYAK

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**INTERACTION OF LEVELS OF GOVERNMENT IN ISSUES OF SOCIAL SUPPORT
OF RETIRED LOWER RANKS AND MEMBERS OF THEIR FAMILIES
IN RUSSIA OF THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY
(based on the materials of the Saratov province)**

The article deals with the analysis of legal acts and current records from the funds of the State Archive of the Volgograd region concerning the issues of social support of retired lower ranks and the members of their families in the Russian Empire in the second half of the XIXth century at the example of the Saratov province. There are revealed the peculiarities of system's functioning of social protection of the indicated population categories.

Key words: *social protection, military personnel, retired lower ranks, service-disabled veteran, interaction of levels of government.*

УДК 94(47).081

А.Ю. ФОКИН

(fokin.1962@inbox.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(на примере Саратовской губернии)***

Анализируется процесс разработки проектов крестьянской реформы в Российской империи на протяжении первой половины XIX в. Рассматриваются некоторые законодательные акты правительства и реакция на них в Саратовской губернии.

Ключевые слова: *Российская империя, Саратовская губерния, крестьяне, крестьянская реформа, нормативно-правовые акты.*

Общеизвестно, что социально-экономическая система Российской империи, базирующаяся на крепостном праве, 19 февраля 1861 г. получила новое юридическое оформление. Актуальность крестьянского вопроса наблюдалась на протяжении первой половины XIX в. Именно в сохранении крепостной системы представители либеральных кругов видели тормоз дальнейшего развития страны во многих сферах. Таким образом, уже в царствование Александра I и Николая I был проведен ряд мер, направленных на постепенную отмену крепостного права. Некоторые из них были неоднозначны и не внесли особых изменений в существовавшую систему. Однако достаточно интересным представляется сам процесс подготовки, завершившийся в конечном итоге окончательной отменой крепостного права, при том не только в целом, но и отдельно по губерниям, в том числе и по Саратовской.

Региональный аспект этого вопроса был частично затронут лишь в некоторых работах. Однако детального изучения проведено не было.

Как отмечалось ранее, именно крестьянский вопрос был ключевым в первой половине XIX в. Уже император Александр I понимал всю пагубность крепостного гнета. По его мнению, отмена крепостного права должна быть последовательна и проходить в несколько этапов. Таким образом, уже в первые годы его правления были приняты некоторые указы в пользу крестьян. Однако на разработку целостного проекта крестьянской реформы в империи император дал одобрение лишь после того, как фактически закончился процесс отмены крепостного права в Прибалтике (1816–1819 гг.), а точнее – в 1818 г. Тайное поручение разработать проекты отмены крепостного права в Российской империи лично от императора получили министр финансов Д.А. Гурьев, главный начальник Императорской канцелярии А.А. Аракчеев, а также флотоводец и адмирал Н.С. Мордвинов [4]. Тогда же по повелению Александра I была составлена «Записка об освобождении крестьян в России от крепостной зависимости...», в которой подчеркивалось, что «необходимо держаться того же естественного и последовательного хода дела» [6, с. 542–544]. Однако ни один из проектов по отмене крепостной зависимости в период правления Александра I (1801–1825 гг.) так и не был реализован.

Вступление на престол нового императора Николая I (1825–1855 гг.) ознаменовало новый этап в разработке проектов крестьянской реформы. Восстание декабристов в 1825 г., крестьянские волнения, а также предложения некоторой части дворян рассмотреть крестьянский вопрос подталкивают нового императора к созданию 6 декабря 1826 г. «Секретного комитета», главным вопросом которого стал крестьянский. Вообще, за все время правления Николая I таких комитетов было девять [1, с. 6]. Уже в 1827 г. был издан «Закон о 4,5 десятинах» (пропавший в 1830-е годы из «Полного собрания законов Российской империи» по неизвестной причине), по которому правительство впервые ущемило дворянское «право на душевладение». Отныне крестьяне, имевшие земли меньше 4,5 десятин на душу, перечислялись в свободные городские состояния [3, с. 307].

* Работа выполнена под руководством Орешкиной Т.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Однако не все однозначно принимали изменения в пользу крестьян, особенно в губерниях, отдаленных от центра. Не исключением стала и Саратовская губерния, где нередким явлением было запугивание неграмотных крестьян. Достаточно обратиться к источникам личного происхождения, а именно – к воспоминаниям Константина Ивановича Попова – чиновника канцелярии саратовского губернатора. Так, после издания закона 1827 г. в Саратовской губернии необходимо было произвести пересчет количества внесенных крестьянами податей, а также выяснить, сколько десятин в помещичьих владениях приходится на каждого крестьянина. Однако возникли серьезные трудности при общении с самими крестьянами: крестьян-старообрядцев за подписи обещали «обратить» в православную веру; государственных крестьян мужского пола перевести в удельное состояние. Переубедить крестьян мирным путем не всегда удавалось, поэтому подписание необходимых табелей зачастую проходило с помощью «военных» мер. Только в одном Хвалынском уезде на полный пересчет и подписание табелей ушло около полугода [11, с. 173–174]. Кроме этого стоит учитывать, что это был не самый крупный уезд губернии.

Необходимо отметить, что правительство не оставило без внимания халатность чиновников, которая в итоге повлекла за собой большое количество недовольства и серьезные финансовые затраты, на что указывает большое количество делопроизводственных документов. Например, 6 апреля 1828 г. председателю Государственного совета и Комитета министров В.П. Кочубею поступило письмо от генерал-губернатора А.Х. Бенкендорфа о ситуации в Саратовской губернии. К письму была приложена записка «О лицах, промышляющих в Саратовской губернии сочинением ябедных прошений и ложных доносов», в которой были перечислены фамилии местных чиновников, дестабилизировавших ситуацию [10, ЛЛ. 1–9].

Социальное напряжение в крестьянской среде в губернии продолжалось и на протяжении 1830-х – 1840-х годов. Подавлять какие-либо недовольства в губернии было очень непросто из-за ее территории (площадь составляла около 18 миллионов десятин (более 192 тысяч квадратных километров)) и неуклонного прироста населения. По VIII ревизии 1834 г. в Саратовской губернии проживало 762978 человек, из них крестьян – 663106 (государственных крестьян – 306491, помещичьих крестьян – 320618, удельных крестьян – 35 997) [2, с. 58]. Уже в 1845 г. в Саратовской губернии, согласно данным доктора исторических наук М.А. Водолагина, проживало 1717303 человека, из них крестьян – 1303965, т. е. за десятилетие население губернии увеличилось практически в 2,5 раза [3, с. 68].

Недовольство крестьян своим положением проявлялось преимущественно в двух формах. Некоторые аспекты предреформенного периода, в том числе этапы настроения крестьян, были рассмотрены автором ранее в статье «Законодательство 1861 г. и реакция крестьян Саратовской губернии» [12, с. 172–175].

Итак, первая форма – жестокая расправа с помещиками. Достаточно обратиться к «Материалам для уголовной статистики России...». По данным за 9 лет (с 1835 по 1843 г.), Саратовская губерния занимает первое место по количеству сосланных в Сибирь за убийство помещиков (34 человека), значительно опережая Симбирскую губернию (33 человека). Отметим, что Владимирская губерния (22 человека), занимающая в этом списке третье место, отстает достаточно сильно от первого и второго места. Приведенные статистические данные отчетливо подтверждают сложное положение крестьян и их непростые взаимоотношения с помещиками. Заметим, что в соседней губернии – Астраханской за эти же 9 лет таковых преступлений не было вообще! Однако это была лишь одна из форм реакции крестьян на сложившуюся ситуацию [9, с. 158].

Вторая форма – открытое проявление недовольства. Ранее мы рассматривали проблему пересчета и подписания табелей о количестве податей в Хвалынском уезде. В 30-е годы XIX в. это недовольство разгорелось с новой силой, о чем свидетельствует «Дело по донесению Саратовского гражданского губернатора о крестьянах Шалкинской волости, упорствующих в принятии таблиц о количестве принадлежащих сбору податей и хлеба», датированное 23 декабря 1837 г. – 14 декабря 1838 г. Крестья-

не четырех сел и деревень Шалкинской волости Хвалынского уезда отказались «платить казенные подати и вносить в запас хлеб», за что самые активные из них были временно взяты под стражу. В случае не прекращения недовольств, местная команда офицеров получила право военного суда над крестьянами [5, Л. 1].

Часть помещиков осознавала неэффективность барщинной системы, основанной на крепостном праве. Однако фактов, когда хозяева добровольно отпускали крестьян, крайне мало. Хотя такие случаи были, в частности, в Саратовской губернии. В качестве подтверждения можно обратиться к источникам личного происхождения. Например, в воспоминаниях помещика В.А. Шомпулева говорится о помещице Марье Федоровне Дмитриевой. Перед смертью в 1847 г. она завещала отпустить своих крестьян на волю со всей землей. Приказание было выполнено. Однако помещик замечает, что «эта обстоятельство в то время немало наделало хлопот, так как подобные распоряжения помещиков были очень редки, и к ним относились с некоторой подозрительностью», в результате чего крестьяне землю продали и примкнули к саратовскому мещанскому обществу, боясь быть снова прикрепленными к земле [7, с. 44].

В этот же период времени продолжает работу учрежденный в 1835 г. Секретный комитет – уже третий по счету. Проекты полной отмены крепостного права продолжали разрабатываться, предусматривая постепенное освобождение крестьян без земли. В итоге после многочисленных дискуссий был разработан проект Указа об обязанных крестьянах 1842 г. Подводя итог работы комитета, в том числе объясняя, почему не был разработан проект отмены крепостного права, император заявил: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному теперь было бы злом, конечно, ещё более гибельным...» [4, с. 42].

Несмотря на то, что Николай I понимал всю пагубность крестьянской зависимости от помещиков, сломать этот механизм он боялся. Во-первых, потому что основные проекты отмены крепостного права предполагали освобождение крестьян без земли, что вызвало бы их колоссальное недовольство (как это было после отмены крепостного права в Прибалтике в 1816–1819 гг.). Во-вторых, многие из дворян были решительно против отмены крепостного права.

Таким образом, разработка проектов крестьянской реформа началась уже с начала XIX в. и продолжалась на протяжении всей первой его половины. Провести постепенную реформу, разделенную на несколько этапов, фактически не получилось, несмотря на немалое количество указов, касающихся модернизации крепостной зависимости. Этот процесс зачастую приводил к крестьянским волнениям, Саратовская губерния исключением не стала. Для установления порядка в губернии нередко применялась и военная сила. Однако в 1855 г. начинается Крымская война, заставившая правительство поставить на первое место внешнеполитические интересы. Поражение в этой войне, а также сложившийся экономический кризис создали тяжелую внутриполитическую ситуацию, выход из которой новому монарху виделся в скорейшей отмене крепостного права, что и произошло в 1861 г.

Литература

1. Алексеев В.П. Секретные комитеты при Николае I // Великая реформа. М., 1911. Т. 2.
2. Булычев М. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004.
3. Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М.: Наука, 1968.
4. Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России конца XVIII – первой четверти XIX века: сб. документов. Липецк: Липец. гос. пед. ун-т, 2003.
5. Дело по донесению Саратовского гражданского губернатора о крестьянах Шалкинской волости, упорствующих в принятии таблиц о количестве принадлежащих сбору податей и хлеба. 23 декабря 1837 г. – 14 декабря 1838 г. / Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 6. Д. 266. // Президентская библиотека имени Ельцина. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/1064918> (дата обращения: 18.03.19).
6. Записка. Об освобождении крестьян в России от крепостной зависимости, составленная в 1818 году, по повелению Александра Павловича / сообщ. С.А. Соболевским // Русский архив, 1865. 2-е изд. М., 1866. Стб. 542–544.

7. Из записок старого помещика (Быль из прошлого) // Русская старина. 1908. № 7.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории: в 5 ч. СПб., 1904–1922.
9. Материалы для уголовной статистики России: Исслед. о проценте ссылаемых в Сибирь / Е. Анучина. Ч. 1. Tobolsk: Tob. губ. стат. ком., 1866.
10. Письмо генерал-адъютанта Бенкендорфа к графу Кочубею от 6 апреля 1828 г. с приложением записки о лицах, промышляющих в Саратовской губернии сочинением ябедных прошений и ложных доносов. 6 апреля 1828 г / РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 254. // Президентская библиотека имени Ельцина. [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 18.03.19).
11. Попов К.И. Записки о Саратове // Саратовский край: Ист. очерки, воспоминания, материалы. Саратов: Сарат. о-во вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. Вып. 1.
12. Фокин А.Ю. Законодательство 1861 г. и реакция крестьян Саратовской губернии // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2018. № 3(20). С. 172–175. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1528111426.pdf> (дата обращения: 18.03.19).

ALEXANDER FOKIN

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**EFFORTS OF SOLVING THE PEASANTS' ISSUE
IN THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY
(at the example of Saratov province)**

The article deals with the process of developing the projects of the peasants' reform in the Russian Empire during the first half of the XIXth century. There are considered some regulatory legal acts of the government and the response to them in the Saratov province.

Key words: *the Russian Empire, Saratov province, peasants, the peasants' reform, the regulatory legal acts.*

УДК 94(470+571)»17/1917

Н.С. ЦЫБКО

(natusiaczibko@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**ПРОБЛЕМЫ СЕМИНАРИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НАЧАЛА XX В.
НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ СЕМИНАРИИ***

*Рассматриваются основные проблемы Саратовской духовной семинарии начала XX в.
Приводятся взгляды правого духовенства на происходящие события.*

*Ключевые слова: духовные семинарии, Саратовская губерния, семинаристы,
правое духовенство, Саратовский духовной вестник.*

Начало XX в. в Российской империи было временем коренного переустройства всех сфер жизни общества. Это – тот период, когда системный кризис не обошел стороной и духовную школу. Исключением не стала и Саратовская духовная семинария, переживавшая в начале прошлого столетия не самые легкие времена. Этот кризис проявлялся с разных сторон.

Одной из насущных проблем являлось недостаточное финансирование духовных школ, что довольно серьезно сказывалось на бытовых условиях воспитанников и качестве образования в семинариях. Саратовская семинария к началу XX в. состояла из двух зданий – «нового», построенного в 1885 г. и рассчитанного на 8 классов, и «старого», открытого в 1830 г., в котором оставались классы для вечерних занятий, общежитие для своекоштных воспитанников и квартиры некоторых наставников. Между этими двумя зданиями существовало приличное расстояние в 3 км.

Ощутимые проблемы начались, когда возникла необходимость в открытии параллельных отделений при классах. Во-первых, средства требовались для дополнительных окладов и оборудования помещений, во-вторых, не было конкретных зданий и помещений под дополнительные классы, а аренда какого-либо помещения стала бы для семинарии непосильной. В итоге открытые параллельные классы расположились в «новом здании» и фактически забрали многие удобные помещения, предназначенные для других целей.

Одновременно встал вопрос и о расширении общежития. Опять же, за неимением средств, было принято решение отремонтировать нежилое здание при «старой» семинарии. Однако более трети семинаристов по-прежнему жили отдельно от основного здания семинарии.

Санитарное состояние хозяйства в семинарии было так же далеко от идеала. И в классных комнатах, и в общежитии не хватало мебели, признавалась недостаточная вентиляция помещений и довольно слабое освещение, спальни плохо убирались. Нельзя обойти стороной и такую важную проблему, как питание семинаристов. Его можно назвать скудным, отмечалось и однообразие блюд.

Несмотря на то, что семинарии финансировались на уровне или даже лучше светских учебных заведений, а общее количество семинаристов было меньше, чем гимназистов, уровень быта воспитанников духовных школ был хуже, чем светских. Это объяснялось тем, что средняя стоимость содержания одного воспитанника в семинарии была выше, чем в светских школах, а так же тем, что в структуре бюджета казенные средства не превышали 40%. Остальные средства были общецерковными и епархиальными [5, с. 99–100].

Следующей проблемой семинаристского образования начала XX в. можно выделить отток семинаристов в светские учебные заведения и нежелание связывать свою жизнь с духовным ведомством: «Многих семинаристов не привлекала стезя пастыря вообще. В духовном ведомстве, по мнению одного из благочинных, “если оставались лица, то это можно назвать плохим отбросом, который идет на просвещение народа...”» [10, с. 278]. Многие же воспитанники шли в семинарию не по велению сердца, а по сословной привычке, настоянию отца или использовали духовную школу для получе-

* Работа выполнена под руководством Савицкой О.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ния среднего образования. Когда в период великих реформ семинаристам открылась возможность поступать в университеты, многие устремились к получению высшего светского образования.

Выпускники семинарий, предпочитая продолжать свое образование в высших светских учебных заведениях, объясняли это более интересной и обеспеченной жизнью в дальнейшем. Это признавали и сами священники, выражавшие свое мнение на страницах церковных журналов. Так, в одной из статей приводится мнение о. Михаила Левитова, который как бы оправдывал семинаристов за их желание построить карьеру светского, а не церковного человека. Он говорил о том, что личное счастье, о котором все мечтают, гораздо более доступно светскому чиновнику, нежели священнику. Оставаясь служить церкви, молодого человека ожидали годы учительства в сельской школе за крайне малое материальное вознаграждение, тогда как в светском учебном заведении была возможность приобщиться к культурной городской жизни [8, с. 19–20]. Важным послужило и восстановление автономии университетов в 1905 г., что подтверждается следующими высказываниями: «Количество студентов, желающих учиться, значительно стало увеличиваться, с обновлением автономии» [2, с. 10]; «Стоило только гражданскому начальству открыть семинаристам двери в свои высшие школы и следствием этого явился массовый в последние годы выход учащихся из трех старших классов семинарий в светские высшие учебные заведения...» [3, с. 4].

Служители церкви были обеспокоены тем, что гимназисты имеют больше шансов на поступление в духовные академии, нежели семинаристы. Это осложнялось специальными экзаменами, которые даже лучшие выпускники семинарий не всегда в состоянии были сдать. Как это сказывалось на церковно-приходской жизни? А так, что большинству оставалось довольствоваться средним образованием, часть же поступала в светские высшие учебные заведения. Респондентами отмечалась потребность священников в просвещении и обучении, по причине которой многие и уходили в университеты. Ряды же приходского духовенства пополнялись исключительно семинаристами, ибо для тех, кто имел академическое образование всегда находилось место в духовно-учебных заведениях. Однако новые условия общественной жизни требовали от духовенства широкого кругозора, знаний из разных областей и наук, грамотной речи и правильного слова, что не всегда удавалось предоставить для прихожан служителям церкви. Это еще раз подтверждало то, насколько были необходимы качественные перемены в семинарском образовании [12].

Помимо учебного процесса, не менее важным представлялся и воспитательный. В задачи духовного учебного заведения входило не только обучение, но и воспитание детей. Последняя задача была особенно насущна, т. к. деятельность семинарий была нацелена на освоение научных знаний и фактическое игнорирование воспитательного компонента. Учителя попросту не имели контакта с воспитанниками во внеурочное время, тогда как в народной же школе учителя и ученики находились в тесной связи друг с другом круглые сутки, имелись отдельные воспитатели. В школах министерства народного просвещения была должность классного наставника, который нес ответственность за определенных детей и знал их лучше, чем остальные учителя. По мнению священников, таких воспитателей или должностей не хватало в духовной школе, по все той же причине – нехваток денежных средств, которые были так же и причиной дезорганизации духовной школы [15]. В светских учебных заведениях существовали педагогические советы, в состав которых входили родители. Аналогами в духовной школе являлись советы семинарий и духовных училищ с представителями от духовенства. Однако вся их деятельность ограничивалась канцелярской работой, а зачастую такие советы были только на бумаге, не проводя никакой работы на деле.

Отмечалось, что пропасть и недопонимание между учениками и учителем можно было бы преодолеть с помощью дополнительного времяпрепровождения. И сам епископ Гермоген в своем отзыве отмечал: «более всего следует озаботиться в деле обновления духовно-учебных заведений их воспитательной стороной» [7, с. 508].

Эта невозможность наставлять учеников на протяжении всего дня давала о себе знать. Учащиеся не знали, как правильно вести себя в той или иной ситуации и чем заняться на досуге, отдавая пред-

почтение азартным играм, пьянству. Запрещалось многое из того, что могло положительно влиять на нравственные и эстетические чувства воспитанников: спектакли оказывались недоступными, посещение художественных выставок не поощрялось, паломничества по храмам не организовывались. На тот момент выход виделся в введении для учащихся различных развлечений: читальни, занятия музыкой и гимнастикой, организации литературных вечеров, проведении экскурсий в город для посещения музеев, галерей и зверинцев и других достопримечательностей и святынь [4].

Неподготовленность к жизни вне стен духовного учебного заведения обуславливалась еще и тем, что долгое время в семинариях периодические издания и некоторый круг книг находились под запретом. «Семинарские библиотеки не могли отвлечь учеников от запрещенной литературы» [1, с. 131]. Это приводило к тому, что семинаристы читали что попало, подпольно доставали газеты, журналы, а также различные сочинения по истории, философии, беллетристике и т. д. Критического чутья у них было мало в связи с отсутствием опыта в анализе литературы, поэтому все прочитанное принималось им за чистую монету. Однако постановлением Синода от 8 февраля 1906 г. было определено, что впредь в семинариях будут выписываться журналы и газеты, а также пополняться библиотечные запасы книг разного жанра, но обязательно полезных. «Какой это, однако, шаг вперед попут раскрепощению духовной школы!» [13, с. 11]. Наиболее сознательные священники понимали, что запрет чтения определенной литературы не приведет к положительным последствиям. Напротив, семинаристам необходимо читать различную литературу, но учитель своим словом должен направлять мысль учащегося в правильное русло, подсказывать, какие мысли полезны для него, а какие вредны.

Все вышесказанное подводит нас к мысли, что в начале XX в. духовная школа находилась в состоянии кризиса. Вопрос воспитания и дисциплины был ключевым для духовной семинарии этого периода, т. к. этот кризис «преимущественно затронул организацию учебно-воспитательного процесса и систему семинарской дисциплины» [5, с. 15].

На всем протяжении рассматриваемого нами периода руководство Саратовской духовной семинарии и сам епископ Гермоген столкнулись с рядом трудностей и проблем. Отмеченные инциденты варьировались от, казалось бы, самых безобидных до наиболее жестоких и беспощадных. Воспитанники отказывались отвечать задания на занятиях, были замечены в чтении запрещенной литературы, усилилось пьянство и, что тогда называлось, «неблагоповедением» воспитанников, проявлявшееся в посещении публичных домов [6, с. 157–159]. Преподаватель Саратовской духовной семинарии О. Успенский в своей статье [15] также отмечал, что преподаватели рассматривались учениками как сторона враждебная для них. В порядке вещей были случаи, когда преподавателя могли обмануть, осмеять, освистать.

Проблемы усиливались из-за так называемого освободительного движения начала XX в., в которое было вовлечено огромное количество именно семинаристов. Это привело духовные школы к состоянию распушенности, дерзости, а иногда насилий и даже убийств, а «Саратов стал в начале XX в. одним из центров так называемого “движения семинаристов”» [Там же, с. 156]. До 1904 г. массовых волнений в саратовской семинарии не было, но уже с осени этого же года произошли ряд волнений, высказывание семинаристами недовольства имевшейся системой в учебном заведении. Семинаристы подавали «петиции», заявляли «требования» об изменении программ и существующего режима, в связи с чем были даже приостановлены на некоторое время занятия [11].

Последующие годы также сложно назвать спокойными для саратовской семинарии. Так, к примеру, уже в 1906 г. семинаристы были замешаны в общегородском протесте учащихся, в Саратове было создано отделение общероссийского семинарского союза, был налажен выпуск нелегального журнала «Семинарист». В 1907 г. учащиеся бойкотировали проведение экзаменов, в связи с чем семинария была временно закрыта. Были предприняты репрессивные меры к нарушителям порядка, после чего до 1910 г. семинарская жизнь протекала относительно спокойно. Однако уже в конце 1910 – начале 1911 г. волнения начались снова.

В своей статье Л.В. Шалимова отмечает: «Уровень протестных настроений в семинариях изначально был выше, и в годы революции многие их воспитанники стали субъектами настоящего насилия» [16, с. 62]. Это высказывание подтверждает факт, что 12 марта 1911 г. был убит инспектор саратовской семинарии А.И. Целебровский, над которым воспитанники всячески издевались продолжительное время и крайне недолго любили его. После этого случая была проведена тщательная проверка, по результатам которой было уволено более 100 воспитанников [5, с. 139–143].

Священники откликнулись на произошедшие события статьями, опубликованными в Саратовском духовном вестнике в тот же год. Они считали, что произошедшее обнажило все проблемы, имевшиеся, прежде всего, в саратовской семинарии. Главной причиной они называли недостатки в системе образования, а именно стремление уравнивать преподавание наук богословских и светских, что являлось так же одной из насущных проблем семинаристского образования начала XX в. По мнению духовенства, светские науки должны были служить богословским, ведь только тогда у семинаристов будет складываться верная, по мнению духовенства, картина мира. Саратовский епископ Гермоген «высказывался за сокращение в духовных семинариях общеобразовательных предметов, особенно естественнонаучного цикла, которые своим содержанием нередко вступали в противоречие со Священным Писанием. Он полагал, что из программ следовало убрать нравственное и догматическое богословие, и сделать больший упор на изучение самого текста Священного Писания...» [9, с. 132].

Обвиняли священники и учебник по всеобщей гражданской истории, в котором приводились, по его наблюдению, одни только войны. Он полагал, что в таком виде учебник уместен только в светских учебных заведениях, а не в семинарии, где готовили воспитанников к мирному служению богу. Негативно действовало и изучение современных радикально-прогрессивных идей, посредством которых воспитанники напивались диаметрально противоположными идеями, необходимыми духовной школе. В связи с чем автор строк делает вывод: «не отсюда ли развитие кровожадных инстинктов в учащейся молодежи» [14, с. 22].

Все это свидетельствовало о кризисе Саратовской духовной семинарии в начале XX в. и об острой необходимости реорганизации духовной школы.

Литература

1. Беглов А.Л. Один день православного семинариста: повседневная жизнь российских семинарий во второй половине XIX – начале XX вв. по воспоминаниям современников // Религиозное образование в России и в Европе в конце XIX – начале XX в. / под ред. Е. Токаревой, М. Инглота. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2016. С. 114–140.
2. К университетской реформе // Саратовский духовный вестник. 1905. № 2. С. 10–11.
3. Колпенский В. Духовно-учебное дело // Саратовский духовный вестник. 1907. № 43. С. 3–4.
4. Мамотов Мстислав, священник. Нужды духовной школы // Саратовский духовный вестник. 1907. № 32. С. 9.
5. Мраморнов А.И. Духовная семинария в России начала XX века: кризис и возможности его преодоления (на саратовских материалах). Саратов: Научная книга, 2007.
6. Мраморнов А.И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов: Научная книга, 2006.
7. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 2. М.: Общество любителей церковной истории: Изд-во Крутицкого подворья. 2004.
8. Почему семинаристы стремятся в высшие учебные заведения? // Саратовский духовный вестник. 1905. № 1. С. 19–20.
9. Савицкая О.Н. Православное духовенство в правомонархическом движении 1905–1914 гг. По материалам Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.
10. Савицкая О.Н. Учащиеся духовных учебных заведений Саратовской губернии в революционном движении // Известия Волгогр. пед. ун-та. 2015. № 5(100). С. 277–279.
11. Советов О., священник. Где выход? // Саратовский духовный вестник. 1906. № 12. С. 8–9.
12. Советов О., священник. К вопросу о реформе духовной школы // Саратовский духовный вестник. 1905. № 13. С. 9–11.
13. Советов О., священник. Отрадное новшество // Саратовский духовный вестник. 1906. № 14–15. С. 10–12.
14. Соколов Александр, священник. Семинарская Цусима и ее причины // Саратовский духовный вестник. 1911. № 38–39. С. 19–23.
15. Успенский О. Нужды духовной школы // Саратовский духовный вестник. 1906. № 6. С. 6–7; № 7. С. 6–7.
16. Шалимова Л.В. Кризис системы духовного образования в России в начале XX века // Вестник Евразии: Независимый научный журнал. 2002. № 4(19). С. 52–71.

NATALIA CYBKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**ISSUES OF SEMINARY EDUCATION OF THE BEGINNING OF THE XXTH
CENTURY AT THE EXAMPLE OF SARATOV SEMINARY**

*The article deals with the basic issues of Saratov religious province of the beginning of the XXth century.
There are presented the views of right church at the happening events.*

*Key words: religious seminary, Saratov province, seminary students,
right clergy, Saratov religious reporter.*

УДК 908

Л.А. ШКУРОВА

(luda.shkurov@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ТАЛОННАЯ СИСТЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ТОВАРОВ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕСТРОЙКИ (на примере Волгограда)*

Во время перестройки в СССР повсеместно вводится талонная система распределения товаров в связи с дефицитом товаров широкого потребления. Рассматривается подробный ход событий с точки зрения рядового гражданина на примере жителей Волгограда с целью как изучить само явление талонной системы в СССР во время перестройки, так и понять, как оно затрагивало обычных жителей страны.

Ключевые слова: талоны, перестройка, Волгоград, товарный дефицит, талонная система, дефицит, Волгоградская область, очереди.

Актуальность этой темы, по нашему мнению, состоит в богатстве и разнообразии источников, существующих по данной теме в современный период. Есть много людей, заставших изучаемый период в сознательном возрасте, что значительно дополняет и расширяет источниковую базу исследования, т. к. задействуя устные источники, можно провести анкетирование или интервью с непосредственными участниками этих событий. Также эта тема мало изучена, что расширяет поле деятельности.

Кроме этого, тема жизни в СССР сейчас активно поднимается в обществе и СМИ, обрастая со временем различными догадками и домыслами. В данной статье мы попытались максимально отразить объективную реальность.

Научное исследование товарного дефицита в СССР затруднено тем, что такие исследования из политических соображений не проводились, иностранные стали известны после распада СССР [8], а начиная с 1992 г. исчез предмет для самого исследования. В 1990–2000-е годы экономические проблемы второй половины 1980-х годов изучались весьма интенсивно, но о талонной системе упоминается лишь едва. В книгах, посвященных новейшей истории Волгограда и региона, о талонной системе не упоминается.

Одним из источников исследования стало социологическое исследование в форме анкетирования, проведенное в октябре–ноябре 2016 г. В ходе работы были опрошены взрослые не моложе 35–40 лет.

При изучении подшивки газет «Волгоградская правда» и «Вечерний Волгоград» за 1988–1992 гг. были найдены публикации, посвященные талонной системе. Как правило, это были небольшие заметки или опубликованные письма граждан.

Суть талонной системы заключается в том, что для покупки дефицитного товара необходимо не только заплатить деньги, но и передать особый талон, разрешающий покупку определенного количества данного товара. Причиной возникновения талонной системы была количественная и качественная недостаточность товаров широкого потребления.

Недоступность основного круга товаров вызывала общественное недовольство. Человеческая энергия направлялась на поиски необходимых товаров, каждый год на эти цели тратилось 65 млрд человеко-часов. Исследователи утверждают, что до 35 млн человек постоянно «работали» в очередях без гарантии сделать желаемую покупку [1].

Система нормированного распределения распространилась на государственную торговую сеть, предприятия, организации, учреждения. Талоны использовались при продаже мясопродуктов в 26 областях РСФСР, масла – в 32, а сахара – в 52. Нормы продажи продуктов питания варьировались в зависимости от возможностей региона: мясопродукты – от 0,3 до 3 кг на человека в месяц, масло – от 0,1 до 0,5 кг, макаронные изделия – от 0,5 до 1,5 кг [3, с. 28].

* Работа выполнена под руководством Гаврилюка И.Л., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

Целью введения талонов было обеспечение населения минимально гарантированным набором товаров. Спрос должен был снизиться, т. к. без талона соответствующие товары в государственной сети торговли не продавали [14].

С 1987 г. в Волгограде начала действовать система нормированного распределения товаров. Первыми в июле 1987 г. были введены талоны на сливочное масло. Впоследствии талоны были введены на большинство остальных продуктов питания и непродовольственные товары (табак, спиртное, колбаса, чай, крупы, соль, сахар, стиральный порошок и мыло).

С марта 1988 г. в «Вечернем Волгограде» регулярно в рубрике «По слухам и в действительности» появляются материалы о возможном введении талонов на сахар, это и письма читателей, и заметки корреспондентов. В интервью заместитель начальника городской торговли Е.Г. Фомушина (март 1988 г.) утверждает, что «вопрос о введении талонов нигде, ни в партийных, ни в советских органах, ни в областном и городском управлении торговли не ставился и не обсуждался» [12, с. 4]. Однако уже 26 июля 1988 г. принято распоряжение исполкома «Об упорядочивании торговли сахаром» [7, Л. 17].

Помимо талонов вводились официальные нормы отпуска товаров в одни руки (в 1988 г. с 1 августа сахаристо-кондитерские изделия отпускались из расчета 2 кг в одни руки) [Там же, Л. 4]. К сахаристо-кондитерским изделиям, как вскоре выяснилось, относилась кондитерская продукция – от шоколадных конфет до пряников.

Внимание журналисты обращают и на многочисленные жалобы на сложность получить сами талоны. Талоны выдавали по месту прописки в ЖЭУ (или в общежитии, для иногородних студентов ВУЗов).

С наступлением 1989 г. в Волгограде стало не хватать мыла и моющих средств, и это при двух гигантах химической промышленности в городе («Каустик», «Химпром»), на которых увеличивается производство дорогостоящей продукции, менее дорогой – сокращается. Происходило нечто подобное и на других предприятиях, поэтому на прилавках пылилось дорогое парфюмированное мыло «Консул», а «Детское мыло» за 18 копеек достать было невозможно [9, с. 4]. Талоны на моющие средства, введенные с февраля 1989 г., остаются неотоваренными.

В июле 1989 г. 110 000 человек не смогли отоварить талоны на сахар (3 кг в месяц на человека), потому что в город недопоставили 328 т сахара [11, с. 2].

Жители старались закупить товары впрок. С октября 1989 г. торговля пустила в продажу вдвое больше стиральных порошков, в домашние закрома уже (к 23 декабря этого же года) ушло более десяти процентов годовой реализации синтетических моющих средств, но запасы продолжали пополняться – выбрасывать талоны люди опасались [10, с. 4]. Видимо, власти опасались ответственности за организацию поставок необходимого количества товаров при введении талонов, неслучайно по талонам на мыло с июля 1989 г. по апрель 1990 г. разрешали продавать шампунь [6, Л. 12].

Судя по наличию рубрики «Надоели очереди», с проблемой очередей боролись. Однако, по-видимому, эти меры не были достаточно эффективны – жалобы на очереди продолжали поступать также регулярно.

В октябре 1989 г. Тракторозаводский райисполком принял решение продавать дефицитный товар по спискам предприятий. Для тех, кто жил и работал в разных районах, возможность покупки сводилась к нулю [13, с. 20].

Когда вводились талоны, в распоряжении исполкома было сразу оговорено, что они действительны в течение одного календарного месяца. Продлевается отоваривание талонов только на продукты, которые отсутствовали в продаже или были завезены в район, но в недостаточном количестве. Из-за нерегулярных и несвоевременных завозов сроки выдачи продуктов по талонам часто менялись, что вызывало негативную реакцию населения.

При сравнении публикаций и решений (распоряжений) исполкома Волгоградского Совета народных депутатов можно отметить, что волгоградцы в таких условиях не были против талонной системы, она давала шанс на приобретение хотя бы минимума товаров. К примеру, в одном из писем читательница предлагала ввести талоны на спиртное в целях борьбы с пьянством, и до этого в той же газете уже это предлагалось три квартала ранее. Напротив, исполком не торопился вводить новые талоны.

Отвечая на письма читателей, председатель Волгоградского городского Совета народных депутатов Ю.В. Чехов объясняет, что вводить талоны на муку и алкоголь пока не нужно [2, с. 2]. Однако через месяц выходит распоряжение о продаже спиртных напитков по талонам [4, Л. 24].

Не хватало и промышленных товаров, поэтому с 19 октября 1990 г. продажа промышленной продукции осуществлялась лишь при предъявлении паспорта с пропиской в Волгограде [Там же, Л. 22].

Примечательно, что в прессе к осени 1990 г. озвучиваются мысли о невозможности сочетать выстраиваемые рыночные отношения и талонную систему. Однако граждане продолжают писать просьбы о новых талонах и способах контроля за их распределения и реализации.

С января 1991 г. всё внимание прессы и жителей Волгограда временно переключилось на обсуждение многократного повышения цен на товары, которое не спасало от огромных многочасовых очередей.

Введение в Волгограде с 1 апреля 1991 г. вместо части талонов карточек ситуацию не улучшило. Одновременно уменьшились нормы отпуска по карточкам: сливочное масло 300 г вместо 500 г, сахар 1 кг вместо 1,5 кг в месяц на человека [5, Л. 37].

Оценка причин образовавшегося дефицита у респондентов отличалась не сильно. Большинство респондентов указывают причиной дефицита и введения талонной системы следствия развала экономики в СССР и видимый скорый развал самого государства.

Все респонденты определили период существования талонной системы как конец 1980 – начало 1990-х годов, с небольшими расхождениями.

В ответах на вопрос о товарах, продаваемых по талонам указывались продовольственные (сахар, колбаса, сливочное масло, алкоголь) и непродовольственные (табак, синтетические моющие средства, чулочно-носочные изделия, бытовая техника). Отвечая на вопрос, упрощала ли талонная система приобретение товаров, респонденты отвечали неоднозначно. Большинство отвечали «нет», упоминая о бесконечных очередях и невозможности приобрести товары даже по талонам.

Респонденты также разошлись во мнениях о ценах на товары по талонам и без них. Около 40% считают, что разницы не было, но большинство утверждают, по талонам товары были дешевле.

**Результаты социологического исследования
в форме анкетирования (300 участников)**

Укажите Ваше место проживания в период талонной системы	Около 90% – Волгоград; Около 5% – Грузия; Около 4% – Украина
Была ли введена талонная система в той местности, где Вы проживали?	Около 99% – да (респонденты, проживавшие в Грузии и Украине уточнили, что это было не так заметно и товары, в принципе, было купить реально)
Укажите временной период существования талонной системы распределения товаров	Около 90% – 1987–1991; Около 7% – 1985–1993; Около 2% – 1980–1990 (в основном, респонденты пожилого возраста); Около 5% уточнили, что талоны были во время ВОВ
Какие товары можно было приобрести по талонам?	Общий список (упоминало около 100% респондентов, с небольшими вариациями): сахар, масло, молоко, колбаса, алкоголь, моющие средства, табак; за какие-либо заслуги: мебель, ковры, обувь
Упрощала ли талонная система приобретение товаров?	Около 90% – нет; Около 7% – упрощала; Около 2% – затрудняюсь ответить
Была ли разница в ценах на товары по талонам и без талонов?	Около 40% – разницы не было; Около 60% – разница была (и существенная; по талонам дешевле)

Каковы, по Вашему мнению, причины образовавшегося дефицита?	Около 70% – развал экономики в СССР и видимый скорый развал самого государства; Около 30% – слишком усиленные дотации в республики, падение цен на нефть в конце 70-х годов, выматывающая гонка вооружений, сам социалистический строй; Однако более молодые люди (младше 50 лет) отмечают, что дефицит ощущался всегда, но не в такой степени, и с ним жить все привыкли, видя недочеты и в устройстве экономики
Ваш возраст	Около 60% – 40–50 лет; Около 20% – 50–60 лет; Около 10% – 60–70 лет; Около 5% – 70+ лет; Около 5% – 35–40 лет
Ваше образование	Около 70% – высшее; Около 30% – среднеспециальное
Сфера Вашей профессиональной деятельности.	Около 30% – образование; Около 30% – медицина; Около 30% – страхование; Около 10% – другое.

Таким образом, мы попытались максимально полно и непредвзято изучить и описать явление талонной системы распределения товаров во время перестройки через призму восприятия собственно жителей Волгограда того времени. Поднимая подшивки газет и изучая мнения людей непосредственно в то время, на наш взгляд, мы получили неискаженное представление об этой эпохе. Эти исследования подкреплены самым важным – документами, которые подтверждают, однако не совсем полно отражают действительность того времени. Такие исследования важны в современный период, когда массовая память, отсекая негативные воспоминания, транслирует только положительные стороны минувшей эпохи (что, в общем-то, свойственно человеческой памяти), что порождает некоторые заблуждения, которые мы и ставили целью не допустить.

Литература

1. Абылдохин Ж. Модернизация от противного // Эксперт: общенациональный деловой журнал. 2011. № 21/312. [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/kazakhstan/2011/21/modernizatsiya-ot-protivnogo/> (дата обращения: 13.11.2016).
2. В магазин – за покупкой, а не за скандалом // Вечерний Волгоград. № 10(3010). 1990, 15 янв.
3. Воронов А. О проблемах преодоления дефицита и методах регулирования потребительского рынка // Вопросы экономики. 1990. № 1. С. 26–32.
4. Журнал регистрации распоряжений исполкома городского совета народных депутатов за 1990 год // Государственный архив Волгоградской области. Ф. 71. О. 4. Д. 2427.
5. Журнал регистрации распоряжений исполкома городского совета народных депутатов за 1991 год // Государственный архив Волгоградской области. Ф. 71. О. 4. Д. 2561.
6. Журнал регистрации распоряжений исполкома за 1989 год // Государственный архив Волгоградской области. Ф. 71. О. 4. Д. 2306.
7. Журнал регистрации решений исполнительного комитета за 1987 год // Государственный архив Волгоградской области. Ф. 71. О. 4. Д. 2133.
8. Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.
9. Малышева Н. Очередь за талонами // Волгоградская правда. № 30(21218). 1989, 5 февр.
10. Мельникова Т. Дефицит? // Вечерний Волгоград. № 238(2938). 1989, 17 окт.
11. Мызиков И. Вся власть – талонам? // Волгоградская правда. № 169(21357). 1989, 23 июля.
12. Паньков Н.А. Если ввести талоны? // Вечерний Волгоград. № 64(2464). 1988, 17 марта.
13. Ступников А.М., Панова П.Б., Чуев В.Г. [и др.] В ...дцатый раз все о том же // Вечерний Волгоград. № 287-288(2987-2988). 1989, 16 дек.
14. Якупов Р.А. Система нормированного распределения товаров в областях Среднего Поволжья в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Молодой ученый. 2010. № 9. С. 241–247.

LYUDMILA SHKUROVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**COUPON SYSTEM OF DISTRIBUTING GOODS DURING THE RESTRUCTURING
(at the example of Volgograd)**

The coupon system of distributing goods was massively realized during the restructuring of the USSR because of the shortage of consumer goods. There is considered a detailed course of events from the point of view of a simple citizen at the example of Volgograd residents in order to learn the phenomenon of coupon system in the USSR during the restructuring and to understand its influence on common citizens.

Key words: *coupons, restructuring, Volgograd, shortage of goods, coupon system, deficit, the Volgograd region, queues.*